

Мечта и драма

Арсай бежит, быстро-быстро, со всех лап, быстрее, чем за добычей, но это дается ему легко и без усилия, словно силы его удвоились, утроились, возросли сто-крат; совсем не замечая, как мелькает мир вокруг от бега, он видит пред собой толь-ко ровную, длинную тропу, ведущую в неизвестность; Арсай слегка опасается этой тайны, но чувство неумолимо шепчет, что туда, именно туда, и никуда иначе нужно бежать, ни в коем случае не останавливаться, потому как нет времени на остановку, как и на всё остальное, а лишь только на бег. Вот! Да. Тропка кончается, за ней об-рыв, который приближается стремительно и неумолимо, но Арсай не боится, ему неведом страх вообще, он чувствует лишь радость оттого, что прыгнет туда, вниз, где видны лишь нереально далекие облака и больше ничего. Он прыгнул, томное чувство полета пронзило его; Арсай пролетел лишь миг, падая вниз, как тут всё по-блекло, стало ненастоящим, а реальными стали лишь травинки, на которые он смот-рел сквозь полуоткрытые глаза.

Арсай провел лапой по ушам, потом по лбу, словно умываясь. Закрыв глаза — таки еще хотелось спать. Потом снова открыл. Мир вокруг понятен и скучен: вот высокая трава, в ней уютится большой одинокий камень, на который уже взобралась Лассиши, чтобы погреться в первых лучах не слишком щедрого солнца сезона до-ждей; а вот рядом спит друг Арсая, Матенрай, которому нипочем ни оживленный разговор Далиссы и Санирры, которые болтают, попутно потачивая когти о пова-ленный баобаб, ни возня лвьят, которые решили очень уж шумно поиграть прямо здесь, за этим же поваленным баобабом; да, кстати, вот и он, этот самый баобаб, любимый у Арсая — он старается спать у него и только у него, потому что такова его привычка; и Арсай подумал, не привык ли к нему за эти года и сам баобаб. Но подумал лишь вскользь, просто так, ведь всерьез думать такие мысли, понятное де-ло, глупо.

Лев снова закрыл глаза. Мир подождет, можно еще немного поспать. Куда спешить? Правильно, никуда. Спешат лишь неуверенные в себе, а Арсай настолько уверен в себе, что дальше некуда; потому, сладко растянувшись, приготовился по-дремать еще немножко, а лучше, если удастся уснуть, если только прекратятся этот визг, пародия на рычание и глухие звуки ударов позади баобаба. Конечно, можно шикнуть на лвьят, или даже встать и зарычать, но лень; кроме того, Арсай знает, что дети — это новая жизнь для этого мира, так что пусть играют, пока есть время и же-лание, ведь во взрослом мире не ждет их ничего особо интересного, да и чудес тоже больше не будет. Было бы еще неплохо, чтобы Далисса́ и Санирра́ говорили о своей чепухе потише; но всё же прерывать разговор сестер по прайду, особенно если одна из них беременна, весьма невежливо и грубо. Да и снова ж таки, лень это делать.

«Может, смогу досмотреть этот сон? А вдруг!», — с безнадегой подумал Ар-сай. Но сны нельзя загадать, они приходят сами по себе, уходят так же, а потому не стоит, не стоит питать надежду, лучше просто провалиться в темноту и забыть, и на этом конец...

Ненадолго от плена полусна освободил громкий треск позади. «Я сейчас их порву на части!», — подумал Арсай и тут же забыл об этом. Матенрай недовольно поворочался, чем вызвал недовольство у Арсая, и пришлось тоже устроиться по-удобнее; это, в свою очередь, снова вынудило Матенрая недовольно заворочаться.

— Хорош ерзать! — с тихим рыком протянул Арсай, негромко, чтобы не согнать остатки дремы.

— Ты достааал, — зевнул Матенрай и снова уткнулся в передние лапы.

Потом над ними решила произдваться Далисса:

— Эй! С добрым утром, прайд Регноран!

Львы ничего не ответили.

Наконец, судьба сжалилась над ними: Далисса и Санирра ушли, львята тоже убежали поискать другое место для игр. В мире наступили гармония и согласие. Всё. Можно спокойно уйти туда, в забытье, куда все уходит рано или поздно, но ненадолго, на время...

Арсай ощутил, как некто нагло и требовательно трясет плечо, причем грязной лапой.

— Ну? Чего? — открыл он глаза, щурясь от солнца. — Кто там?

— Старик, помогай, выручай, спасай! Умираю. Тону.

Это — Мазару́. Он всегда умирает и тонет. Это небольшой, худой лев с короткой и смешной гривой, которая к тому же торчит в разные стороны; одно ухо располосовано надвое, а второе почему-то сплошь коричневого цвета, хотя первое — золотистого, как обычно. Подбородок у него тоже почему-то темного цвета, а не светлого, как у всех. Но это не мешает ему пользоваться определенным успехом у львиц, а еще он драчун, весельчак и очень шустр. Жизнь Мазару тратил, собственно, на жизнь, а не на всякую ерунду. Конечно же для такого любой обход — просто несусветно глупая трата времени, и он всяческими ухищрениями старался избежать сей участи. Вот как сейчас.

— Катись.

— Слушай, — загородил собой солнце Мазару, и Арсай смог смотреть на него не щурясь, — мы же с тобой вроде как взрослые львы, можем договориться. Арсай, давай, я тебя прошу в самый последний раз...

— Пффф, если б ты этого не сказал, я, может, каким-то чудом согласился, а теперь можешь притопывать в...

— Арсай, ты не понимаешь. Это очень важно!

— Да, да, да, да... — откинулся на баобаб Арсай.

— Заступи за меня на дневной. Разок!

Арсай лишь закрыл глаза лапой. Этих разков была уже сотня. Тот просит о невозможном. Только не сегодня. Сегодня никаких дел не намечается, а потому можно поваляться целый день. Всё!

— Твоя морда смотрела, где солнце? Есть мысли по этому поводу?

— Ерунда, — махнул лапой Мазару, словно это действительно было ерундой. — Драмингарр еще ничего не знает. Я потом ему скажу, что ты меня сменил.

— Да уж, нормальная подстава. Мало того, что я заступлю за кого-то в дневной обход, так и еще тогда, когда солнце уже давно над деревьями. Угадай, кто в этом случае будет дураком?

— Тогда пошли к Драмингарру, я ему всё скажу, — Мазару нашел чудно простое решение.

— Но ты же подставишь сам себя! — с удовлетворением отметил Арсай.

Мазару аж крутнулся на месте. Он понял, что Арсай просто препирается, забавляется, и ясное дело, никуда не пойдет.

— Тогда я отбуду за тебя целых три обхода, — выдавил он из себя.

Арсай было хотел небрежно возразить, но вдруг задумался. Да, точно... Солнце, облачка, ветер. В такую погоду обход — несложное и более-менее неплохое дело. А скоро дожди, долгий сезон дождей. Целых три обхода. Это заманчивое

предложение! Арсай знал, что взятые на себя обязательства Мазару придется исполнить, так как слово льва прайда Союза — твердое слово.

— Чё у тебя там приключилось? — любопытствовал Арсай.

— Долго рассказывать. Так как? — спешно молвил тот, чувствуя удачу.

— Ну смотри. Слово даешь? — встал Арсай.

— Я знал, что ты нормальный, Арсаище, — тыкнул в него лапой Мазару и постучал себя по левому плечу в знак верности своему обещанию. — Пошли к Дrame.

Драмингарра, одного из ярлов, молодые львы из озорства и для удобства называли Драмой.

Арсай было сделал несколько шагов, но тут кое-что надумал.

— погоди, я разбужу Матенрая. Может, он со мной пойдет.

Самому в саванне скучно и неинтересно, потому хороший собеседник стоит очень много. Но, вот беда: в обход идут, как правило, по одному — ярлы редко назначают большие обходы; второй же лев пойдет лишь по доброй воле, и обязанность побывать на обходе территорий в свой день с него отнюдь не снимается. Поэтому охочих всегда не слишком много.

Со слабой надеждой Арсай начал будить лучшего друга.

— Вставай, дружище, дело есть.

— Ну? — спросил тот, не открывая глаза, лишь наострив ухо.

— Пошли со мной в обход.

Тот некоторое время обдумывал услышанное.

— Так сегодня ж не твой день.

— Я сменю Мазару.

Матенрай открыл один глаз, посмотрел на друга, потом на окружающее.

— Солнце уже на деревьях. Ты как-то поздно вато хватился.

— Да он мне только что сказал. Ну, идешь?

— Не. Извини старик, я только вчера побывал.

Арсай это знал и настаивать не стал.

— Ладно. Я пошел.

— А где, собственно, обход будет? — вдруг спросил Матенрай, растянувшись вдоль баобаба.

— Как где. Яскарл Дrame обходит равнины, запад и юг, до тропы в Хартланд...

— Вот как, — молвил Матенрай. — Я слышал, сменили...

— Да-да, — перебил его Мазару, — теперь по-другому. Ярлы снова решили между собой, кто чего обходит. Наш яскарл теперь обходит Гремящие.

Гремящие скалы считались более трудными для обхода, нежели остальные два направления, поскольку по густым зарослям там любили шастать гиены и шакалы, которых нужно гонять; обилие всякой растительности затрудняло обход, муравьев там полно (лежать не дадут), ну и всегда оно было наиболее ответственным направлением — ведь это прямо ко львам-севернякам. Арсай очень недобро посмотрел на Мазару-наглеца, отчего тот слегка сжался. Ведь этот большой черногрив если разозлится, то уж разозлится; все знают, что Арсай страшен в гневе, но, благо, вывести из себя его трудно вато.

— Так, так. Новые подробности.

— Я думал, ты знаешь, — Мазару сказал таким тоном, будто Арсай не знал, что над головой светит солнце, а они — регноранцы.

Матенрай засмеялся и, почесавшись, перевернулся на другой бок.

— Пошли к Дrame, — вздохнув, сказал Арсай.

Ярла оказалось не так просто найти, он куда-то запропастился. Арсай лениво шел за Мазару, который суетливо, но без успеха пытался найти Драмингарра — всюду ждала неудача.

— Слушай, я ему потом скажу! Ты давай, беги, — остановившись возле Главных скал, молвил Мазару.

— Разозлится он, — равнодушно заметил Арсай.

— Да не твое это дело. Я всё решу.

— Ну, как знаешь.

Глянув на солнце и небо, Арсай подумал: «Эх... Душно будет». Не шумел свежий ветер, и воздух будто застыл.

— Спасибо. Выручил ты меня, — хлопнул его Мазару по сильному плечу и тут же исчез.

Арсай вздохнул, сделал несколько шагов. «Что ж, пойдем...». Лень, но ведь это взамен на целых три обхода! Сделка более чем выгодная. Правда, ярлы и старейшины ругаются, когда молодые львы меняют порядок обхода, устраивая неистовую чехарду, меняя очередь и торгуясь ею, выставляя на кон в поединках по борьбе; потом сам слон ногу сломит, если осмелится разобраться в том, кто, где и когда заступает в обход. Иногда ярлам это изрядно надоедает и они всё решают прямо и грубо, назначая наново весь порядок. Весь старый уклад рушится, все начинают выяснять, у кого перед кем должок, ну и всё начинается по новой...

Вот он идет возле водопоя, возле реки Сааш, которая берет свое начало далеко, где-то в Больших горах, там где живут северняки. Река большая, щедрая, и придется идти вниз, далеко, чтобы перейти ее по старому, знакомому до боли броду. Арсай немного постоял, раздумывая, переплыть ли реку, и решил, что лучше пойти вброд. Неохота шерсть и гриву мочить: сохнуть долго.

Ах да, вот и одна из шамани прайда, Нейла. Арсай в приветствие вежливо поклонился ей, глубоко, даже чуть глубже, чем требует приличие, поскольку очень любит ее, эту шамани, которая всё успевает, никому не откажет, да еще имеет сразу двух учениц.

— Счастливого тебе дня, Арсай, — смотрит она на него, чуть сощутив глаза, потом открыв рот, словно ей не хватает воздуха. Он проходит мимо, но шамани вдруг резко, лапой останавливает его, а потом пристально смотрит, с кончиков когтей до ушей окидывая взглядом, словно стараясь нечто найти, и при этом даже иногда скалится, словно злится. Наконец, Нейла находит то, что ищет, удовлетворенно кивает, что-то еле слышно шепчет и отпускает его с миром, знаком чего служит ее очень своеобразная улыбка. Арсай не знает и не знал, что она делает, впрочем, как и все остальные (кроме, наверное, учениц шамани), ну а спрашивать ее — бесполезно.

Кто не знает Нейлу, то сразу бы подумал, что она весьма не в себе. Но в прайде привыкли к ее, как им казалось, причудам. Кое-кто их терпит, не выказывая недовольства (попробуй-ка выскажи что-то против Нейлы), некоторые остаются к ним равнодушны, ну а Арсаю они очень нравятся. Для него в них есть смысл; непонятная, но цель.

Арсай уже начал уходить, но шамани окликнула его, продолжая смотреть на то место, где он стоял:

— Смотри хорошо сегодня, Арсай, — молвила Нейла, потом бросила на него взгляд. — Смотри.

И приложила лапу к носу внешней стороной, повторяя слова этим охотничьим жестом.

— Смотри, — снова сказала шамани, глядя ему в то в левый, то в правый глаз.

Потом, как ни в чем не бывало, повернулась и пошла дальше по своему пути

Лев знал, что объяснений не последует, а если он посмеет их требовать, то в лучшем случае получит толчок в плечо лапой и недовольный взгляд. Потому просто пошел дальше к броду, обходя вислые деревья у берега, которые с детства недолюбливал: когда был маленьким, то оттуда на него отчего-то бросился разъяренный барсук. Это оставило свой след.

— Чего это с ней сегодня... Эт что-то новое... О, привет Замири!

— Привет.

Замири — симпатичная, юная львица прайда, с которой у Арсая всё что-то крутится, крутится, и никак не может закрутиться во что-то большее, чем простые заигрывание и хорошие отношения. Арсай вроде как и хочет ее, но как-то не особо, вполсилы, словно не веря собственному желанию. Он уже видел в ней недостатки: требовательна («Арсай! Нужно то, нужно это, пойдй сделай то-то и то-то... Ах, ты не сделал!») и хвост короткий, а это ему вовсе не нравится. А всё остальное вроде ничего, лишь бы не этот местами скверноватый характер. Ну, вот так... Все остальные львицы в прайде то ли имеют львов, то ли Арсаю не подходят по всякой-разной причине, и он сильно подозревал, что ему очень скоро придется пуститься в путешествие по прайдам Союза для поиска; он не хотел быть свободным, как выбирают иные львы. Его утомляли сиюминутные любовные приключения, коих было-то всего раз-два и обчелся в его молодой жизни.

А еще можно привести в прайд свободную, чужую львицу из Большого мира, такое допустимо (в отличие от льва-чужака — такое строго воспрещено во всем Союзе), но в этом мало чести. «Чужая кровь — нечистая кровь». Таких принимают с большим трудом и неохотой; она должна быть хороша собой и с умением жить в прайде, а где такую сыскать в Большом мире?

— Почему грустишь? — спросил ее Арсай, заметив слегка прижатые уши и хвост, который тихонько дергался из стороны в сторону.

— Да уж пошла в одиночку чего поймать, и сплошные неудачи. Как проклял кто! — молвила Замири с оскалом.

— Если кушать хочешь, то там еще...

— Да что мне еда! Разговор вообще не об этом. Я и есть-то не хочу! Меня неудачи в одиночной просто убивают! — она еще больше завихляла хвостом. Замири легко вывести из себя.

Арсай скорчил скептическую гримасу и неопределенно махнул лапой, что означало нечто среднее между «Ну и чего ты начинаешь?» и «Всякое бывает в жизни».

— Это чего ты кривишься? — с подозрением спросила она.

— Да не кривлюсь я...

— Да-да, будто я не вижу, — Замири нашла повод обидеться.

Он хотел было ее успокоить, но передумал. Не хотелось тратить на это силы и время, поскольку их потребуется довольно много, и всё равно в итоге окажешься в дураках.

— Пожелай мне удачного обхода.

Она смерила его взглядом.

— Удачного. Обхода, — насмешливо пожелала Замири и гордо удалилась, чувствуя себя в большой обиде на Арсая.

Тот постоял немного, смотря ей вслед. Потом, почесав гриву, неспешно пошел дальше. Арсая всё это особо не расстроило: он знал, что ей через полдня пройдет, и она уже будет в хорошем расположении духа. Если повезет. «Уж такие они, львицы», — отметил он сам для себя.

Брод сегодня оказался глубоким, кое-где вода доходила до подбородка — это река наполнилась водой от дождей. Арсай расстроился, так как намочиться всё равно пришлось, грива мокрая, и попробуй тут ее высуши. Ну ладно... Он оперся передними лапами о деревцо, которое покорно согнулось под весом льва, чтобы осмотреть окрестности. Вокруг никого: в этой стороне охотничьи группы практически никогда не охотятся. Вздохнув и ударив лапой деревцо, отчего оно окончательно сломилось, лев пошел дальше. Еще немного, и Арсай дойдет до пути обхода.

Он шел в густой траве, иногда сквозь кусты, которые оставляли на нем листья, колючки и прочие неприятные, приставучие вещи, отчего он вскоре стал похож на дикобраза, а не на льва. Есть путь и почище, но, как это всегда бывает, подлиннее, а Арсаю лень обходить. Солнце уже грело хорошо, начинали надоедать мухи, коих в этих зарослях полно.

Вот он и подошел к условной границе, где уже можно начинать обход. Первым делом глубоко втянул воздух: нету ли запаха гиен, шакалов и прочей дряни. Потом постоял, подумал, куда идти: налево или направо? Разницы особой нет, но всё равно вопрос требовал решения. Арсай, немного поколебавшись, пошел на северо-восток, к Гремящим скалам, то есть, направо.

В детстве им строго запрещалось туда бегать, отчего все будущие львы проводили там целые дни, полные игр и света. Скалы кишели змеями, но если знать повадки, то их несложно избегать; кроме того, их норы заметно сразу. А еще, за Гремящими скалами уже начинается ничейная территория, а дальше — предгорья и ущелье, которое ведет в сами горы, а это уже родина львов-северняков. Сейчас они никакой опасности не представляют, они давно ушли куда-то севернее и восточнее, живут они не слишком большими, разрозненными прайдами, и интереса к землям Союза не выявляют уже долгий десяток лет. Потому, самое главное — нужно было умело спрятаться от обхода, в обязанности которого входило выгонять отсюда львят. Это было самое волнующее приключение. За все детство их ловили считанные разы, и тогда маленький Арсай удивлялся, какие глупые и нечуткие эти взрослые; но, когда сам стал взрослым, то всё понял. Обход делают молодые львы, которые сами совсем недавно бегали по этим скалам, потому им неохота и лень прогнать отсюда непослушных хулиганов. Кроме того, это абсолютно бесполезно — они, покорно кивнув, снова с довольным смехом вернутся, как только обходящий исчезнет с виду.

Вот так и сейчас. Арсай не видел остальных, они спрятались хорошо, но в семье не без урода, а потому кто-то (Арсай не мог точно сказать, кто именно) «спрятался» за редким кустом, и пялится в него во все глаза. Да если хоть нормально спрятаться не можешь, то лучше уже не смотреть в сторону опасности, поскольку очертания морды различаются очень хорошо, лучше подставить однотонную шерсть спины и покорно ждать, что тебя не обнаружат. Арсай решил поиграть в маленькую игру. Он остановился и сделал вид, что принохивается и напряженно оглядывается по сторонам. Представив себе, как у них всех бешено колотится сердце, он улыбнулся и, будто успокоившись, пошел дальше.

Он вылез на скалы, повыше, чтобы осмотреть местность. От скуки издал рык, который примерно означал «я здесь» и «это моя территория». Вообще же, это иногда полагалось делать обходящим для предупреждения чужаков о том, что они близки к земле прайда, где просто так гулять вовсе не следует. Сошел вниз, чтобы поставить метку, снова вылез наверх. Можно тут немного побыть, потом пойти дальше.

Арсай разлегся на выгодном для наблюдения месте. Но валяться надоело много быстрее обычного, потому он пошел вниз, по узкой тропке. Вскоре по пути

попалось неожиданное развлечение — старый и больной кролик. Передвигался он еле-еле, но сожрать его никто еще не успел, потому Арсай решил немного поиграть с добычей. Подошел к нему, оцепеневшему от ужаса.

— Ути-пути, — и ткнул его когтем. Тот весь дернулся, притих, потом заверещал. Но от страха с места сдвинуться не мог.

Кушать Арсай не хотел, да и старая крольчатина — это, так сказать, ни о чем. В шутку погладил кролика лапой, но случилась неприятность — игрушка вдруг умерла от страха.

— Вот те на... — молвил себе Арсай и пошел дальше, думая о том, что очень хорошо, когда тебя все боятся.

Потом в ноздри ударил знакомый запах. Да, вот она, эта старая самка-леопард, которая живет здесь уже много лет. Прогнали всех, но только не ее — это оказалось невозможным, отчего львы прайда прониклись к ней даже неким уважением. Тут и так никто не охотится, тогда пусть живет, если никому вреда не приносит.

Арсай поднял голову. Всё верно — та сидит на дереве и смотрит с неприязнью. Как только взгляды встретились, начала шипеть.

— Кхрраассса, кхрраассса, — злобно шипела и рычала она на все лады. Леопарды говорят очень мало и только по делу, а язык их беден. Что с них возьмешь — одиночки.

— И тебе привет, — беззлобно молвил Арсай. Но не уходил, так как требовалось, чтобы она слезла с дерева и ушла куда подальше. «Чего торчать на этом дереве, если прекрасно знаешь, что тут будет обход?», — недоумевал Арсай. — «Видимо, ей тоже нечем заняться».

Рыкнул на нее, она зашипела громче. Потом очень медленно и с достоинством слезла, оскалилась на прощание и неспешно ушла в заросли.

Захотелось пить. Арсай знал, что недалеко есть густые заросли, с высокими деревьями, а там всегда в этот сезон найдутся хорошие, чистые лужи, и родник там тоже есть, но очень маленький. Он пошел быстрее, перелез через кучу поваленных деревьев, обогнул большой холм и достиг этого хорошего, тенистого места. Втянув воздух, он слабо учуял воду. Ну, иначе и быть не могло. Вон там, под этой небольшой, поросшей травой скалой, она всегда найдется.

Арсай вскочил на камень, потом на другой. На третьем, мокро, поскользнулся и чуть не упал, но спасли когти.

Ругнулся:

— Шакал!

Начал лакать холодную воду. Пил долго и много, Арсай любил пить побольше, хоть и знал, что если обпить, то уходит сила — становишься вялым и ленивым; а лень ему растить не стоит, ее и так в достатке. Напившись, ненадолго прилег. «Чуть отдохну и пойду». Задерживаться здесь надолго нельзя, нужно делать обход, отсюда не видно земли: вокруг лишь скалы с одной стороны, и деревья — с другой.

Сзади что-то треснуло. Арсай недоверчиво обернулся. Но там — ничего. Он зевнул, уткнулся в лапы от дневной истомы, потом вдруг... Что такое? Слабый запах львицы, совсем незнакомый. Арсай обнюхал камень, но это было не от него. Запах свежий и в воздухе. Лев наострил уши, почему-то посмотрел вверх на скалы, потом обернулся.

Неожиданность!

Там — львица. Длинная шерсть странного, каменисто-светлого оттенка, вдоль всей спины темная-темная полоска. Очень красивая мордочка, и глаза в тон шерсти, лишь только темнее, лапы длинные, почти черные уши; живая изящность!

Крутит заинтересованно длинным хвостом с большой кисточкой из стороны в сторону, да так сильно, что Арсай даже бегло осмотрел себя. Такой внезапный интерес весьма и весьма странен.

«Львица-северняк?», — недоумевал Арсай. По всем признакам, это она. Но отсутствие враждебности, напротив, даже доброе расположение говорили, что это, скорее всего, просто свободная львица мира. «Да ну, быть не может!». Да и что львице из Больших гор здесь делать-то, в это время, в этом месте?

Он уже было хотел спросить, кто такая, как незнакомка оказалась проворнее: — Как ты зовешься?

Львица сделала два шага, смотря на него с улыбкой, слегка опустив голову.

— Арсай, — ответил он. Невольно выпустил и впустил когти, скребя ими камень: львица в этот момент была до безумия хороша. Часто, чтобы тебе кто понравился, нужно хорошо рассмотреть, привыкнуть. А тут — мгновенно! Арсай просто стоял, безо всяких условностей любуясь ею. Бывает же такое...

— Хорошо, Арсая. Что делаешь ты здесь? Делаешь что? — обратилась она со странно-ласковым «Арсая».

— Обход... — смотрел он на нее. Мир вокруг стал каким-то... странным. Словно всё ненастоящее, понарошку, чья-то шутка во сне, а остается лишь она. Арсай вдруг подумал, что перегрелся на солнце, что оно разморило разум, и мотнул головой. Вроде прошло. «Эй, кто она, что здесь делает?». Только хотел спросить, но львица снова не дала опомниться:

— Зачем делаешь ты обход, Арсая? Делаешь зачем? Кто сказал тебе? — она с него не сводила взгляда.

Эти вопросы загнали в полный тупик и безысходность; он растерялся, не ведая, как ответить. Арсай попытался нечто молвить, но эта попытка прошла впустую: она сделала еще несколько шагов, оказавшись возле него рядом, вплотную.

— Молчи, молчи, слов нет в тебе, молчи, — вдруг сказала она. Зыбкий мир снова начал удаляться. Но чувство беспокойства и опасности нарастали в нем; сначала Арсай долго, казалось, целую вечность, играл с нею в темную игру взглядов. Наконец, освободился, хотя это было трудно и тяжело, и оглянулся по сторонам, слегка пригнувшись и сделав еще шаг назад. Показалось, что его окружают, что где-то таятся враги, питая свою злобу — взыграло чувство опасности.

Львица мгновение стояла спокойно, а потом зарычала и оскалилась, от некоей досады аж скребнув когтями по земле.

— Грррр! Плоха жертва, плоха, — тихо и яростно молвила она, лишь только для своих ушей, но Арсай услышал это чутким слухом. Львица сделала несколько шажков назад, прижав уши, видимо, собираясь уходить. — Ахмар плох, гррррр...

— Э! Эй! Ты кто? — недоверчиво сказал он.

— Замри! — мгновенно, с рычанием и прыжком, взмахнув хвостом, молвила незнакомка. При этом она сильно согнула передние лапы, выгнулась, будто хотела прыгнуть на добычу.

Арсай опешил от такой наглости. Такое разозлит кого угодно.

Она, скалясь, сделала шагок назад. Потом выпрямилась и начала уходить.

— Но, ты! А ну, иди сюда! — зарычал и себе Арсай, следуя за нею. Она, по всему, собралась исчезнуть как ни в чем не бывало, и потому Арсай сделал огромный прыжок к ней, чтобы не ушла. Так получилось, что ей нужно было вскарабкаться, вскочить на высокий камень, чего она сделать не успевала. Остальной путь преграждали скала и сам Арсай, который предусмотрительно прыгнул туда, где находился путь для отступления. Он не на шутку разозлился на всю эту ерунду.

Львица снова оскалилась вовсю, реально, с угрозой зарычала, и снова так же выгнулась, как перед прыжком. Сделала шаг назад, к скале. Она старалась испугать Арсая, чтобы отказался от интереса к ее персоне.

Но Арсай был пуганный: всякий страх давно притупился во большом количестве поединков среди львов прайда. Конечно, в них никто никого не убьет, но схлопотать можно, а это убивает боязнь перед кем-либо и перед любимым ударом. А тут ведь львица, бояться львицы — смешно и позорно.

— Подходить не вздумай! — от оскала он не видел ничего, кроме ее ровных белых зубов.

Да точно! Львица-северняк. Арсай только теперь обратил внимание на ее говор, эту своеобразную манеру речи: она растягивала и как-то слишком четко выговаривала каждый звук. Да, это их способ говорить.

— Убью! — угроза звучала реально. Арсай сделал еще несколько шагов навстречу. Он почувствовал озноб вдоль спины, и как вздыбилась шерсть от злости. Это больше, чем можно стерпеть.

— Ты на нашей земле, — Арсай ступил шаг вперед.

— Нет разницы для меня, хожу, как хочу! Не прикажешь ты мне!

— Это как так? Кто ты? — повернулся он слегка боком, выставив левую лапу и плечо, чтобы легче принять возможный удар.

— Не твое дело! Дело не твое! — она стелилась всё ниже к земле. Видимо, таким способом хотела еще больше его испугать. Львица снова зарычала.

— Ладно, спокойно, — Арсай примирительно махнул лапой. — Ты хоть что-нибудь объяснишь?

Она не ответила, лишь только тихо рычала, а глаза горели огнем.

— Больная, что ли?

Арсай без страха подошел ближе и тут же она быстро ударила его вовсю лапой с когтями. Он лишь слегка отвернул голову, удар пришелся в плечо и гриву, не причинив особого вреда.

— Сказала тебе, не подходи! — рычала она. — Убью!

— Да я тебя сам сейчас убью! — вконец разозлился Арсай.

— Попробуй только, только попробуй подойти!

Достало! Он пошел вперед. Безо всякого труда принял на гриву несколько ударов; дралась она яростно, но без умения, потому дала ему подойти вплотную, что есть оплошность: лев намного тяжелее львицы, а особо такой лев, как Арсай. После недолгой и весьма простой для Арсая борьбы, он повалил ее на спину, навалившись всем телом. Одной лапой прижал ее передние лапы к земле, вторую же положил у шеи, стараясь перенести свой большой вес. Львица старалась выкрутиться, рычала, старалась укусить, но безуспешно; силы таяли — он душил ее. Делал это не в шутку, а всерьез. Инстинктивно львица сделала правильно — повернула голову набок, чтобы у нее было немного лишних мгновений перед тем, как она упадет в обморок.

Соппротивление слабело. Львица начала хрипеть, перестала дергаться, поняв тщетность попыток вырваться. Арсай продолжал душить; ярость, чувство боя не покидало его. Чужая жизнь, которая медленно начинала уходить, была в его лапах. Но постепенно гнев проходил, вместо этого быстро нарастало сожаление о ее юной жизни; хотя львица не просила пощады, о нет. Окончательно бросив попытки спастись, львица зажмурилась, что-то прошептала и ждала своей участи. Арсай медленно ослабил хватку, потом вовсе убрал лапу с шеи.

Львица глубоко вдохнула, потом еще раз, потом еще. Повернув голову прямо, она смотрела на него, и Арсай смотрел на нее. Так было долго. Удачным момен-

том она не воспользовалась, хотя тут можно было легко вцепиться ему в горло. Потом незнакомка снова оскалилась:

— Чего не убил? Зачем оставил?

— Не хочу тебя убивать, — честно ответил Арсай, разглядывая ее.

— Боишься, трус. Труссы боятся убивать.

Арсай ничего не ответил и продолжал на ней покоиться.

— Так и будешь держать? — злобно спросила она, не зная его намерений.

— Если захочу, то буду, — уверенно-небрежно молвил он.

Она зарычала, яростно блеснув глазами.

— Ты северянка?

— Дурак же ты, вот дурак. Мы зовемся Саргáли, так зовемся, не смей говорить по-другому.

— А, да, саргалы, — он вспомнил, что они не любили прозвище «северняки», которое им дали львы Союза.

— Саргали, не саргалы, прайды Саргали! Дурак!

— Но чего тебе здесь нужно?

— Дело не твое!

Арсай вдруг отпустил ее, дал свободу, стал в сторонке. Хотя это неправильно, совсем неправильно, он не должен ее отпускать... Львица легко поднялась, отряхнулась, снова блеснула глазами. И снова оскалилась.

— Чего пустил? Пустил зачем? — взмахнула она хвостом.

— Иди, — кивнул Арсай головой. — Только без приключений, ладно?

— Чего пустил? — и она даже топнула лапой, то ли в негодовании, то ли...

Арсай не знал, что думать о ней. Он знал, что северняки яростны, живы и дики. Но всё это слабо умещалось в любое представление, было странно и загадочно. К тому же он и сам не знал, отчего освободил ее.

— Да так решил! Иди! — рыкнул Арсай, и себе оскалившись. Это подействовало. Она уже не рычала, лишь только окинула его взглядом, почему-то с досадой фыркнула, вскочила на камень. Арсай провожал ее взглядом, стараясь запомнить облик и запах. На камне львица снова обернулась, подарила небольшой оскал, который мог означать что угодно, но только не злобу, повела ушами, взмахнула хвостом и благополучно исчезла.

Арсай сидел долго, стараясь всё осмыслить. Осмотрев себя, выяснил, что лапа исцарапана. Долго сидел, обнюхивая лапы — они сохранили приятный запах молодой львицы.

— Вот же... бывает же... Хух.

Денек определенно не из скучных. Арсай пошел дальше, обдумывая, что это может быть. «Разведчица? Нет, нет... Чего она ко мне подходила? Смысл? Чего она потом так озлилась? Нужно будет всем рассказать. Давно северняков не было на наших землях...». Он беспокойно осматривал вверенную ему территорию, вылезал на Гремящие скалы, осматривал всякие уголки, но было спокойно и тихо, как обычно.

На закате он вернулся, рассказал всё Драмингарру. Тот молча выслушал, потом кратко распорядился назначить туда ночной обход.

— Нет, вы только послушайте! — подошел Арсай к большой компании львов, которая собралась перед сном поболтать о жизни.

— О, Арсай вернулся, — подвинулся Матенрай.

Все продолжали беседовать, не обратив на него особого внимания.

— Да слушайте же! Расскажу, что случилось в обходе.

— А что случилось? — спросил Шейларр, взрослый лев, опытный боец и суровый отец. Все с любопытством притихли, ожидая рассказа.

Арсай красочно и в деталях описал всю историю, но немного перековеркав: в рассказе незнакомка взмолилась о пощаде и пообещала никогда больше не заходить на земли прайда Регноран. Он не хотел признаваться, что по доброй воле отпустил ее.

История показалась всем во высшей степени странной и забавной.

— Она не может быть разведчицей, — махнул лапой Арсай. — Какая разведчица будет сама попадаться в лапы обходящему?

— Да уж, точно.

— Тогда кто она? — недоумевали все.

— Ну вот чего ей надо было? — спрашивал Арсай, будто кто мог ответить на его вопрос.

— Это, наверное, какая-то чокнутая, — вставил Матенрай. — Мне такая однажды встретилась в обходе.

— А что с ней было? — поллюбопытствовал Мазару.

— Просто медленно шла, широко расставляя лапы. Не пряталась, ничего такого. Я с ней пытался заговорить, тыкал в нее лапой, даже толкнул, но она вообще не отвечала и лишь смотрела перед собой. Я плюнул на всё это и просто направил ее в сторону от прайда.

Мазару история показалась очень веселой, и он покатился от хохота.

Все, обсудив это небольшое происшествие, разбрелись, довольные тем, что хорошо погудели. Оно никого особо не взволновало. Арсай перекусил тем, что осталось с дневной охоты и пошел отдыхать. Замири предложила пройтись к водопою, он согласился, но без особого желания; как выяснилось, лучше бы он сразу пошел спать, поскольку она разболталась с идущими на ночную охоту львицами. Нехотя попил и сам пошел под свой любимый баобаб, отчего Замири снова на него обиделась.

Арсай ворочался с боку на бок; он никак не мог уснуть и расстаться с собою. Уткнулся головой в дерево. Потом перевернулся, посмотрел на легкие облака. Сквозь них слабо и нежно светила молодая луна.

— Что за... — и он растер морду лапой. Вспомнил ее глаза цвета светлого неба и пропасть взгляда. Вспомнил, что в ярости она смотрелась еще лучше, чем в спокойствии. Да, ее запах... И как много грации в каждом движении, словно каждое она продумала сотню раз.

— Что за ерунда? — разозлился на себя Арсай оттого, что не может заснуть. Потом решил решить проблему решительным образом. Он пошел к шамани. Те не откажут, и скоро он будет спать, как убитый.

Нейла была возле своего камня вместе с ученицами.

— Спать не могу, — коротко описал проблему.

Юмлаани, ученица Нейлы, еще юная львица-подросток, заулыбалась.

— Отчего же?

— Тяжелый был сегодня обход, — уклончиво ответил Арсай.

— А что случилось? — спросила Силлази́, вторая ученица.

Нейла молча сидела, закрыв глаза.

— Да так... Было всё нормально. Вдруг на меня выходит львица-севернячка. Сначала мило со мной говорила. Потом взяла и набросилась. Я ее хотел убить, поскольку она была наглой, как... не знаю, что. Но она попросила пощады, я ее пустил. Вот такой денек.

— Она просила пощады? — спросила Нейла с закрытыми глазами.

— Да, — как бы равнодушно ответил Арсай. — А что?

Он не хотел говорить никому, что отпустил эту львицу просто так. Еще чего подумают.

Нейла не ответила.

— Ну так дайте... что-нибудь... для сна, — замылся Арсай.

— У нас нет ничего готового. Могу дать тебе листья сон-травы, если хочешь. Но придется их пожевать хорошо и проглотить, — предложила Юмлаани.

— Ага, — кивнул Арсай, поглядывая на Нейлу, но та продолжала сидеть, словно его здесь вообще не было.

— Водой запьешь... Ай, погоди. Нет. Они уже старые и ни на что не годные. Силлази! Ну как так? — возмутилась Юмлаани, переворачивая все панцири, охапки неких трав и прочую дребедень верх дном.

— Да я не успела, — оправдывалась та перед подругой.

— В маленьком корявом панцире смотри, — молвила Нейла, не меняя позы, не открывая глаза.

Юмлаани взглянула туда.

— А львица уверена? Там ведь...

Нейла шикнула, наконец-то открыв глаза и властно махнув лапой.

— Я знаю, что там. Пусть берет, если хочет быстро уснуть.

Юная львица со сомнением посмотрела на Арсая. Молча кивнула на панцирь, приглашая его подойти.

— Мне всё съесть?

— Да, — тут же ответила Нейла, — если так желаешь спать.

Юмлаани с удивлением посмотрела на наставницу, но не сказала ничего. Арсай же был слишком утомлен и занят собой, чтобы обращать внимание на всякие нюансы. Без лишней мысли и сомнения он вылакал всё, что ему предложили, не особо чувствуя вкуса. Он думал о другом. Он думал о той львице.

«Проклятье, кто она? Чего ей надо было?». Но это были лишь поверхностные мысли, для самоуспокоения, которые не имели большого веса, словно он думал для других, для приличия; много глубже мелькали иные, совсем другого рода. Арсай живо помнил, отлично помнил ее облик. Помнил он и чувство власти над ее жизнью; но на самом деле он никогда бы ее не убил, о нет. Арсай лишь хотел, чтобы львица поняла, кто главный, покорить и приручить вот таким грубым способом, потому как других не было; тогда он не понимал, чего хотел, понимал лишь инстинкт. Арсай очень жалел, что так быстро отпустил, нужно было ее еще измучить, истомить, чтобы она сдалась, и...

— Сейчас ты будешь глубоко спать, — тихо молвила Юмлаани. — Только перед этим будет немно...

Ее резко перебила наставница:

— Ступай, Арсай. У нас еще дела. Не мешайся, — замахала она лапой, чтобы он поскорее убрался восвояси.

Он мотнул головой, чтобы согнать раздумье, поблагодарил шамани и пошел к поваленному баобабу. «Чего она, это самое... так грубо?», — подумал Арсай. Пожелал доброй ночи Замири и еще двум львицам прайда; Замири ответила кратко и не очень дружелюбно. Вылез на Главный холм, как называют его все регноранцы, чтобы поймать ветер перед сном и глянуть, какова завтра будет погода; погода обещала быть так себе. Ну и ладно, это ничего, в жизни главное отнюдь не погода, это Арсай знал точно; правда, что главное — он был в сомнении, не знал.

Арсай прошел мимо молодого правителя прайда Регноран, Нгайллара.

— Доброй ночи, мой дренгир.

— Добра́й, — буднично и небрежно ответил тот на вежливость.

Его в прайде не очень любили; правил он всего ничего, лишь два сезона с небольшим. Он был слишком своенравным, резким и недалеким, как для дренгира; все знали, как им был недоволен отец, но, скрепя сердце, решил назначить его на почетное место в прайде. Многие имели надежду, что Нгайллара не утвердит конунг Кигали, но он утвердил, причем особо не задумываясь. Видимо, дел у него было невпроворот, и он не вникал в суть. Прайд же решил не перечить, не делать ничего, чтобы сохранить покой и дать шанс новому дренгиру.

Особо плох Нгайллар не был, о прайде он старался заботиться, но всё как-то невпопад: то слишком суров, то слишком мягок, то решает вмешаться туда, где ему, собственно, вмешиваться незачем. Особо он любил подергать хозяек охоты, всячески указывая им, как надо делать и как не надо, отчего они прониклись к нему сущей неприязнью. Кроме того, с Нгайлларом в прайд пришел какой-то нелепый злой рок. Почти постоянно что-то случалось: то стада начали идти другим путем, совсем далеко от прайда (старые львы вспомнили времена походов и нешуточный голод); то несколько поединков между львами прайда, которые приводили к гибели; то странное нападение львов-чужаков на прайд, которое легко отбили (никто так и не понял, в чем был смысл); сразу две львицы погибли на охоте; а в реке Сааш завелись крокодилы, чего сроду не бывало.

Арсай прилег возле Матенрая; примостившись возле друга, он ждал, когда, наконец, придет сон. Но неожиданно вместо сна на него волнами начал наступать жар во всем теле, потом захотелось чесаться; сначала Арсай думал, что так и надо, но потом его начало нешуточно лихорадить, а еще он потерял всякое чувство тела, оно всё онемело. Всего этого он не то что бы испугался (львы-то не бояться!), но забеспокоился. Арсай решил пойти к шамани, чтобы выяснить, что за ерунда с ним творится, но ходить словно разучился; после нескольких десятков шагов решил, что лучше прилечь, тем более что мысли и сознание совсем спутались, и Арсай уже не совсем понимал, куда и зачем нужно идти. Вместо этого он начал рассматривать забавные фиолетовые узоры перед закрытыми глазами, ну а потом куда-то провалился.

Очнулся Арсай лишь в полдень, причем тяжело, будто его хорошо побили, причем не без помощи — его разбудила мать. Вокруг волновались ветры и травы, серое небо не давало лучам солнца полной жизни. Львят очень развеселило, что он валяется прямо посреди тропы, и начали прямо на нем играть и прыгать; все остальные думали, что Арсай просто решил так позабавиться со львятами, львицы умилялись этим зрелищем, и никто не трогал его, но материнское сердце почуяло неладное.

— Арсай! Арсай! Очнись! — трясла его Машани.

Он встал, потряс головой.

— Уууу...

— Чего это ты так спишь? Прямо посреди дороги? — мать встревожено смотрела на сына.

— Да... вчера был тяжелый обход, — первое, что пришло ему в голову. — И нет здесь никакой дороги... А где Ахмая?

Ахмая — сестра Арсая, посыльная прайда Регноран. Было очень забавно, что посыльная с точно таким именем, примерно ее возраста, была и в Хартланде, отчего конунг и дренгиры часто путали их.

— Ты мне зубы не заговаривай! Еще не вернулась... Посмотри на себя! Иди, попей воды и умойся, а то весь в пыли. Смотреть на тебя не могу.

Он послушался. Потом пошел к Нейле, выяснить: что за дела?

Та находилась возле своего камня.

— Львица вчера дала мне что-то не то, — с обидой молвил Арсай. — Мне было плохо.

Нейла бросила свои дела, причем резко, подошла к нему, смотря из глаза в глаз, как в прошлый раз.

— Будешь знать, как обманывать шамани!

Арсай в упор не помнил, что и когда именно он лгал.

— О чем львица говорит?

Она ткнула ему в нос лапой.

— Всё ты знаешь.

Небольшая пауза.

— Ты не беспокойся об этом, а лучше смотри. Смотри хорошо. Будь осторожен, — Нейла очень легко ударила его лапой по щеке, но выглядело это весьма грубовато. Арсай недоумевал.

— А что мне угрожает?

— Откуда я знаю? — громко молвила она. Потом много тише добавила: — Шамани будущего не видят. Лишь только знаки.

Она казалась чем-то опечаленной. Бросила, возвращаясь к своим делам:

— Смотри хорошо.

Арсай только повел ушами, ответил словами благодарности и пошел прочь.

**

А в следующие дни десять не происходило ничего особенного, ну совершенно ничего. Арсай медленно начал забывать о своем происшествии, которое весьма взволновало: несколько ночей подряд он видел живые, очень яркие сны, где ловил незнакомку, валил наземь, но далее не душил, о нет; далее было то, что Арсай действительно хотел сделать с нею. Он даже предложил Мазару отложить выполнение их уговора и сам пошел в обход, когда настал его черед, чем очень удивил Мазару; себе Арсай объяснял этот поступок тем, что погода «еще хорошая» (на самом деле капал мерзкий дождик). Но конечно же, он просто надеялся встретиться с ней еще раз, надеясь на это даже втайне от себя. А вдруг?.. Вдруг она еще появится...

Но, конечно, мечты мечтами, а жизнь — штука, в которой чудес ни разу не бывает. Незнакомки нигде не было; Арсай успокоился и поплыл по течению; кроме того, он собирался в небольшое путешествие в главный прайд Хартланд, чтобы навестить мамину сестру и заодно познакомиться с кем-нибудь по дороге либо в самом Хартланде.

В этот день Арсай не должен был идти в обход. Он вообще намеревался отправляться в свое путешествие, о чем ярл и дренгир были извещены. Он уже предвкушал это небольшое приключение, как случилась неожиданность: Мазару этой ночью, помогая охотницам, побывал на рогах у буйвола, отчего заработал самую настоящую дыру под правой передней лапой. Само собой, самочувствие у него было не ахти.

— Мазару? Но как же так? — Арсай пришел проведать друга перед рассветом.

— Да так, — слабо улыбнулся тот, возлегая на сухой траве и смотря на Арсая затуманенными глазами. Видимо, шамани чего-то ему дали, чтобы не было боли.

Возле него сидела Юмлаани.

— Ты присмотри за ним, чтоб не издох. Ему еще за меня три обхода нужно отбыть, — назидательно молвил ей Арсай.

— Уй, да уходи уже. Видишь, ему плохо, — отпихнула его Юмлаани.

— Ладно, вечером зайду, — дотронулся он до гривы друга и ушел к Драмингарру. Если Мазару не может, то придется самому. Он быстро нашел своего ярла; мрачный лев со шрамом на щеке (о котором всегда рассказывал новую историю), как всегда, молча выслушал суть дела и отправил его в обход. Конечно, Драмингарр осведомлен о том, что случилось с Мазару, но Арсай в любом случае должен сначала явиться перед ярлом, чтобы тот знал, кто и как заступает на обход.

«Да уж, вовремя ты, друг, напоролся на этого буйвола», — подумал Арсай, карабкаясь на камень Гремящих скал. — «Вот тебе и сходил в Хартланд». Но не было особой досады — сегодня не пошел, так завтра пойдет, и всё.

Как всегда, встретил старую самку леопарда. После обычного обмена любезностями Арсай пошел дальше; в этот раз он не особо настойчиво ее выгонял, потому она осталась на своем дереве. «Уж точно, молодого самца или самку уже давно бы прогнали или задушили, а с этой у нас даже некие отношения. Ей что, так нравится?», — думал он. — «Чего она держится за это место?».

От нечего делать Арсай начал строить догадки. Может, в этих густых зарослях, высокой траве, скалах и небольшом лесочке из высоких деревьев водится какая-то особо вкусная добыча для нее? А может, это место для нее важно потому, что здесь умерла ее подруга, либо же возлюбленный, либо же дети? Или ей нравится, когда на нее рычат и прогоняют (самки вообще загадочны в своих пристрастиях)? Либо же смерть от клыков льва у леопардов считается почетной?

Пошел к тому месту, где встретил незнакомку. Покрутился там дольше обычного, обпился воды, пошел дальше.

Вспомнилось, что рассказывало старшее поколение о северняках, которое еще молодым застало стычки и войну с ними. Прайд Регноран — ближе всех к их огромным территориям, на которых они живут разрозненными прайдами; они частенько враждуют между собой. В отличие от прайдов Союза, которые живут весьма тесно, каждый их прайд имеет воистину огромные земли, из-за чего контролировать их почти невозможно, да они особо и не пытаются. Потому у них и постоянная вражда между собой за земли; споры «кто, где, зачем нарушил» у них никогда не утихают. Северняки жестоки и беспощадны, драться любят и умеют, потому схватки их кровавы и гибнет в них немало львов и львиц. Но дисциплины и организованности им определенно не хватает. Когда-то, во времена Длинных войн, львы Союза были определенно жестче и решительнее, потому не боялись заходить к ним в гости, и даже очень успешно выгоняли северняков из родных мест; но все, кто помнил это время, уже ушли из мира теплой крови. Правда, покорить северняков и взять хотя бы один прайд в Союз было попросту невозможно.

Живут северняки у подножий и в долинах Больших гор. Арсай однажды был там, еще подростком; ему навсегда врезались в память красота и величие этих мест. Тайком он всегда мечтал побывать там еще раз; горы и синева иногда даже снились ему.

Мало кто знал, что находится за Большими горами. Когда-то, очень давно, преследуя остатки какого-то прайда северняков, воины прайда Юнити смогли перейти их и рассказывали, что видели на той стороне. Кроме того, некоторые сведения обрывками рассказывали львы и львицы, которые свободно бродят в Большом мире. По всему выходило, что там находится саванна, только не такая обильная, как та, в которой находятся прайды Союза, а более сухая и жесткая. Там множество различных прайдов, некоторые из них даже говорят на древнем языке и на других, собственных.

В детстве Арсай очень хотел стать исследователем всех этих интересностей. «Вот бы обойти Большие горы, потом побродить по той саванне, на востоке, всё-всё запомнить, а потом вернуться и рассказать братьям и сестрам по прайду», — замечтался он.

Он вышел на полянку, далее за ней будет небольшой каньон, которым и кончается маршрут его обхода. Придется разворачиваться, и всё по новой. Арсай поставил метки, пошел дальше. Он решил не слева обходить холм, которым начинались Гремящие скалы, а справа; так больше разнообразия. Так и сделал. Потом решил заглянуть вниз, в каньон, который еще правее. Он и есть окончательной северо-восточной границей территорий прайда Регноран, дальше, за ним — ничейные, свободные земли.

До каньона прыжков триста, да еще по зарослям и густой траве; кое-как пробравшись по тропкам, которые проделали мелкие зверьки и бородавочки, Арсай вышел к нему. Перегнулся через край, подумал, стоит ли лезть вниз, чтобы посмотреть, что тут изменилось, но решил этого не делать. Еще немного осмотрелся, потом лишь на шаг отошел, как вдруг услышал в каньоне звук падающих камней, мелких и крупных. Там явно кто-то копошится и лезет.

Арсай снова перегнулся, выглядывая из-за зарослей, которые росли впритык к обрыву. Он заметил лишь падающие вниз камушки... и мелькнувший хвост! Всего в десяти прыжках кто-то выкарабкался на его сторону!

Медлить не следовало, и Арсай быстро и тихо, стелясь по земле, пошел туда, где должен быть виновник всего шума. Трава и кусты предательски шелестели, но Арса спасало то, что незнакомец шуршал еще громче, видимо, совершенно не таясь. Арсай, наострив уши, прислушивался к чужим шагам и быстро крался вослед. Наконец, треск стих — виновник вышел на полянку, где росла одинокая гнилая дроматия.

Арсай выглянул из-за высокой травы и открыл рот от удивления. Тут же вскочил из своего укрытия.

— Снова ты! — сразу же заметила его та самая львица. Та самая незнакомка. Отскочив от дроматии, опершись на которую, она хотела осмотреть местность, снова так же изящно выгнулась и оскалилась во все зубы, рыча.

— Снова ты! — и себе сказал Арсай, подойдя к ней на расстояние прыжка.

Немного поиграли в гляделки, она перестала скалиться.

— Ты зачем снова пришла? — удивленно спросил лев.

— Не должна я тебе отвечать!

Он сделал осторожный шаг вперед.

— Не подходи, — зарычала она.

— Ладно, ладно... Как тебя зовут? — вдруг спросил Арсай.

Видимо, она слегка удивилась вопросу.

— Зачем тебя имя? Имя зачем?

— Просто... Да не бойся ты меня.

Она презрительно фыркнула и заулыбалась с оскалом.

— Не боюсь я тебя, дурак.

— Так ты скажешь свое имя?

Львица помедлила.

— Айлиша-маасси зовусь я.

— Какое длинное имя, — искренне удивился Арсай и сел.

— Нет же, дурак ты. Айлиша мое имя, а «маасси» значит, что нету у меня еще детей и льва, гррр, — она снова показала ему зубы, но уши ее потихоньку отжимались.

— Вот как. А я — Арсай.

— Знаю я, — улыбнулась она, широко, с весельем. Арсая вообще поражала ее эмоциональность, живость, быстрота смены настроения и чувств; на всё она реагировала с жизнью и силой. — Говорил ты в прошлый раз.

Потом Айлиша сразу стала серьезной, как прежде, снова глаза заблестели не добрым огнем.

— Гррр, испортил мне всё, — завертела она хвостом и описала круг.

— Что я испортил? — наострил уши лев.

— Плохая ты жертва, из тебя ничего не выйдет. Не бойся за свою землю, — слегка презрительно молвила она, — Айлиша уже уходит.

— Но что ты здесь делаешь, скажи мне! — с искренним любопытством спросил Арсай. Он не ожидал, что Айлиша ответит, но всё же вопрос сам вырвался на свободу.

Вместо ответа она сделала странную, удивительную вещь — подошла к нему вплотную сама, безо всякого страха и предосторожности. Начала осматривать его спереди, потом обошла его вокруг, всё так же рассматривая. Потом снова очутилась перед ним. Айлиша смотрела Арсаю в глаза, взгляд у нее был пленительный, смотрящий в душу и сердце; потом она повела ухом и вынесла вердикт, храня взгляд:

— Но дай клятву Айлише, что никто знать не будет. Даже мать твоя. Никто.

— Обещаю, — с готовностью кивнул он.

— Не так, — молвила она, фыркнув. — Мне кровью клянись.

— Как?..

Она молчала и лишь смотрела на него, потом с насмешкой отвела взгляд в сторону.

— Да я тебе даю слово льва Союза, — ударил он себя по левому плечу.

— Льва Союза... Пхех... — всё так же недоверчиво смотрела Айлиша в сторону. Но потом снова ее глаза смотрели в душу Арсая; она посерьезнела.

— Хорошо. Айлиша верит тебе. Пришла я сюда, потому что так сказала мне моя амарах. Я должна убрать из мира сознание любого льва Регноран, и, пока он лежит, вырвать клочок из его гривы. И шесть раз вот так. Айлиша должна принести шесть клочков. Тогда амарах будет довольна. Через день должна приносить ей один новый клочок. И если Айлиша не приносит, ее наказывают. Поймал, регноранец?

— Амарах — это твоя наставница? Ты кто, шамани?

— Пффф. Глаз нет у тебя, что ли? И львенок бы догадался, кто я.

Она показала на полоски на левой щеке, вздернув подбородок вверх — видимо, Айлиша этим гордилась. Впрочем, они почти истерлись — их слабо видно.

— Эээ... А это как — убрать сознание?

— Просто, дурак. Вот так... — Айлиша посмотрела так же, как тогда, в первый раз. И вроде ничего не изменилось, но... Мир показался маленьким и нереальным, но совсем слегка; но оторваться было, право, очень трудно. Это было очень волнующе и красиво для Арсая. — Но ты плохая жертва, — посмотрела она в сторону, потом подошла к драматии и поскребла ее когтем, — такие бывают. Ничего не поделать, таков твой лихмаай.

— Что мое?

— Сердце, дурак. Душа, — не глядя на него, она продолжала задумчиво скрести когтями дерево.

— Ну что ты всё меня ругаешь: дурак да дурак, — хотя Арсай на самом деле ничуть не обижался, он сказал это просто так, для разговора.

Айлиша посмотрела на него, взмахнула хвостом.

— Айлише пора. Пора мне. Пропал день.

— Да постой. Погоди... на, возьми мою шерсть. Чтобы тебя не наказывали, — решение виделось Арсаю по-детски простым. Да и вообще, это задание казалось ему глуповатым. Попросить любого льва не будет особой проблемой, хоть свободного, хоть кого. Кто откажет в такой ерунде милой львице? Да и тащить полдня в зубах чужой клочок шерсти — задание не из приятных.

Она совершила небольшой оскал, сделала несколько шагов назад:

— Шамани не обманывают! Не обманывают шамани! А тем более свою ама-рах!

— Но Айлиша, сейчас ты никого больше не найдешь, — разумно заметил Арсай. — Здесь на обходе только я. А в прайд заходить опасно! Бери, мне не жалко.

— Завтра приду, будет другой лев! Это последний клочок. Ты должен быть шестым, но нет судьбы для меня сегодня, — и Айлиша фыркнула от досады и забила хвостом. Потом она как-то странно начала присматриваться к его гриве. — А, впрочем... Я могу и так его взять!

Айлиша подскочила к Арсаю и тут же безжалостно рванула зубами большой такой кусок шерсти. Он шикнул от боли.

— Эй, да полегче ты! — его шерсть слегка вздыбилась от раздражения.

Она отскочила, выплюнула клочок и громко молвила:

— Стерпишь! Сколько надо, столько и возьму!

И снова нагло подскочила, снова вцепилась ему в гриву. Такого Арсай выдержать не мог. Когда Айлиша уткнулась ему в грудь, он легко, одной лапой бросил ее спиной за землю и снова навалился, как в прошлый раз.

Айлиша, как и следовало ожидать, оскалилась и зарычала. Но Арсай уже не душил ее и даже не пытался поставить на шею лапу, хотя это было для него весьма опасно — противник в таком положении может вцепиться в горло, и всему конец.

— Что, убьешь? Ну давай, убей Айлишу! В ней нет страха! Хорошо побеждать львицу, да? Легко это! Это легко! Любой воин из моего прайда когтем бы тебя убил! Когтем!

Но он лишь смотрел на нее. Ее поток иссякал.

— Чего смотришь? — спросила она и выдохнула на него воздух. — Чего смотришь? Смотришь зачем?..

Арсай и сам не замечал, как медленно, но верно нос приближается к ее шее.

— Забрать мою кровь хочешь?.. Так бери, не боится Айлиша умереть. Вцеплюсь и тебе в горло на прощание, будь уверен, регноранец... Будь... уверен... — она вцепилась когтями ему в плечо и действительно укусила его за шею; он даже внутренне весь сжался, подчиняясь инстинкту, что бережет жизнь, но ее укус был несильным, без вреда.

Арсай вдохнул запах Айлиши, а потом очень медленно и долго лизнул ее шею, так же, как и во сне. Она сначала сильнее вцепилась когтями в его плечо, то ли от страха, то ли от чего-то иного, но потом хватка ослабла, а вместо укуса Арсай теперь ощущал лишь ее теплое дыхание.

— Чего... задумал... — прошептала Айлиша, еще пытаясь дать последний отпор.

Арсай лизнул ее шею еще раз, теперь сильнее, ближе к щеке. Потом еще. Запах ее был как туман, уносящий разум. Всё это было слишком сильным, Арсай не мог этому противиться.

Он еще раз провел носом по ее шерсти, всю вдыхая этот сладкий запах, мягкий и безумный одновременно.

Потом посмотрел на нее.

Айлиша глядела на Арсая, очень странно — так много эмоций в одном взгляде... Ее дыхание тепло струилось по его шерсти, волнуя. Она очень-очень слабо оскалилась, это скорее даже не походило на оскал, она просто не хотела ему полностью сдаваться, чтобы не вздумал, что всё так легко.

Арсай решил, что терять нечего, да и вообще плевать на весь мир, потому начал медленно приближаться еще раз. Будь что будет...

Но на этот раз Айлиша вдруг ловко извернулась, вцепившись ему в плечо и расцарапав его в кровь, и освободилась от его хватки. Она снова показала зубы и зарычала, но так, словно злилась не на него, а на саму себя; Арсай, полусидя-полулежа, наблюдал, как она сделала несколько кругов, широко размахивая красивым хвостом. Наконец, она с громким выдохом молвила, словно ей не хватало воздуха:

— Пора Айлише! Уйти должна!

И прыгнула в густую траву, в направлении каньона.

— Подожди! Ты... это... забыла... тебя же накажут! — он сделал несколько прыжков вослед, но потом остановился.

Зашелестела трава, что-то громко треснуло под ее лапами, а потом всё стихло. Арсай остался наедине с собой. Провел лапой по гриве, сел под деревом.

— Дела... — потер он щеку, закрыв глаза и прислушиваясь к себе. Несколько раз возникала мысль как можно скорее догнать ее, пока еще не поздно; он дергался в нерешительности, но тут же замирал. Помотав головой, Арсай нехотя ушел из этого места.

Кое-как он дотянул обход до заката, потом вернулся в прайд. Проведал Мазару. Потом Арсай ни с кем не общался, был задумчив и преданся меланхолии. Он выкарабкался на большой камень шамани Регноран (он удобен для размещения всевозможного хлама, в нем — ниша) и там себе спокойно сидел, думал, думал, взирая на всех с высоты... Камень за день приятно нагрелся, лежать на нем было хорошо и покойно.

Пришла Нейла; никакого внимания на Арсая она не обратила и прогнать прочь не пыталась. Проходящие мимо братья и сестры по прайду удивленно спрашивали, чего это Арсай туда вылез, а он лишь отвечал, что «так захотелось» и перекидывался с ними вежливостями.

Пришла сестра, Ахмая.

— Братец, ты что там делаешь? — весело спросила она.

— А?.. О! Ахмаи! Ну наконец-то, — Арсай соскочил с камня, подняв пыль. — Пришла! Что-то ты долго в этот раз...

Уже почти наступила ночь, трещали сверчки.

— Это я в Хартланде была. Задержали. Конунг отчего-то срочно отправился к илларийцам — что-то у них там стряслось, какая-то странная история. Краем уха слышала, что кто-то погиб, кто-то сбежал, приняли незнакомку в прайд... В общем, как узнаю всё, так расскажу.

— А ты почему в Хартланде ничего не разузнала? — молвил Арсай, заинтересованный такими новостями.

— Времени не было. Конунг меня сразу после своего прихода домой отправил. Чего это ты такой серьезный? — Ахмая обняла своего хмурого брата, потом взъерошила ему гриву. — Ну? Меня на тебя нет, — мурлыкнула она.

— Уж точно. Слушай... я вот тебя кое-что спрошу, только ты серьезно отвечай.

Ахмая наострила уши. Уже интересно!

— Слушай... Ну как бы... Вот может быть такое, что львица тебя когтями по морде бьет, а через мгновение дает себя в щеку лизнуть... и в шею тоже? — неловко спросил он, зажмурившись от нелепости своих слов.

Ахмая громко засмеялась, да так, что недалеко сидящая компания разом обернулась.

— Смешно... Ой, у тебя что, так было?

— Я ж просил тебя, я серьезно! — обиделся Арсай.

— Хм... Как тебе сказать, — Ахмая задумалась. — Если хорошо подумать... то она для того и бьет, чтобы ты ее поцеловал.

Лев недоуменно почесал гриву.

— Так это что же, каждая львица, которая меня ударит по щеке лапой, хочет, чтобы я...

— Пффф, какой ты смешной, — засмеялась сестра. — Не каждая конечно. Это нельзя узнать наперед. Но если она сначала бьет тебя лапой, но потом медленно начинает сдаваться, дает тебе всякие знаки, значит, именно для этого она и била... Фу, запутал.

— Вот и мне говорят, что я дурак... — задумчиво протянул Арсай.

— Что?

— Ничего, ничего... Она хочет, чтобы я ее победил? — махая в лапой во воздухе, вслух рассуждал он.

— Этого каждая львица хочет. Быть побежденной им, — словно открывая глубокую тайну, тихо зашептала Ахмая.

— Вам это нравится?

— Мы это обожаем, — сестра подмигнула ему.

Ахмая одним прыжком оказалась прямо возле своего братца, справа. Боднула его головой в шею.

— А ну, давай, рассказывай, — глаза ее заблестели в предвкушении какой-то волнующей любовной истории.

Арсай прикинулся дурачком:

— Что рассказывать?

— Всё!

Он замялся, потом честно ответил:

— Не, сестра. Нет. Как-нибудь потом. Потом.

Ахмая слегка обиделась.

— Как хочешь, — она встала. Потом добавила: — Ты, это, знаешь... Не думай. Думалка тут не работает.

— Что, вообще не думать?

— Вообще не думай. Ладно, я спать пошла, — взмахнув хвостом на прощание, сестра удалилась.

Погода завтра обещала быть холодной: свежий западный ветер уже дул всю; ночь снова пасмурная и облачная, у луны нет свободы. Арсай встал и пошел к водопою.

Там встретил Матенряя.

— О, привет. Пропустил хороший денек. Отлично покувыркались! Хланна-тей отлично надавал Амсану. Тот сидит теперь с шамани, излечивается, — довольно изрек тот.

Без особого вкуса и охоты Арсай полакал воду.

— Чего это ты такой увядший?

— Наоборот, всё отлично, — вдруг заулыбался Арсай. Потом топнул по воде и обрызгал тем самым друга с головы до лап. — Всё просто лучше некуда.

— Ого, — Матенрай вытерся лапой, — а что такое?

— Старик, я не могу тебе рассказать. Но это... — Арсай довольно закивал, прикусив губу. — Это нечто.

И он улыбнулся с чувством превосходства над всем бранным миром.

— А чего не можешь? Я что, не твой друг?

Арсай внимательно смотрел на Матенрая. Он понял, что ему очень хочется поделиться хоть с кем-то эмоциями и чувством, чтобы и другие знали о радости жизни.

— Ладно. Матенрай, только пообещай мне, что никто в прайде не будет знать того, что я тебе скажу. Никто. Кровью поклянись, — вспомнил Арсай с волнующим чувством эти слова Айлиши; тут же вспомнил ее всю, с повадками, красотой, грацией и манерой говорить...

Друг в недоумении повел ушами.

— Не знаю, как кровью клясться... Обещаю просто, — ударил он лапой о левое плечо.

Арсай усадил друга напротив себя.

— Короче, слушай. На днях я познакомился со львицей. Львицей-северняком, — молвил он и притих, ожидая эффекта. Тот наступил: Матенрай весьма удивился и наострил уши. — Ты даже не представляешь... Сначала я ее встретил, она на меня рычала и даже... набросилась... ну точнее, она вынудила меня наброситься... наглая была до невозможности! Потом туда-сюда, я ее свалил, вот так... Да, и начал душить, но потом отпустил... Она же сама красота! — глаза у Арсая горели. — Потом прошло дней семь, или восемь... или десять... забыл, без разницы. Я снова ее встретил! Вижу: рычит и скалится. Но вот чувствую — она хочет меня! Рычит, лапой бьет — и хочет! Не, ну ты представляешь?.. Я ее снова взял хорошо, свалил, и всё! Никуда она не делась! И по глазам вижу, что на всё готова! И всё равно рычит! Но слабее, слабее...

— Я не совсем...

— Да ты слушай! Я ее раз, другой поцеловал... в шею... и по запаху всё чувствую, ты представляешь? Она вдруг взяла, царапнула меня, — Арсай показал царапины на левом плече от когтей, — и ускользнула. Решила уйти, но видно, что не хочет! Уходить не хочет! А? Как тебе? — Арсаю не хватило воздуха, он шумно вдохнул.

— Кхм... Как-то это странно... — замешкался Матенрай.

Арсай схватил его за лапу.

— Да не... Пойми. Это... круто! — Арсай сжал лапу и тыкал ею то в себя, то в него, стараясь донести до него такую простую вещь, как волнение желания.

— Севернячка, говоришь? А что она тут делала? — с недоверием спросил друг.

— Да какая разница?.. Дали ей там какое-то задание. Чепуху какую-то...

— Задание? Какое задание? — насторожился Матенрай.

Арсай небрежно махнул лапой, громко фыркнув. Да разговор совсем не об этом!

— Да ерунда какая-то, это задание! Внимания даже не стоит. Разговор вообще не о том.

— А о чем?

— Да как ты не понимаешь? Это же... Смотри, вот она, вот я... — рисовал он на податливом речном песочке, в темноте облачной ночи. — И смотри, это такая волнующая вещь: она знает и я знаю, но мы друг другу не признаемся, играем в эту

вот игру. В борьбу, войну... И никто не признается, но мы ведь точно знаем, что делается. Она дразнит меня! А? Ну?

Матенрай долго смотрел на странные линии и каракули, которые сотворил Арсай.

— Что тут сказать...

— Я уверен, — сел Арсай, властно и небрежно махнув лапой, — что она придет. Точно придет. Теперь я не слезу с Гремящих скал, буду смотреть. Ждать. Говорю тебе, Матенрай. Она придет.

— Слушай, ты это, осторожнее, а то я никак не могу внять толком, что происходит, понимаешь ли, — осторожно заметил Матенрай. — Это ж северняки, это же... ну... ничего не пойму, чего у тебя с ней может быть?

Арсай хотел было что-то еще сказать, но потом с улыбкой безнадежности, посмотрев в сторону, махнул хвостом.

— Ты пообещай мне одну вещь. Как встретишь ее, не причиняй вреда. Только скажи, что я буду ждать на том же месте. Она поймет.

Матенрай не стал спорить.

— Ладно.

Арсай встал.

— Чудно. Давай, спокойной ночи.

— Спокойной.

От этого разговора настроение у Арсяя поднялось до чрезвычайности. Он очень путано объяснял все дела своему другу, но для него всё странным образом отлично прояснилось. Арсай знал, что она придет. Это была безграничная уверенность. Нужно только не упустить момент.

**

Он и на следующий день пошел в обход на Гремящие скалы, вместо Ярзалла; тот был крайне рад тому, что Арсай согласился за него безвозмездно и даром выполнить эту не слишком интересную обязанность. Днем позже составил компанию Матенраю; Арсай слегка пожалел, что всё рассказал другу, пусть даже такому близкому. Но тот молчал, никому и словом не обмолвился, и вообще не трогал эту тему в разговоре. На обходе они болтали о чем угодно, но только не об Айлише.

На третий день Арсай сам просидел почти целый день возле гнилой драматии, никому не признаваясь, куда ушел; под конец дня он уже сомневался в своем поступке, мыслях и ожидании. Арсаю показалось глуповатым, что он придал произошедшему такой большой вес, потому возвращался в прайд в плохом настроении. На следующий день принял участие в поединках, но это не принесло особой радости. К тому же он терпел поражения, что было для него очень нехарактерно: Арсай, большой и тяжелый, мог победить кого угодно в прайде, если очень хотел, он не жалел себя и противника, и в нем не было страха.

Но днем позже всё равно снова пошел в обход. На этот раз Драмингарр заинтересовался таким неожиданным рвением со стороны молодого льва из его яскарла.

— Ты же в Хартланд вроде собирался... А вместо этого лишь каждый день обходишь Гремящие. Что с тобой? — безразлично спросил ярл, рассматривая правую лапу. Она его тревожила: болела второй день.

— Мне просто понравились обходы. Чего в прайде сидеть? — придумал нелепое объяснение Арсай.

Но Драмингарр догадывался, почему Арсай так рвется в обход. Ясное дело. Проспорил кому-то, проиграл или еще что-то в этом роде.

— Ладно, валяй, — глянул на Арсая и вернулся к своей лапе.

Дни, дни... Еще два мелькнуло.

С утра лил отвратительный ливень. Всё размокло, река ощутимо поднялась, небо всё в тучах — в общем, куча радости. Обходы в такие дни делаются крайне редко, смысла мало, потому как все терпеливо пережидают непогоду, разве что если прайду угрожает известная опасность. Но Арсай пошел! Драмингарр было хотел ему запретить, но потом передумал — спор есть спор, это его дело. Если Арсай что-то проспорил, тогда пусть делает, что должен — слово на ветер бросать нельзя.

Он всё так же сидел под дроматией, глядя на потоки воды из неба. Дождь медленно, но верно переставал падать. «Вот такие дела...», — бесцельно подумал он, трогая грязную лужу лапой. Потом подумал о том, кому, собственно, нужно это терпеливое сидение под дроматией, эти походы вокруг да около Гремящих скал с целью найти эту львицу... С быстротой молнии поразила мысль: «Ведь можно и самому пойти к ней. К севернякам!». Он знал, что смелости хватит, только вот для этого нужно упасть в сущее безумие, поскольку их земель Арсай не знает, даже где прайд ее — и то не знает, а северняки стерегут свои земли хорошо, убьют только так, даже имени не спросив.

Подумал, подумал и решил, что эта идея — ерунда полная. Куда, зачем, для чего идти?

Сидеть под одиноким деревом страшно надоело, потому Арсай пошел к Гремящим скалам. Выкарабкался на большой камень, сделал несколько уверенных прыжков по знакомым с детства узким тропкам, развлечения ради глянул вниз, там где небольшой водопой, и... застыл.

Арсай на всякий случай мотнул головой и осмотрелся вокруг, чтобы убедиться: а не сон ли это? Не хочется жестоко разочаровываться в пробуждении. Проклятье! Да! Каким-то чудом, но она тут! Сидит внизу, его не видит, спокойно умывается...

Он бесшумно сделал несколько прыжков по мокрым камням вниз, но тут определилась проблема: нужно или обходить большую скалу, утратив при этом Айлишу из виду, либо спрыгнуть вниз к небольшому выступу, а уже с него можно попасть на мать-землю. Но это большая высота. Прыжков пять. Но Арсай очень боялся утратить ее с виду: вдруг она пропадет, словно ее не было, убежит или спрячется, услышав шаги? Нет-нет. Думать некогда. Арсай приноровился, поборол мелькнувший страх. Сейчас он приземлится всего в трех прыжках позади нее. «То-то она удивится», — подумал Арсай и прыгнул вниз.

Он не рассчитал: хоть и приземлился точно на лапы, но на самый краешек выступа, передние лапы тут же соскользнули с него, Арсай перевернулся и больно ударился о землю боком, хоть и успел подставить плечо.

Айлиша мгновенно отпрыгнула от этого шума позади, развернулась и зарычала на всякий случай.

— Стой, Айлиша, стой! Это я!

Арсай тут же встал, чтобы не предстать в нелепом положении. Она приглянулась и узнала его.

— Ты дал мне страх! — оскал сошел на нет, уши отжались.

Она посмотрела наверх, на отвесную скалу.

— Зачем прыгал оттуда? Это высоко, — Айлиша удивленно взмахнула хвостом, прошла мимо него, чтобы осмотреть выступ и отвесную стенку.

Арсай сделал шаг; правая лапа заболела, он тут же остановился и потер ее о левую, чтобы ушла боль.

— Привет.

Она ничего не ответила и села напротив.

— Зачем пришел? — спросила она, но без вызова, как обычно, а даже с любопытством. Айлиша ждала ответа, взмахивая кончиком хвоста, которым обвила себя.

— Кстати, у меня тот же вопрос.

— Будто не знаешь. Ведь всё знаешь! — прижав уши, молвила Айлиша. — Со скалы прыгаешь, мне страх даешь, спрашиваешь глупое. Дурак!

— Я тоже рад тебя видеть, — Арсай уже вовсю улыбался, несмотря на тупую боль.

— Чего смеешься? Смеешься зачем? — Айлиша стала, сделала несколько шагов вроде бы как в сторону, но на самом деле — ближе к нему.

— Ты так долго не можешь найти шестого льва? Ведь прошло много дней.

Арсай заметил этот ее характерный жест, который замечал уже не раз: она с шумом выдыхала воздух, одновременно прижимая уши и совсем немножко скалясь, показывая белые клыки. Так она, на первый взгляд, выражала недовольство и раздражение; но на самом деле Арсай чувствовал, что жест значит много больше, чем кажется на первый взгляд; на самом деле в нем нет враждебности.

— Айлиша его нашла и взяла, что нужно. Амарах решила, что я буду искать десять львов. Десять клоков. Не шесть. Потому Айлиша снова тут, потому снова ищет льва... И снова ты.

— Снова ты, — улыбнулся ей Арсай. — Амарах тебя не наказала в тот раз?

Ответа не было. Айлиша вместо этого с живостью и беспокойством рассматривала его. Подошла ближе, безо всякой робости и опасения, на расстояние вытянутой лапы — весьма близко.

— Пошли со мной, Айлиша, — вдруг предложил Арсай. — Я покажу тебе Гремящие скалы. Пойдем!

Она никак не отозвалась на предложение и всё так же приглядывалась.

— В тебе боль, — уверенно молвила она. — Больно тебе. Зачем прыгал?

— Да так...

Она отошла в сторону, осмотрела его левый бок, буднично и деловито, будто Арсай был какой добычей. Дотронулась к шее, лапой провела по гриве; осмотрела лапу — на ней был очень легкий, но след. Это — кровь. Арсай и не заметил, как о что-то сильно потерся; наверное, о камень. Его, конечно, болело, но Арсай не обращал внимания, поскольку были более важные вещи.

— На бок ложись, — сказала Айлиша уверенным тоном. Заметила, что он медлит. — Ложись, сказала тебе.

— Зачем? Как ложиться? — он непонимающе смотрел на нее.

— Да не этот, дурак. На другой. Слева ведь боль.

— Откуда ты знаешь? — очень удивился Арсай, послушно слягая на землю.

Шамани не ответила; Арсай отметил эту ее привычку — не отвечать на некоторые вопросы, словно их вообще не было.

— Не так... Хвост убери. Голову не поднимай... Не поднимай, Айлиша говорит. Закрой глаза.

— Зачем?

— Мешать будешь.

Арсаю стало ну очень интересно. Он так и лежал на правом боку, вытянув лапы, прислушиваясь к миру и себе.

— А что ты бу...

— Шшшш! — прошипела она, потом заурчала от недовольства. Арсай чувствовал, как Айлиша очень мягко и плавно дотрагивается до его шеи, лап, боков,

спины. Это было крайне приятно и волнующе, Арсай не против провалиться так хоть целый день.

— Вот... Здесь... — надавила она возле передней лапы, под лопаткой, причем весьма сильно. Арсай сжал зубы: там было больно. — Но ты цел. Лишь плохо ударился, но цел. Счастливеец ты, Арсай, — Айлиша назвала его по имени. Не забыла.

— Да. Вот там и болит.

— Вставать можешь, — быстро бросила она. — Цел ты.

Он открыл глаза, встал одним широким движением.

— Пошли к воде. Смою кровь тебе.

Арсай не стал задавать лишних вопросов. К воде близко, совсем близко, всего пару десятков шагов.

Она делала это долго. Шерсть и грива Арсая стали полностью чисты.

— Иди. Ступай.

— Куда? — спросил Арсай.

— В свой прайд. К своим братьям.

— А ты?

— Айлиша сейчас тоже уйдет, — она казалась грустной. Арсаю до озноба захотелось обнять ее.

— Но я еще не сказал тебе «спасибо».

— Не надо для меня благодарности. Шамани не нужно это. Иди.

Вместо этого он сделал попытку мягко дотронуться к ней лапой, но Айлиша отскочила.

— Назад! — предупредила она. — Нэ!

— Почему? — Арсай закрыл глаза и вздохнул, не зная, как с ней быть. Вдруг молвил: — Я искал тебя...

— Зачем? Зачем искал? — прижала она уши. — Уходи.

Он долго смотрел на нее.

— Тогда зачем же смыла мне кровь? Зачем заботилась обо мне, а? Почему тогда, в тот день, не впила мне в горло? — спрашивал Арсай, громко, с напором; ему показалось, что он был чересчур яростен, но уж поздно.

— Когда?! — заблестели ее глаза, Айлиша взмахнула хвостом и сделала тот самый, хорошо знакомый Арсаю жест.

— Знаешь когда! Тогда! Почему дала себя поцеловать?

Она осмотрела его с головы до лап несколько раз. Потом села, обвившись хвостом.

— Зачем... далась? — тон ее был неуверенным; смотрела она словно не доверяя, искоса.

— Да! Зачем далась? — сразу подхватил Арсай, сделав шаг вперед.

Айлиша негромко ответила, глядя ему в глаза, отдельно и веско выговаривая каждое слово:

— Потому что смелый. Идешь вперед.

После этих слов Арсай мгновение сидел, потом без лишних слов пошел к ней. Хватит игр. Иди ко мне. Но Айлиша ловко ускользнула, как вода, лишь кончиком хвоста коснувшись его бока.

«Уйдет...», — со страшной досадой подумал Арсай, не спеша оборачиваться. Она уходит, это точно.

— Веди.

Арсай обернулся. Она серьезно смотрела на него пристальным, темным взглядом; он подумал, что так смотрят лишь незнакомки в снах, так не может быть на самом деле, такого взгляда в серой реальности не бывает. Но... вот он.

— Куда? — осторожно спросил Арсай.

Айлиша вздохнула, посмотрев в сторону и теребя хвостом.

— Предлагал ты на скалы уйти. Тогда веди. Айлиша пойдет за Арсаем.

Сказала она это с неким укором, раздражением от его вопроса; но Арсай понял — это неспроста, это так и должно быть, она на самом деле хочет сказать: «Много не говори. Действуй...».

Он посидел мгновение, потом слабо кивнул и вскочил на тот самый камень, на который неудачно прилетел сверху. Обернулся, чтобы убедиться: идет, не идет? Да, она следует за ним. Мокрый камень, еще один. Скоро будет тропка и можно будет идти, а не прыгать по камням...

— Амарах тебя не наказала тогда?

— Наказала, — Айлиша неожиданно ответила, хотя Арсай не особо надеялся на ответ. — Но легко.

— А как?

Арсай вышел на тропу. Слева — крутой каменистый склон, справа — скала. Самая большая из всех Гремящих. С нее отлично видно всё вокруг.

— Не поймешь ты. Не могу сказать.

— Но ты всё равно его у меня не просила... Этот клочок. Могла взять. Он был добыт честно.

Айлиша засмеялась, послушно и легко следуя за ним след в след. Арсай украдкой смотрел на нее, на безупречные походку и манеру держаться, которые пленили.

— Ученица не соврет в глаза амарах. Моя амарах не видящая, но сильна. Ложь в Айлише вряд ли сможет спрятаться от нее. Арсай, от амарах трудно скрыться.

— Ты еще ученица? — слегка удивившись, спросил лев.

— Да, Айлиша учится.

— И сколько тебе осталось учиться?

Спрашивал не потому, что хотел знать, но лишь для того, чтобы еще раз услышать ее приятную манеру говорить.

— Не знаю. Айлиша не знает, когда умрет.

Арсай немного подумал, не сразу уловив суть ответа.

— Но будет же такое время, когда наставница тебя отпустит?

— Амарах меня не держит. Просто однажды скажет: «Ты — готова». Но для Айлиши она всегда будет амарах.

— А ты будешь видящей или нет? Амарах научит тебя? — Арсай не знал, кто это такие. Он думал, что это какие-то особые шамани у северняков или нечто в этом роде.

— Никто не может научить видеть, — резко и с уверенностью в словах ответила Айлиша. — У тебя что, в прайде шамани нету?

— Есть.

— Спросишь их. Они скажут. Они знают.

Они взобрались почти на самый верх. Арсай знал, что дальше путь опасен и труден. Лучше побыть здесь, на небольшой площадке. Айлиша села возле Арсяя, слева. Хвост она не поджала, он заметил это и коснулся своим к ее. Протеста не последовало.

— Там твой прайд? — спросила она, не замечая этих маленьких нежностей, то ли делая вид, что не замечает.

— Да. Вооон... видишь... даже отсюда видно скалу дренгира, Главные скалы... оттуда вот и аж вон туда я хожу в обход...

Арсай долго всё рассказывал и показывал, махая лапой то туда, то сюда; может, даже слишком долго. Поймав момент, украдкой посмотрел на ее настроение и вид. Вдруг Айлише не нравится, что она смотрит на прайд Союза и его земли? Она ведь Саргали! Но нет. Она — само спокойствие.

Айлиша вдруг спросила:

— Любишь ты свой прайд?

Арсай подумал.

— Да. А что?

— Пraid свой нужно любить, — прижала она уши.

— Ты это к чему?

Шамани не ответила, но вместо этого сказала:

— Небо перестало грустить, — улыбнулась она, заметив, что дождик прекратился.

— Давно уже... Давно уже перестало...

Арсай снова украдкой посмотрел на нее; но она была готова, поймала его, также смотрела на него искоса. Они двое будто боялись прямого взгляда. Арсай понял, что медлить — смерти подобно.

Вот он сделал шаг. Арсай боялся лишь одного — ее ухода, нежелания, холодной встречи. Немного, но боялся. Когда сделал второй, то слегка наступил на ее левую лапу, будто хотел так удержать на месте. Айлиша не отстранилась, не убрала лапу; Арсай потерся щекой о ее, укрывая Айлишу в гриве. Он был мягок и нежен, боясь спугнуть настойчивостью; Айлиша ничем особым не ответила, но спокойно сидела, прислушиваясь к его нежности, лишь кончик хвоста выдал ее и медленно-медленно бился о камень в такт своему ритму; и ее мурлыканье, очень теплое, дало знать о том, что Арсай не ошибся.

Арсай, закрыв глаза, лизнул ее шею, за ушком, потом ближе к щеке. Он ощутил ее ответ: Айлиша подняла выше голову и прижалась к нему, потом очутилась у него под шеей, прижав уши, спрятавшись от мира. Он лизнул ее в щеку, а потом Айлиша сделала то, что взволновало Арсая до чрезвычайности. Потершись о его щеку, она мягко зашептала ему на левое ухо, всё так же прижимаясь к нему, ничуть не отстраняясь:

— Зачем целовал? Целовал зачем тогда?..

Арсай было отстранился, чтобы увидеть ее и ответить, легонько тронув кончиком носа ее нос, но Айлиша не желала уходить.

— Не так... Как я...

Он сразу всё понял. Точно так же прижавшись, прошептал ей на ухо:

— Потому, что безупречность. Потому, что красота. Я влюбился сразу, как увидел... Айлиша...

Ей очень нравились эти простые слова: хвост ее забился много сильнее, Айлиша тепло дышала ему на ухо. Он вдыхал ее запах, чтобы навсегда запомнить. Арсай подумал о том, насколько же приятно общаться именно так, не видя, но чувствуя друг друга, и каждое слово теплом идет внутрь, отчего становится намного понятнее, много большим, чем просто слово...

— Арсай, Арсая, смотри! — вздрогнула Айлиша. Он быстро открыл глаза, отстранился. Она тревожно смотрела на что-то за собой. Ее беспокойство было реальным. Арсай резко обернулся, но ничего не увидел.

— Что, Айлиши? Что там? — наострил он уши и принюхивался.

— Там чужой глаз внизу! Был кто-то! Айлиша заметила!

Он приглянулся, осмотрелся. Вроде никого нету.

— Арсай, пошли, побежали... — тихо и спешно молвила она.

— Ты увер...

— Арсай, Айлишу не должны видеть, — с укором и тревогой молвила она, бросив выразительный взгляд.

Конечно же, тут глупо спорить. Она сорвалась с места, он быстро последовал. «Проклятье, убью! Кто это может быть?.. Ну конечно... Львята. Или Матенрай ко мне пришел, составить компанию, дождь-то кончился... Или Драма. Или... да мало ли кто там! Таки нужно ее вывести отсюда!».

Но так получалось, что Айлиша бежала первой, словно это его нужно отвести подальше от земель прайда. Она ловко, без всякой трудности соскочила вниз по камням; видимо, для нее это было пустяком, она ведь Саргали, а у нее дома этих камней множество... Арсай поспевал за ней.

Они пробежали сквозь густые заросли, потом вышли к знакомому каньону. Айлиша отлично ориентировалась, видимо, побывав тут не раз и не два. Они спустились вниз по склону, потом выкарабкались на другой. Это были уже ничьи земли, ничто не могло им тут угрожать.

— Всё, Айлиши! Сюда никто не пойдет, — сбавил он бег, потом и вовсе остановился.

Айлиша обернулась и тоже остановилась, вместо всякого ответа очень странно и загадочно улыбнулась; рядом — дерево, она вдруг поставила на него лапу, и Арсай отчетливо видел, как она несколько раз вытянула и втянула когти, а потом и вовсе расцарапала его гладкую кору, проводя лапой вниз. Потом снова бросила мимолетный взгляд, и снова тот самый жест, этот нежный оскал, который так нравился Арсаю, как и всё в ней...

Она вдруг отскочила от дерева и... начала убежать.

Безо всяких раздумий Арсай бросился в погоню. «Ну погоди... подожди... не убежать тебе от меня... Стой! Куда?!».

Погоня была быстрой, но недолгой. В какой-то момент Айлиша бежать и вовсе перестала, прижалась ближе к земле, хвост ее затрепетал из стороны в сторону, будто просила пощады или... ну конечно... По Арсаю прошла горячая волна, когда понял со всей уверенностью, без лишней тени сомнения: Айлиша соблазняет его.

Он почти поймал ее, но Айлиша крутнулась вокруг огромного баобаба, не желая вот так просто сдаваться. Арсай — за ней. Не так-то это просто... Поймав момент, он изловчился и поймал ее с другой стороны. Арсай очень-очень хотел не упустить Айлишу, потому получилось весьма сильно и жестко; они двое оказались на земле. Но он знал, что ей так понравится — если уж поймал, то пусть это будет всерьез и по-настоящему...

Теперь он делал с ней то, что хотел; он горячо лизнул ее щеку, невзирая на ее слабый протест и последний отпор: когти ее снова впились в плечо, но очень легко, и этот мягкий укус в шею, приятный, как ничто в этом мире. Потом ее строптивость очень быстро перерождалась в ответ для него и страсть; Арсай не помнил, никогда не помнил, чтобы ему так отвечали нежностью на нежность, будто она возвращалась стократ. Ни с кем такого не было... кто там был у Арсая?.. Раз... два... всё блекло. Имена забыл...

Когда она снова лизнула его ухо, то это уже было слишком; Арсай знал, что еще мгновение, и он возьмет ее любой ценой, любой силой... но Айлиша, уловив всё без жалких слов, томно лизнула его нос, переворачиваясь, отчего он пришел в

нежное бешенство, и эти тихий стон и мурлыканье, а потом Айлиша совсем сдалась ему.

**

Утратив всякое чувство времени и желание о нем помнить, Арсай уже невесть сколько лежал вместе с нею под звездным небом, которое странным и неведомым образом просияло в эту ночь: тучи ушли; хотя все прежние дни оно было покрыто ими. «Может, это что-то значит?», — подумал Арсай, но сразу об этом забыл, поцеловал ее в щеку; она с томным бессилием подняла голову выше, чтобы не мешать ему делать всё, что вздумается. Арсай закрыл глаза: зрение мешало ощущать ее теплое дыхание; потом Айлиша решила продолжить их разговор. Общались они не обычным способом, нет; они очень тихо говорили всё слова друг другу на ухо (Айлиша сказала, что для этого лучше левое, чему он охотно поверил; еще заметила, что это очень интимная вещь, чему он поверил еще больше). Арсай нашел такой способ общения просто замечательным, это была очень волнующая, необычная вещь, и смысл любого слова становился кристально чистым.

— ...ничего она не понимает, она страшно глупая, потому я не даю ей уважения... и моя амарах тоже ее слабо терпит.

— И Найсара ее не любит, да?

— Да. Моя амарах не любит ее.

— Но ты говоришь, что у нее влияние. Почему бы ей что-то не придумать? Пусть амарах не позволит ей стать главной львицей прайда.

Арсай почувствовал, что она улыбается. Айлиша отстранилась, еще лучше приютилась в его гриве и продолжила, уже смотря в бесконечность ночи над головой.

— Шамани имеют более важные дела, чем это.

— Айлиша больше не будет со мной говорить сердцем? — спросил Арсай.

Айлиша называла их способ общения «говорить сердцем», когда они друг другу шептали на ушко, закрыв глаза. Арсаю очень нравилось, он не хотел больше общаться, как обычно, на некотором расстоянии — теперь старый способ казался ему до боли скучным и холодным. «Ровные, холодные души мира... Если б вы попробовали это хоть раз, не остались бы такими...», — меланхолично подумал Арсай о таинственной жизни, в которой безжалостно родился.

— Если Арсай хочет, то Айлиша вернется, — посмотрела она на него, потом легко лизнула его шею, чтобы чувствовал ее любовь. — Просто хотела взглянуть на звезды.

— Тогда будем вместе... глядеть.

Немного помолчали. Снова завела свою монотонную песню надоедливая ночная птица; она только и знала, что петь «Уууу... Уууу...» и больше ничего. Арсай на мгновение разозлился на нее.

— Что, в Регноран нет главной львицы прайда? — спросила Айлиша, нежно шевеля хвостом у него на боку.

— Да во всем Союзе нет... У нас нету такого. Есть хозяйки охоты, но они занимаются лишь охотой.

— А дренгир их наказывает за плохую добычу?

— Что ты, — Арсай хмыкнул, не представляя такой странной картины. — Никогда в жизни... Он может лишь вмешаться в то, кто и когда идет на охоту, но этого хозяйки страшно не любят. Они сами всем заправляют... Нет-нет, еще. Еще.

Айлиша прекратила шевелить кончиком хвоста, а Арсаю очень нравились эти мягкие, ритмичные прикосновения к его лапе. Она сразу поняла, что он хочет, и хвост снова ожил; Арсай с удивлением и эйфорией подумал о том, насколько хорошо Айлиша чувствует его.

— Надо же... Много свободы у вас. Свободы много... Ай ладно, это неважно...

— Да, мы стали говорить о полной ерунде, — устало заметил Арсай, зевнув. Скоро рассвет, они устали, они ведь не спали...

— Я не знаю, что амарах сделает со мной, — вздохнула она.

— Да, и у меня, наверное, хватились, куда я делся... — безразлично подумал вслух Арсай. Потом вдруг неприятная догадка пришла ему в голову, и пронял страх за Айлишу.

— Айлиш...

— Да, Арсая?

— Ты ведь не можешь солгать Найсаре?

— Нет. И она мне тоже.

— Тогда она всё узнает. Это не... плохо для тебя?

Она посмотрела на него.

— Плохо, Арсая. Айлиша боится, что амарах уже всё знает.

— Я в том смысле, — он зашевелился от беспокойства, — что амарах как-то накажет тебя... или расскажет твоей матери и отцу... или даже всему твоему прайду... Что тогда будет?

— Не расскажет прайду, Айлиша уверена. И у Айлиши нету матери и отца.

— Прости меня...

— Лихмаай не тревожь. Ты не мог знать, — молвила она тихонько ему на ухо.

— Но всё равно, переживаю за тебя. Я не дам тебя в обиду! — повысив голос, уверенно молвил Арсай.

— Знаю я. Нэ. Шшшш...

— Скажи Найсаре, что я... очень прошу ее, чтобы она тебя не наказывала.

Айлиша весело рассмеялась.

— Смешной ты!

— Я серьезно. Она должна понять тебя. Она же твоя амарах. Шамани ведь должны понимать чужое... чужой... лихмай. Так ведь?

— Лихмаай. Должны. Потому мне не страшно возвращаться, хотя... стыдно Айлише немного.

— Почему?

Этот вопрос остался без ответа. Это с Айлишей могло приключиться — вот такое молчание. Оно не обижало и не отталкивало, скорее, даже наоборот. Арсай не настаивал.

— Давай тогда... Давай тогда уйдем. Вместе. От всех, — вдруг, совершенно неожиданно даже для себя, предложил полубезумную идею Арсай. Он уже сразу, наперед, испугался ее плохого отклика, непонимающего взгляда, гневной речи. Но... ничего этого не было. Она со сомнением ответила, будто сама мельком об этом задумывалась:

— Арсай... Невозможно для меня. Хотя за тобой умирать пошла бы Айлиша. Долг есть у меня, имею я его перед прайдом и амарах... Я — шамани для своего прайда во скором времени. И ты... дай сказать мне...

Арсай было хотел что-то возразить, уже шатавая головой, но Айлиша заметила и мягко прикрыла ему рот лапой.

— Айлиша скажет... И тебе нельзя бросать свой хороший прайд. Мы умрем без них.

Арсай чувствовал, насколько трагично она права. Он даже прикрыл глаза лапой. «Проклятье... а как же дальше... будущее...».

— Умрем без них?

— Умрем.

— Но что нам тогда делать? — снова мысли вслух у Арсая. Он неслышно ругнулся. Нельзя показывать неуверенность перед львицей... Но на этот вопрос у него ответа не было. «Забрать к себе в прайд!», — появилось безумное решение.

— Заберу тебя с собой!

И обнял ее.

— Не может Айлиша... бросить... ах, Арсай!

Он было хотел попробовать уговорить ее, убедить, всячески настаивать; но поскольку они двое научились общаться сердцем, то он странным образом узнал, что это принесет ей лишь боль и страдание, потому что...

— Айлиши, а как ты называла устремление? Решимость?

Она мгновение подумала, не сразу уловив, о чем Арсай говорит.

— А, да... Ахмар. Намерение.

— Твой ахмар — быть верной и полезной прайду. Я... знаю это.

Айлиша от чувств нежно укусила его шею, потом потерлась о нее. Арсай сильнее обнял ее, чтобы ей было спокойно и безопасно.

— Да, это так. Ты хорошо видишь меня, Арсай-намаи...

Он хорошо услышал это «-намаи» в конце своего имени, но не стал спрашивать о значении.

— Но я люблю тебя. И... ты...

— Айлиша тоже отдает тебе всю любовь.

— Вот... И это наш... ахмар... твой и мой...

— Да.

— Но он никак не может... Выходит... этот ахмар и этот... они не могут быть вместе. Я же — регноранец.

Он впервые в жизни жалел о том, что он — сын прайда Регноран.

— А я есть Саргали, — кротко молвила она.

— Да неважно всё это, — Арсай снова и снова целовал Айлишу, снова ее язык встретил его... — К шакалу всё. Пусть всё тонет...

Она снова когтями впиалась в его плечо, потом когти проделали путь вниз, к лапе. На этот раз к ее нежности прибавилась еще и вдруг ясно осознанная ею безысходность их любви, потому что Арсаю было чуть больнее, чем прежде.

— Арсай, мой лучший. Айлиша должна уйти. Уже рассвет... Я должна... Уже и так слишком поздно.

Он и не заметил, что уже начало светать.

— Стой...

И так много раз; они очень долго прощались, она всё пыталась уйти от томного плена, но не могла: лапы не слушались, не хотелось. Еще побыть, еще немного; а жестокое время решило сыграть злую шутку, и уже не шло, а неумолимо летело вперед...

— Арсай, хороший, отпусти меня... — просилась она.

— Не могу.

— Пусти Айлишу...

— Не могу.

— Не можешь?

— Нет. Я не выдержу этих нескольких дней, когда мы не будем видеть друг друга.

Она стала мягче и податливее в его объятиях.

— Арсай.

— Да?

— Мы не будем видеться...

Он устался на корень баобаба, несколько раз хорошо обдумав то, что услышал. Нет, всё правильно, уши не подвели.

— Почему? — вроде как спокойным голосом спросил Арсай.

— Не сможем мы быть вместе... лучше не видеть больше мне тебя. А тебе — Айлишу.

— Нет-нет, погоди, — он нарочито спокойно отстранился, стараясь объяснить любимой Айлише несложную и простую вещь; он говорил, при этом поглаживая лапой ее плечо, чтобы слова лучше успокаивали и вызывали доверие: — Никто не будет знать. Главное — встречаться. Быть вместе. А со временем всё прояснится, мы найдем способ. Послушай... Никто не будет знать.

— Амарах уже знает, — улыбнулась она от его забывчивости.

— Да откуда она знает?

Всё же Арсай не очень этому верил.

— Знает, — обреченно сказала она.

— Ну, договорись с ней. Айлиша... Приходи сюда же через два дня. Ты найдешь способ? Ты сможешь.

В нем играло лживое хорошее предчувствие, мол, всё не так, и это лишь шутка.

— Нет, Арсай-намаи.

— А когда придешь?

— Не придет больше Айлиша... — очень тихо молвила она, от тоски и любви тихонько лизнув его нос. — Это плохо для нас.

— Почему плохо?

— Тайна станет явью.

— И что?

Она не ответила, как иногда было с нею; лишь отвернулась, даже прикрылась лапой, чтобы не видеть ее печали. Но Арсай, конечно, всё видит.

— Забудь, Айлиши. Я справлюсь с любыми трудностями.

— Я знаю, Арсая. Но Айлише нельзя... нам будет плохо... моя тебе благодарность.

— И тебе. Ты самое удивительное, что было и есть в моей жизни, — слова его были совсем искренни и чисты.

Она улыбнулась, ощутив тепло слов.

— Но нет для нас больше пути...

Арсай не понимал ее, но очень хотел понять.

— Я хочу понять, Айлиш... Расскажи мне.

Вместо ответа шамани поцеловала его, это было долго-долго, почти вечность прошла, а потом сделала большой и решительный шаг назад. Она уходила. Но перед уходом Айлиша еще обернулась, Арсай чувствовал и знал — на прощание.

— Арсай, ты помни меня.

Да, он смотрел на нее, чтобы запомнить. Сиди и запоминай, потому как жизнь быстра, а судьба без жалости.

— Айлиша... — он не знал, что добавить к ее имени, он искал слова, но никак не мог найти; ни «Прощай», ни «Стой!», ни «Куда ты?» не годились, а других

Арсай не знал, еще не придумали слова для того чувства, которое он испытывал, потому так и застыл вместе с ее именем. Она скрывалась в траве; но перед тем, как во все исчезнуть, сама не выдержала, взгляд ее снова вернулся назад. Арсай уже хорошо не видел, плачет ли она всю или ему только кажется; вот так ему показалось. Он сделал несколько шагов вослед ей, но не догнал, не зная, как быть.

— Почему ушла?.. — спросил Арсай сам себя после вечности, в которой сидел без движения. Хотя он, конечно, догадывался, ведь ум подсказывал верные ответы, несмотря на чувства. Куда там... От себя не убежишь! Он — сын Регноран, она — Саргали. И кто знает, что с ней может случиться, если узнают, что с ним была... «Вот, Айлиша же говорила, что амарах знает. Проклятье! Если повредит Айлише, я найду и убью эту самую амарах!», — вполне серьезно подумал Арсай. — «Пусть только попробует... Достану». Но он, конечно, в глубине души понимал, что ничем не сможет помочь Айлише, если она попадет в беду из-за их... любви? Любви, да. Он любит Айлишу.

Но вот ее нет. И Арсай вдруг с удивлением и ощущением открытия заметил, что он, ступая по траве и встречая рассвет, не чувствует больше этого биения, потока жизни, утратил смысл и цель ее; теперь то, что он живет, казалось странным и глуповатым. Мгновения назад жизнь была полна значения и стремления, потому как рядом находился некто родной настолько, что всякие вопросы умирали, не родившись; была Айлиша, и весь смысл прятался в ней, это очевидно. Теперь же он снова заживет обычной жизнью, как всегда, когда спишь-ешь-ешь-спишь, предаешься забвению в рутине и бессмысленности, а больше ничего; есть еще, конечно, друзья, родня, прайд и всё такое, но это, в сущности, никак не влияет, это лишь для того, чтобы он не задохнулся в одиночестве. Ведь Арсай без раздумий ушел бы с Айлишей куда глаза глядят, забыв обо всем позади.

Раньше он как-то не особо донимал себя вопросами о смыслах и цели, но теперь эти мысли как-то очень живо суетились в сознании; и Арсай не знал, что с ними делать, какой ответ подкинуть, чтобы они успокоились и оставили его, чтобы дух стал невозмутимым, как прежде.

Но потом он забросил их. Он начал думать о ней. Вспоминать всё: слова, красоту, запах. Неужели Айлиша больше не придет? Шутит, дразнится? Увидеть ее больше — не судьба? «Проклятье, не может быть...».

«Вот и каньон», — безразлично подумал он, спускаясь абы как по каменистому склону, не жалея лап.

Или лучше возрадоваться тому, что в его жизни было такое восхитительное приключение и будут стоящие воспоминания перед смертью? Да. Вот оно. Чего горевать и печалиться? Оно ведь было, Арсай это пережил, он испытал! А там мало ли куда тропа жизни выведет. «Лучше успокоиться... Если она ушла и решила больше не видеть меня, значит, были причины. Пусть так будет. Будь счастлива, Айлиша. И я буду помнить», — приободрил себя Арсай, лапы побежали быстрее.

Мда. Вот уже земли прайда. Он с удивлением обнаружил, что за это утро так и ни разу не вспомнил о том, что ожидает дома. Определенно, ничего хорошего. Так, тише. «Нужно что-то придумать... так, где я был? Где я был. Я делал обход, и вдруг... Что вдруг? Тут не придумаешь... Нет, нужно сказать почти всю правду. Да от меня и так, наверное, пахнет больше львицей, чем львом. Так что вот: был со львицей; да, я знаю, что это не очень хорошо — исчезать на целую ночь без предупреждения. Обход я завершил, конечно, ну а потом ушел... Почему не пошел к Драмингарру сдать обход? Ну некогда было... С какой львицей? Ну, со обычной свободной львицей, коих полно бродит... А то вы не знаете. Неплохо. Хотя, если

узнают, что я не был всё время на обходе, то будет плохо. Но ничего. Нужно рискнуть».

Первой возле Гремящих скал встретила Далисса.

— Наконец-то, нашелся! — с облегчением вздохнула она. — Пошли быстрее в прайд, тебя искали!

— Да чего волноваться-то? — как можно небрежнее молвил Арсай, чтобы показать пустяковость ситуации.

Они поприветствовали друг друга по традиции Регноран: быстро и небрежно потерлись щеками.

— Ты что, тут уже успели передумать всякое страшное... Северняки ведь бродят!

— Это откуда вы знаете? — подозрительно спросил он.

— Да как откуда, ты сам ведь говорил! И остальные видели странных львиц. Не иначе, как разведчицы... Ну, пойдём!

И они пошли.

— И что, кто меня искал? — совсем равнодушно и вскользь спросил Арсай.

— Да полпрайда, если не больше, — немножко преувеличила Далисса. — Драма и дренгир очень переживали за тебя; это ж не шутка: исчез лев на обходе. Так где ты был?

Арсай очень уклончиво и двусмысленно покачал головой, повел ушами, дернул хвостом.

— Так... Нужно было...

— Арсай, да оставь ты шутки, я серьезно! — Далисса, кажется, догадывалась, но ей всё равно не терпелось услышать, что там такое случилось.

— Ну... я обходил... дошел до начала каньона, — как бы нехотя начал Арсай, — мне встретила львица. Обычная свободная львица. Ну, я ее предупредил, что это земли прайда Регноран, вот... Разговорились. Вот...

— Арсай, вот скажи, и ты за ней поплелся? — с некоей ревностью и обидой за всех львиц Союза спросила Далисса. Но, впрочем, это не есть нечто слишком порицаемое или из ряда вон выходящее. Для льва это вполне нормально; ну а в среде львов, особенно молодых, приключеньце на стороне считается вещью почти что обязательной.

— Ну... она была... ну, понимаешь... что тут поделаешь? — виноватым тоном молвил он.

Далисса глубоко вздохнула, покачав головой.

— Зараза же ты. Вот все вы такие. Вот сейчас дренгир с ярлом тебя и накажут, так тебе и надо, противный.

— Да за что, я же проделал обход до заката! — праведно возмутился Арсай, впрочем, не слишком рьяно, потому как аргументы были слабенькие.

— Ага, а когда ты ее встретил?

— Дне... то есть, вечером. Вечером.

— Да уж, Арсай, ты хоть врать-то поучись, — Далисса скептически покачала головой, смотря на него снизу вверх.

— Шакал, что тут такого? Я ж не дряхлый старый пень, в самом деле. Что она хотела — то получила, — снова праведно возмутился Арсай.

Далисса засмеялась. Потом назидательно молвила:

— Найти тебе львицу пора, тогда уж тебя будет не так легко обвести вокруг хвоста.

Арсай, подумав, ответил:

— Я вот в Хартланд собирался, на других посмотреть, себя показать. Может, кого и найду... — слова «кого и найду» Арсай молвил с неожиданной тоской и тяжестью; до сих пор во время разговора он не вспоминал об Айлише, но тут словно что-то вырвалось на поверхность, и им овладели сплин мечты и чувство драмы жизни.

— А что, вы с Замири немножко... поругались? — как бы совсем невзначай и равнодушно спросила Далисса, наострив при этом уши, чтобы не упустить ни единого слова.

— Мы — не пара, — вдруг откровенно сказал Арсай, хотя не собирался выдавать никаких признаний, намереваясь прикрыться шутливыми и общими фразами.

Далисса решила как-то спасти положение, а заодно и всё разузнать получше:

— Но ты ей нравишься. Вы хорошо смотрите вместе.

— А что значит — хорошо посмотримся? — решил он прицепиться ко слову.

— Как бы... Когда вместе находитесь, то друг другу подходите... — вопрос явно застал ее врасплох. — Красивая пара...

Арсай остановился, посмотрев в сторону прайда. Так, вот скала дренгира уже близко. Странно, что никого рядом нет... Далисса остановилась тоже, не понимая причины заминки.

— Далисси, — Арсай доверительно наклонился к ней, отчего она сразу посерьезнела, приготовившись выслушать что угодно, — на самом деле хорошая пара... это... когда...

Он беспомощно махал лапой, но не мог найти правильных слов; бросив попытки, он, расслабив лапу, дотронулся к ее плечу, сначала поглядев в ее карие глаза («Ей так идет серьезность!», — вскользь подумал Арсай), а потом на небо, которое светло и чисто.

— На самом деле это очень сильная вещь. И уж тем более никто не может со стороны предугадать, кто на самом деле... сможет войти с тобой в такое... в такое единство... знаешь... — он махал лапой вокруг, показывая, что нету берегов у этого чувства.

Но вместо серьезного и глубокого понимания сути, Далисса вдруг рассмеялась.

— Пошли, Арсай. Вот уж наболтал.

Он немного расстроился, снова испытал это хорошо знакомое каждому чувство разочарования в обыденной и реальной жизни.

Она еще попыталась разузнать, что же там такое стряслось у него с Замири, но Арсай избегал всякого разговора на эту тему, потому вскоре они молча добрались к центру жизни прайда, к Главным скалам и камню шамани. Потом Арсая по очереди выругали Драмингарр и Нгайлар за то, что он позволил себе без вести пропасть на целую ночь. Арсай рассказал им ту самую историю (в которой была почти вся правда!), которую придумал для Далиссы. Это, конечно, не вызвало восхищения. Драмингарр наказал Арсая — теперь он целых пять дней должен подчиняться одной из хозяек охоты. Слушать ее, идти вместе со львицами на охоту по первому требованию и всё такое. Вот так. Но Арсая это не слишком взволновало, он спокойно принял наказание как должное, и пошел спать.

Сну помешал голод, потому он поплелся посмотреть, чего там принесли охотницы. Они принесли, но всё предназначалось детям, потому Арсай побрел на охоту с друзьями. Они всё спрашивали о похождениях, смеялись и подшучивали; Арсай на лету придумывал всякие подробности, чтобы доставить им развлечение, чтобы они видели, как он легко относится к этой истории и что вскоре совсем всё

забудет. Кроме того, он хотел заразиться хорошим настроением, оптимизмом, хотел смело смотреть в будущее и не особо заботиться о воспоминаниях.

Но никому истинной правды об Айлише он не сказал, храня тайну, как жизнь. Это было слишком ценно и близко для него.

Потом Арсай попытался разузнать, кто же именно лазил по Гремящим скалам, когда они были там с Айлишей. Он беспокоился — вдруг ее втайне кто-то заметил? Выяснилось, что никого там не было, кроме, возможно, львят. Он уже начал сомневаться, видела ли кого-то Айлиша или же ей показалось от излишней осторожности.

**

Глубокий, темный вечер после душного дня без дождя, но с его предчувствием.

Он, собираясь на ночную охоту вместе с группой, вспомнил слова Айлиши: «...спроси у них...».

— Юмлаани, а что такое «видеть»? Кто такие видящие у северняков? — вдруг как бы невзначай и вскользь спросил Арсай, болтая вечером с молодой шамани.

— Кто это тебе сказал? — мило нахмурилась она, в раздумьях теребя лапой куст акации.

— Я такое слышал. Просто слышал вот такое.

Нейла, которая до этого спокойно себе дремала под другим кустом, рядом с ними, наострила уши и открыла глаза.

— Хммм. Ну, не знаю. Видеть — оно и есть видеть. Наверное, это какой-то образ. Как бы... понимать вещи. Я... не знаю.

«Ну вот, привет», — недовольно подумал Арсай. Айлиша говорила, что шамани Регноран должны знать!

— Арсай, идем со мной. Нужно поговорить, — этого потребовала Нейла, вставая и отряхиваясь.

— Как львица скажет.

Они отошли в сторонку и сели возле Мокрого камня (так он назывался, этот камень возле скал дренгира, потому что действительно часто был мокрым и обрастал всяким мелким растением).

— Та львица... Она — шамани?

— Какая львица?

Нейла очень внимательно посмотрела на него, и ее молчание было красноречивее любых слов.

— Да, — выдал из себя Арсай, не понимая, что происходит, как она узнала и что теперь будет.

— Будь осторожен, — кратко молвила Нейла.

— Львица ее знает? Откуда она знает?

— Я не знаю ее. Но это она тебе рассказала о *видении*?

— Да. Нейла, я...

Она взглядом заставила его умолкнуть.

— Одна просьба: никогда больше не говори об этом с Юмлаани или Силлази. Им пока нельзя. Они не знают. С остальными — тем более. Ты лев честный, ты сохранишь тайну.

Арсай кивнул. Нет проблем.

— Хорошо. Тогда пусть Нейла тоже если что-то знает... пусть никому не говорит... Но почему мне нужно быть осторожнее?

— Не знаю.

— Она... разве она опасна? Нейла знает что-то?

— Нет-нет. Нет... Она не опасна, у нее нет зла к тебе, это ясно. Но ты смотри хорошо, как я тебе и говорила, — Нейла всматривалась в него, слегка теребя хвостом.

— Пусть львица скажет яснее, — взмолился Арсай, не понимая этих намеков и считая, что Нейла изводит его намеренно, не рассказывая всего.

— Не могу. Просто потому, что больше не могу ухватить. Я ловлю лишь знаки и смутные чувства.

Он задумчиво бил лапой по траве.

— Вижу, она оставила в тебе глубокий след.

У него екнуло сердце.

— Это точно.

— Да где этот Арсай! — послышались далекие и требовательные оклики. Кто-то из львиц прорычал клич на охоту.

— Удачной охоты, — пожелала ему Нейла.

По традиции Арсай небрежно махнул лапой. Она, слегка улыбнувшись (что бывало весьма редко, Нейла — мрачная львица), кивнула ему, мол, иди.

Арсай развернулся и пошел. Этот разговор оставил некое новое чувство. Арсай окончательно понял, что шамани суть хранители некоего волнующего и сильного знания, а не просто целители.

Но он не успел сделать и трех шагов.

— Жизнь жестока, но прекрасна. Да, Арсай? — внезапно спросила Нейла.

Это было в самую точку, в его душу. Шамани уже ушла, он всё так и сидел, прислушиваясь к эху этих слов, которое витало в сознании; слова были чисты и просты, невесть каким образом точь-в-точь отражая его смутное настроение, эту смесь сплина и грусти с восхищением тем, что в его судьбе был удивительный поворот, который навсегда нечто изменил в его душе. Лихмае, как сказала бы она. «Наверное, свою последнюю мысль в жизни отдам Айлише», — невзначай подумал Арсай, приближаясь к раздраженным львицам, которым страшно не понравилось его ждать.

Был тут и Матенрай, но друзья перекинулись лишь парой ничего не значащих слов, ну а потом все они пошли на ночную.

Охота была удачной, тащить пришлось много, потому им было не до разговоров. Но когда они ночью вернулись, то Матенрай вдруг ни с того, ни с сего спросил Арсая, улучив момент, когда они находились вдали от всех; видимо, вопросы долго сидели в нем, потому как на каждый ответ Арсая друг немедленно находил новый:

— Это что, так и есть?

Слова брошены с претензией и легким презрением.

— Что именно? — перестав вылизывать лапу, недоуменно спросил Арсай, удивленный тоном друга.

— Ты рассказывал всем, из-за чего бросил обход. И рассказал всем интересную историю.

— Я не бросал обход, — соврал Арсай, потом страшно пожалел о сказанном. Ведь Матенрай может что-то знать! И даже, возможно, это он был тогда, там, на Гремящих.

— Ладно. Но это что, та самая львица-северняк? О которой ты мне говорил?
— Матенрай неуловимо старался поддеть черногрива: позой, движением (легко раскачивался из стороны в сторону, как при разминке перед схваткой), топающей лапой.

— По-моему, я тебе доверился не для того, чтоб ты всем рассказывал, ага, — раздраженно молвил Арсай.

Матенрай скривился, будто съел нечто противное.

— Не бойся. Этот секрет, хех, никто не узнает. С чего это ты вдруг задергался?

— Я не дергался!

— Чего кричишь?

— Да кто кричит?! Я кричу?! — Арсай заорал так, что, наверное, услышали все в прайде.

На этом разговор и закончился; теперь следовало разойтись, начать его заново или хорошо треснуть друг друга по морде. Арсай не знал, что выбрать, потому продолжил нервно вылизывать лапу дальше.

— Знаешь, моего деда нету в живых. И старшего брата отца, — грустно молвил Матенрай. — Ты ведь знаешь моего отца?

Это вопрос с издевкой. Конечно, Арсай его знает, ведь он здесь, в прайде, потому без заминки ответил:

— Знаю.

— А ты помнишь, почему нету среди живых моего деда и старшего брата отца?

Арсай забил по земле хвостом. Их давно убили северняки.

— Помню.

— И всё нормально? — спросил Матенрай.

Арсай не отвечал.

— Послушай... Что бы там ни было — это мне не нравится...

— Ты тут причем?

— Не перебивай! Ты связался со севернячкой, причем уже во всех смыслах, и что теперь? Рассказываешь всем сказки? Всё нормально, Арсай? А? Зачем она тебе? Кто она? Чего ей надо?

— Не, это ты слушай... — Арсай страшно хотел нахамить другу, чтобы всё решилось простым и незамысловатым образом, потому что не хотел терпеть этого тона. Но вдруг мгновенно переменял решение. Нужно объяснить Матенраю, что на самом деле всё это много выше всяких прайдов, врагов, чьих-то дедов и братьев; и никому — ни Айлише, ни Арсаю — не нужна далекая чепуха внизу, не нужно чужое, потому как у них и своего достаточно. Никто никому не желает зла.

— Тенрай... — он подошел к другу, поставил ему лапу на плечо. Тот весь напрягся, не ожидая ничего хорошего, и уже втянул голову в гриву, чуть пригнувшись, чтобы его не застали врасплох ударом. — На самом деле... Да. Я был с ней. Но поверь ты, что... ей ничего не нужно. Не нужно что-то узнавать о прайде. Ей вообще ничего не нужно, кроме меня. Не бойся ни за меня, ни за прайд.

— Но это же севернячка, Арсай. Ты подумай только! Да ты представь себе, если другие узнают!

— Сто шакалов, да я не могу с тобой! Какая разница, кто она? — Арсай смотрел на друга, на его глаза, ища следы понимания. Но его не было.

— Что-то она точно с тобой сделала, — покачал тот головой. — Ты бы на себя посмотрел.

— Если Ай... она что-то и сделала, так это изменила мою жизнь.

— Ну да, я вижу, вижу тебя, ты сам не свой, как одержимый.

— Тенрай...

— Развел тут всякую муть, как хвостовертка. Тебя используют, Арсай, ты можешь это понять? Там нечисто всё, от начала и до конца, в этой дрянной истории! Северняки скорее сами себе голову откусят, чем пойдут с миром ко льву Союза, — Матенрай распался. — У них строго. Ты их не знаешь. И твой отец уже не знал. А мой знал, и брат его знал, и дед знал, и прадед знал. А севернячка, которая играет с тобой — так это вообще для больной зебры! Это тупое, неприкрытое коварство!.. Нужно предупредить прайд, а то вообще может случиться всё что угодно!..

— Она больше не придет... — прекратил поток слов Арсай.

— Что?

— Она больше не придет. Так она сказала. Я ее уже не увижу.

Друг покачал головой.

— Врет, наверное.

— Не врет. Кончилась наша с нею история... Так что я заживу, как и прежде, — сказал Арсай, поняв, насколько быстро проходит в жизни всё, что дарит ей красоту и смысл.

— Хм, вот как. Хоть что-то я рад слышать.

— Так что никого предупреждать не надо. Впрочем, я тебя просил лишь однажды, больше не буду; если захочешь нарушить обещание — то делай, как знаешь.

Матенрай в шутку стукнул его лапой по груди.

— Не нарушу. Ладно, спать пошли. Забыли. Если всё кончилось, то смысла жевать это нет.

И они пошли спать. По пути встретила Ахмая, которая почему-то не спала, и забрала Арсая за собой; тот упирался, потому что хотел завалиться под свой любимый баобаб и уснуть быстрым, усталым сном. Но Ахмая не слушала возражения брата и тянула его к восточной стороне Главных скал прайда, упрямо твердя, что сегодня он будет спать с ней и мамой, чтобы его вдруг не украли какая-то таинственная незнакомка.

— Ну расскажи... — терлась сестра о его бок, стараясь уболтать. — Я никому не скажу, честно-честно. Буду слушать и молчать.

— Что рассказать? — измученно взмолился Арсай.

— Да весь прайд знает, что ты где-то там пропал, и что-то там у тебя было, вот. Нууу?

— Да нет здесь никаких интересных подробностей. Обычная ерунда, коей полно. Пришел, увидел, то да сё, ушел. Сестра, что тут расскажешь? Не маленькая, сама всё понимаешь, — молвил Арсай и подумал, что скоро станет самым настоящим лгуном и запутается, где правда, а где ложь.

Ахмая уже перепрыгнула на другую сторону, рассматривая мрачноватого братца и улыбаясь.

— Ты меня не обманешь. Я знала тебя раньше всех, еще до того, как мы родились. Так что не надо тут... не надо. Я вижу, что она с тобой сделала. Ты на себя не похож.

— Это как же ты видишь? — со сарказмом спросил он, но сам удивился ее пронизательности. «Ох, сестра, это какое чувство и понимание надо иметь, чтобы разоблачить такого обманщика, как я?».

— Вижу, и всё, — просто ответила она, считая это само собой разумеющимся.

Говорили они тихо: вокруг все спали. Ахмая подошла ко спящей матери и тихонько прилегла возле нее, чтобы не потревожить чужого сна; сон здесь — в почете, разбудить кого-то без веской причины есть большая грубость и невежество.

— Ахмаи...

— Да.

— Это... рассказ с грустным концом.

— Шшшш... не так громко.

Она лизнула его в щеку и дернула лапой за ухо, как всегда делала. Арсай очень любил свою сестру, просто потому, что она была самой лучшей на свете сестрой.

— Ты что, успел соскучиться по ней?

В ответ Арсай лишь молча кивнул несколько раз. Ахмая смотрела на него, ожидая продолжения.

— Кажется, что прошел год... Ахмаи, честно, я тебе потом всё расскажу.

— Ты это уже говорил, — обиделась сестра.

Потом они вместе обернулись.

— О, явился. Целыми днями где-то шатаешься, — раздался тихий голос в ночи.

Они вместе поглядели в сторону. Да, Арсай всё таки слишком громко говорил — мама услышала его. Зевнув, она встала и подошла к ним.

— Совсем о матери забыл.

— Мам, я...

— Да сиди, сиди. Слыхала уж о твоих похождениях.

— Ну...

— Серьезней надо быть, молодой лев. Такое вот всякое-превсякое не красит наш род, — Машани потрепала его по загривку, потом ошутимо толкнула его в плечо. Мама не особо баловала его нежностями, они полагались лишь для строго определенных случаев.

Ахмая попыталась что-то возразить, но тут же получила кое-что для себя:

— А ты тоже. Я внуков хочу, а то мне скучно.

Молодая львица прижала уши от смущения.

— Мам, я прекрасно знаю, что, как и когда.

Мать была невозмутима:

— Ага, если бы я всё знала, как ты, то кое-кого не было б на свете. Ну? И как Рагсар?

— Откуда я знаю, — обиженно молвила Ахмая.

— Вот, пожалуйста. А я думала...

— Мам, я же туда-сюда, сегодня в одном прайде, завтра в другом, а на третий день вообще сплю в кустах посреди саванны. Вот и он... ай, всё, хватит о нем.

«Мать в последнее время на нас давит», — подумал Арсай. Зевнув, он разлегся, и, не пожелав никому доброй ночи, расслабился. Мать и дочь продолжали что-то тихо спорить; Арсай не любил слушать все эти разговоры, потому что мама всегда говорила одно и то же. Арсаю хорошо, он сын, он может сидеть себе и молчать на всякие мамины слова, но Ахмая — дочь, ей придется отвечать и говорить, поддерживать разговор, а поскольку маму переспорить просто невозможно, как и в чем-то убедить, то он никогда не завидовал этой участи. Ахмая была весьма ранимой и чуткой, правда, очень хорошо это скрывала, но Арсай знал, что она иногда очень расстраивается от маминых слов; к тому же то, что она некогда стала посыльной, весьма сильно повлияло на нее — Ахмая обрела независимость и на всё имела свое мнение.

«Завтра новый день. Ну и отлично...». Всё, нужно отдохнуть, только вот никак не давали покоя эти мысли, которые обычно так и просятся, чтобы их всячески обдумали перед сном. Для сна нужен покой ума, спокойствие прошлого и ясность будущего, но ничего этого не наблюдалось. Арсай даже разозлился на мысли и решил их укротить, но это бесполезно, как нельзя укунить себя за ухо. «Надо смотреть вперед. Что я, в самом деле, придумал себе, возомнил... Ну, было. Ну, хорошо. Прекрасно». Будущее хочет оптимизма и хорошего настроения, а о прошлом лучше много не думать. Вот отбудет Арсай наказание — тут же отправится в Хартланд. А там будут новые впечатления и новые львицы.

Арсай думал всё это уверенно, словно неспешно, но верно ступал по твердой земле. Да и вот, говорят, что со севернячкой лучше не связываться; а если уж связался, так пусть это будет ненадолго, и забывать нужно легко... «Саргали, дурак, она тебе не севернячка», — поправился Арсай, вспомнил ее голос, ее речь, и как-то... мгновенно расстроился, затосковал за нею. Снова придется тщательно выстраивать все эти доводы, чтобы снова ступать по твердой земле... Но мыслей не осталось больше, ведь он их уже передумал, остался лишь сплин, для которого абсолютно всё равно, что она Саргали, абсолютно всё равно, что думают о ней другие, которые не могут внять, что вся эта чепуха до смешного мелочна и неважна; и всё вокруг тоже лишь серый сон, лишь только она, ее запах и дыхание на шее имеют значение, они лишь реальны, всё остальное — туман над водой в неясную ночь.

Ладно. Жизнь такова. «Интересно, что же сейчас делает Айлиша-маасси... Шамани... Айлиша... Проклятье! Ты думай о завтрашнем! Спи, ты этого хотел...». Он вздохнул; а теперь — спать, спать... Ночь нежна, она освободит.

**

— Выспался, значит?

— Доброе утро льву. Да.

Арсай повел ушами, когда Мавату отвернулся на мгновение. Это «Выспался?» звучало, как насмешка. Взяли, с самого утра разбудили... Вчера было много борьбы, поединков, и Арсай уж собирался поспать до полудня.

— Так... Значит, пошли со мной, попьем, — предложил Мавату.

Молодой лев кивнул.

Мавату — отец дренгира Нгайллара. Он весьма рано передал сыну правление, но, видимо, страшно скучал за теми временами, когда сам был дренгиром, потому никогда не упускал возможности что-то посоветовать Нгайллару, вмешаться в дела прайда, что-то где-то решить и тому подобное. В прайде его уважали, потому никогда не противились его суете, тем более, что Мавату был тактичен и осторожен, не желая ронять авторитет сына. Кроме того, он имел одну забавную особенность: постоянно говорил «значит», к месту и не к месту; а любимое выражение «Значит так!» могло отражать целую кучу эмоций.

Не зная, о чем будет разговор, Арсай молчал и лишь разглядывал сегодняшнюю погоду. Дул порывистый западный ветер, облака еще не темные, но угрожали таковыми стать, тем более, что они закрыли собой всё небо; потому настроение у Арсея стало неважным — оно у него весьма зависело от положения в природе. Кроме того, он напряженно прислушивался к почтенному бывшему дренгиру, ожидая речи; он боялся, что это как-то связано с обходом и Айлишей или, более того, Мавату узнал некие подробности, потому весь напрягся и каждый шаг вперед давался с трудом.

— Ты, значит, в Хартланд собирался, правильно?

— Точно так.

— Отлично. Значит, пока погода совсем не испортилась, — Мавату и себе глянул на небо, — выступи сейчас же. Сейчас погодка для путешествий просто чудо.

«Так, чего это он... это зачем?», — удивился Арсай.

— Не могу, ярл назначил мне наказание, я должен оставаться. Мне еще один день остался...

— Значит, забудь о нем. Я позабочусь об этом.

Ему ничего не оставалось, кроме как сдержанно кивнуть в знак благодарности; но этим же самым он выражал свое непонимание и удивление.

— Да ладно тебе. Это, значит, он наказал тебя так, для виду. Это со всеми было, есть и будет, это нормально; так что... — Мавату подмигнул и рассмеялся. Арсай вежливо улыбнулся в ответ. — Нечего с ними церемониться, с львицами-то, — снова рассмеялся Мавату. — Так их! Вот значит как!

— Да, — молвил Арсай, чтобы поддержать разговор.

— Ладно. Значит, перейдем к делу. Арсай, мне вот что нужно... Нужно, чтобы ты, будучи в Хартланде, собрал как можно больше новостей, слухов, сплетен. Не смотри на меня так! Ничего сложного. Значит, узнай, что творится в прайде Юнити, я слышал, у их границ что-то происходит. Сестра твоя также упоминала о каких-то происшествиях в Иллари... Я бы твою сестру послал, но все знают, что она посыльная, многого ей не расскажут. А у тебя время будет; значит, поброди по Хартланду, хорошо осмотришься, ну и... приводи кого с собой, если хочешь, встретим хорошо! — смеялся Мавату. — В Хартланде много львиц хорошего рода, они будут достойны тебя, у тебя отец был... во! Значит, не стесняйся их красть, пусть упираются, а ты забирай сразу с собой, тогда никуда не денется...

— Угу, — кивнул Арсай.

— Вот, значит так...

— Я буду нести какое-то сообщение?

— Нет, нет, — энергично закивал Мавату. — Ты, значит, просто регноранец, который пришел себе в Хартланд погулять. Кстати, если будет время и желание, вдруг в Хартланде тебе никто не понравится, тогда иди в Иллари, или к веларийцам... В общем, куда хочешь! Даю тебе разрешение.

— Нужно предупредить дренгира...

— Я всё скажу ему сам. Ты, значит, иди, — благосклонно сказал Мавату, показывая ему, мол, ступай себе без тревоги.

— Что, можно прямо сейчас?

— Нужно прямо сейчас. Зачем тянуть за хвост?

— Хорошо.

«Старику новостей захотелось», — подумалось Арсаю. Но, впрочем, это не странно. Регноран дальше всего от Хартланда, потому вести до него доходят хуже и позже, чем к другим прайдам. Ближе всего прайд Делванни, на юге, на огромной равнине, но у них никогда ничего не происходит, это самый блеклый и, можно сказать, слабый духом прайд Союза. Делваннийцев не особо любят и уважают, львицы не хотят идти с делваннийцем в его прайд, а иногда, если желают кого-то обидеть, то могут обозвать «Прям дурак из Делванни». Получается, что обозвать кого делваннийцем — вполне себе ругательство. В старые, суровые времена стычек и войн на делваннийцев старались не надеяться, и, по правде говоря, они подкрепляли недоверие своими поступками.

Он попил, набрался бодрости, которая обычно бывает перед дальней дорогой, и попрощавшись наспех с мамой и сестрой, которые очень удивились его быст-

рому уходу, отправился в путь. С остальными решил не прощаться: это заняло бы уйму времени, да и почему-то не хотелось. Ему другого хотелось: пойти в это одинокое путешествие, чтобы остаться наедине с собой, обдумать дальнейшую жизнь, придумать для нее смысл; у него было стойкое ощущение, что всё это — неспроста, что это путешествие будет особенным, словно он отправляется не просто в Хартланд, но идет навстречу новой судьбе.

Ведь вчера ночью решил для себя: нужно смотреть в будущее. Думать о предстоящем. Не особо вспоминать о... прошлом. Нет, не забыть о нем, нет. Просто иметь его в виду, и всё. Воспоминания, они и есть воспоминания, а тут его ждет реальная жизнь со своими заботами. «Ты уже взрослый, Арсай. Хватит жить всяким... грезами и всем таким... Надо смотреть на вещи реально», — всячески подбадривал себя. Он и сам не до конца понимал, что за грезы и зачем так упорно пытаться смотреть на вещи реально. Скорее даже не так. Он-то понимал, но глубинную причину этих грез и меланхолии старался гнать, забыть о ней.

«Зебра к зебре, слон ко слону», — вспомнилась поговорка. Определенно, неспроста она пришла кому-то в голову, не так ли?

«Забыть. Забыть. Вперед. Вперед».

Арсай вышел на западный склон, с которого отлично видно всё вокруг: и сам прайд, и охотничьи угодья на юге, и Гремящие скалы, всё-всё. Он сидел долго, много дольше обычного, рассматривая родные земли так, будто впервые их видел. Потом чуткое ухо уловило шорох сзади, Арсай обернулся и увидел Замири, которая пыталась к нему подкрасться.

Она с досадой фыркнула и встала в полный рост.

— Везунчик.

— Да я тебя слышал еще за сто прыжков.

— Ах да, Арсай страшно хочет доказать, что я плохая охотница, — насмешливо молвила она, сделав к нему несколько маленьких шажков.

Они в последние дни не общались, лишь «Привет!» и «Пока!». Арсай раньше думал, что Замири на него страшно обиделась из-за понятно чего; но нет, никаких разговоров и обвинений не было, более того, он начал замечать, что Замири всячески старается обратить на себя внимание, но, как только он обращал, та прикидывалась обычно-равнодушной. Арсай начинал понимать, что Замири ничего не оттолкнуло, напротив, в ней разыгралась ревность; воистину, душа львиц соткана из сплошных противоречий.

Он в эти дни не интересовался ею и игнорировал попытки привлечь внимание; но, казалось, чем хуже и равнодушнее с ней обходится, тем больше нравится.

— Арсай не хочет этого доказать. Я пошутил. Ты не плохая охотница, я знаю.

— Тогда чего же хочет Арсай?

Он улыбнулся, посмотрев в сторону и увильнув от интересного вопроса.

— Я иду в Хартланд.

— Зачем? — со странным укором спросила Замири, будто он собирался сделать нечто плохое и запрещенное.

— Мавату попросил. Кроме того, мне уже и задуматься пора. Подумать о новой жизни... присмотреться... — Арсай решил ее немного поддеть, хотя, на самом деле, плохих чувств к Замири не питал; просто она перестала его интересовать, хотя он пытался найти в ней что-нибудь для себя. Нет, она не плоха, но просто не подходит. Требовалось время, чтобы понять это.

— Ах, вот как. Ну, удачи, — Замири искусно умела говорить слова так, что они приобретали прямо противоположный смысл в сознании собеседника.

Арсай отнюдь не озлился, как это могло случиться с ним раньше, а еле сдержал смех. Потом подумал, что такое выглядит как грубость и насмешка, и решил отдать должное хорошей львице Замири, которая, в целом, была к нему добра, несмотря ни на что. Ведь он даже некоторое время думал, что любит ее; а от прошлых слов и поступков негоже отказываться, быть жестоким с теми, кого любил.

— Замири, слушай... — молвил Арсай так, что она сразу посерьезнела и наострила уши. Внимая ему, Замири спросила:

— Да?

— Закрой глаза.

Она слегка улыбнулась, взмахнув хвостом. Что ж, пусть будет так. Просьба странная, но она это сделает. Всякое ведь случиться может.

Арсай подошел, без страха, боязни и лишних слов лизнул ее в щеку, причем так, как обычно друзей не целуют; потом отстранился и глянул на нее — она так и застыла, с закрытыми глазами, слегка подняв голову повыше, ожидая, что будет дальше.

— Спасибо тебе за всё.

Потом спокойно и с чистым духом пошел по западной тропке, в Хартланд. Арсай прислушивался, что будет сзади, но ничего не происходило; было любопытно, хотелось обернуться, но он знал, что делать этого не стоит. А потом он скрылся в густой и высокой люцерне. Сил было много, потому побежал трусцой, чтобы не тратить время попусту. Погода была действительно чудной для любого путешествия, как и говорил Мавату. Солнце не жарит, в полдень укрываться в тени не придется.

Времени было много, он успел многое передумать. Возникла идея расспросить о северняках в Хартланде, кто что о них знает; как ни странно, но Арсай, сын прайда Регноран, который ближе всего к ним, знал о них очень мало. Родился в спокойное время... В своем прайде Арсай опасался спрашивать, потому как такое могло выглядеть подозрительным.

Но потом спохватился, решил ничего не спрашивать. Зачем ему что-то знать о них, зачем же ему? Ведь всё, прошлое — в прошлом. Не так ли?

— Да! — ответил громко сам себе Арсай, прорычал. — В прошлом!

«Это не нужно. Меньше знаешь — крепче спишь. Да и мучить самого себя не надо. Айлишу нужно... забыть. Ведь это не шутки, в самом деле...».

И снова этот приступ меланхолии, приступ грусти; как только он вспоминал ее имя, так сразу накрывало волной.

Волна отошла, когда под лапу подвернулась неожиданная добыча — еще совсем маленький детеныш антилопы, которого поймали гиены. Не воспользоваться шансом было невозможно, а потому Арсай без лишних церемоний отогнал гиен от их добычи; они скалились, угрожали на своем шипяще-тявкающем языке, видимо, сулили всяческие проклятия и кары. Самая смелая из них попыталась укусить Арсая во время трапезы, сородичи тоже хотели последовать ее примеру. Арсай разозлился, и, улучив момент, хорошо треснул ее по голове, выпустив всю когти. Удар сильного, большого, молодого льва, который постоянно упражнялся в драке со себе подобными, был плох для нее. Она откатилась очень далеко, попыталась встать, но тут же слегла. Арсай немного понаблюдал за тем, как другие гиены опасливо собирались вокруг нее, заодно внимательно следя за ним, а потом вернулся к еде, не забыв развернуться так, чтобы видеть их всех.

Гиены имели привычку не особо заботиться об умирающих; посидев немного вокруг нее, они ушли, больше не интересуясь ни Арсаем, ни ею. «Это, наверное, у них считается чем-то запрещенным или вроде того», — подумал он, подходя к ги-

ене, которая трудно дышала, лежа на боку. Она заметила льва, попробовала зарычать, но потом быстро притихла. Не шевелилась она и тогда, когда он вплотную подошел к ней, осматривая раны. Да, она — не жилец, Арсай располосовал ее слишком сильно. Хотел прикончить, но передумал: она огрызнулась из последних сил. Попасть под сильные челюсти в планы не входило, потому Арсай, не трогая ее, ушел.

Всё это отвлекло, далее он пошел, больше ничем не терзаясь. Начал вспоминать охотничьи песенки и стишки, коих есть великое множество; их любят бубнить себе под нос львицы, иногда их поют вместе, но только серьезные, ибо шуточные не принято распевать громко.

Сизэ-охотница, там-там,
Решила съесть слона
«Что ж», — подумала она,
«Вполне он по зубам».

И вот спешит она, там-там,
Летит сквозь куст и грязь
Ничего на свете не боясь
Бежит она к слонам.

Но вот она бежит, там-там,
И вдруг падёт навзничь,
Слоны бегут, она рычит,
«Да что ж такое там!».

Сизэ встает, Сизэ глядит,
А там лежит Сигас, —
опять!
«Зачем пришел, зачем тут спать?»
Но он лежит, молчит...

В детстве ему очень нравился этот незатейливый стишок: он живо представлял себе летящую Сизэ, а Сизэ эта ему очень нравилась, он представлял ее себе очень красивой, и имя это было приятным для него; Арсай даже сказал маме, что у него тоже будет Сизэ, когда вырастет грива, и он будет ее любить сильно-сильно, никогда не обижать, а мать ответила, что непременно будет, пусть даже все вокруг будут звать ее по-другому, но он будет называть ее «моя Сизэ», причем так, чтоб никто не слышал и не догадался, а ей так будет нравиться... Это Арсай хорошо запомнил. В этом стишке вся история заканчивалась тем, что Сигас и Сизэ вместо охоты на слонов пошли гулять; Арсай хорошо не помнил конца, но начало знал наизусть.

Но охотничьи песни и стихи не называются так потому, что касаются лишь охоты, нет. Просто на самом деле их львицы обычно поют перед охотой. Но также их рассказывают во время досуга, и вообще когда душе угодно.

Сизэ была красивой, смелой
И, несомненно, лев Сигас
Любил ее, но безответно
Любил огонь прекрасных глаз.

На камень серый сев небрежно
Она ловила солнца луч
И легкий трепет лапы нежной
Пленил его вовсю. «Не мучь!».

«Не мучь меня, шальная, ну же
Подскажи мне, как забыть,
Тебя, себя, и это чувство,
Ведь мне не жить, ведь так не жить!».

Ее ответ был краток, нежен:
«Ты покори меня, Сигас,
Тогда возьмешь меня, но прежде,
Я дам огонь красивых глаз».

«Осмелся, ну же, действуй быстро
Бери жизнь в лапы и рискуй
Ты лев, ты лев, а я ведь львица
Не думай, нет, ты действуй... Уй!»

Сигас вскочил на камень лихо...

А вот этот часто читался тремя: рассказчиком, львицей, которая была Сизэ, и львом, который становился Сигасом. Стих был длинный, ведь сначала Сизэ долго сопротивлялась, но заканчивался весьма интимно, потому редко кто осмеливался дойти до самого что ни на есть конца. Старые львицы шутили, что он — один из лучших способов с кем-то сблизиться. Часто его начинали, чтобы кого-то познакомиться или помирить (при этом отказываться от роли крайне невежливо, а если кто не помнит слов — так это вообще большой позор).

Вообще же, о Сизэ и Сигасе, которые были неизменными героями и попадали в самые разные ситуации, было много песен и стихов; Арсай помнил лишь некоторые, это дело львиц — помнить их целую кучу наизусть.

Странное дело: уже вечерело, а усталости почти не было. Арсай от скуки начал четко, с выдохом, ритмично чеканить «клич строя», как его называли в Союзе. «Аях! Ута! Аях! Ута!». «Аях!» обозначал шаг левой, «Ута!» — правой лапой. Под мерные окрики ярла он отходил не один и не два таких шага вместе с яскарлом. Такое хождение не имело смысла в любом бою, но давало чувство уверенности, общности, а потому в нем ни один хороший ярл не пренебрегал поупражняться. Сплоченности в Союзе придавали очень много значения, боевые традиции предков никто не забывал, хотя Союзу уже много лет ничего не угрожало.

Он задумался о том, какой жизнь была в старые времена, когда жил его дед, прадед... Подумал о том, что не видел никогда самого настоящего боя, а тем более не участвовал в нем. Старые львы говорили, что перед боем — страшно, во время — жестоко и яростно, после — и легко, и грустно.

— Аях! Ута! — еще раз обозначил он уверенные шаги, потом пробормотал: — Такие дела...

— Кто это там шумит?

От неожиданности Арсай отпрыгнул в сторону: уж очень быстро из зарослей акации и строфанта появилась голова молодой львицы; отпрыгнул слишком сильно

и уткнулся в небольшое деревцо хум, в его ветви с огромными листьями. Росло оно лишь во влажной почве — значит, рядом вода.

Его испуг позабавил львицу. Она вылезла из чащобы.

— Арсай, из Регноран, — представился он.

— Да вижу, вижу, что свой, — смеялась она. — Пугливый же! Грррр!

Она в шутку зарычала на него, как бы стараясь еще напугать.

— Не надо меня снова пугать. А то от страха наброшусь.

— Ой, ну и что мне тогда сделаешь?

Арсай не нашелся сразу с ответом, что вызвало у нее еще прилив безудержного веселья.

— Тебя как зовут?

— Майнисси, к твоим услугам, — преувеличенно вежливо ответила та.

Эта молодая львица была определенно хороша, даже очень. Арсай подумал, что его поход в Хартланд начинается вполне себе неплохо.

— Майнисси, что же ты тут делаешь?

— Иду вместе с тобой, — как будто крайне серьезно ответила та и тут же прыснула.

— Хорошо. А что ты прежде тут делала?

— Пугала тебя, — смешливо ответила она, наострив ушки.

— Ну я серьезно!

— Какой же ты серьезный, не могу, не могу, просто не могу на это смотреть!

Арсай решил помолчать, чтобы рассмотреть ее получше.

— Да мы здесь на длинной охоте. Нас шестеро.

Он разочарованно вздохнул, да так, что Майнисси это заметила.

— Чего это ты?

— Да так... Вспомнил кое-что.

Если она на длинной охоте, то с огромной вероятностью не сама, а вместе с парой. В далекие охотничьи угодья молодых львов и львиц отправляют только парами — такова традиция. Конечно, можно попытаться... Снова незаметно пригляделся... Да, эта Майнисси очень хороша собой.

— А далеко еще до Хартланда?

— Полдня. Только ты не вздумай идти сейчас. Отдохни с нами, завтра на рассвете пойдешь.

— С удовольствием, — сразу согласился Арсай.

Вскоре они пришли, продравшись сквозь кустарники, к небольшой роше, сплошь состоящей из влаголюбивой кигелии и кустов хирайи. Тут же рядом было большое озеро, весьма мутное в это время года. Арсай поздоровался с друзьями Майнисси; все они, конечно, из Хартланда. Потом, вдоволь напившись, присоединился к их занятию — приятному ничегонеделанию.

Компания оказалась вполне интересной, скучно точно не было. Кроме Майнисси, было еще две львицы: одна еще небольшая, подросток, но старалась держаться важно и по-взрослому; вторая же одно большое и сплошное благодушие: постоянно улыбалась, отвечала очень мягко и с добротой; вообще, Арсай впервые в жизни видел такую приятную во всех отношениях и тепло настроенную к другим особу.

Первый лев неказист и не особо заметен; всё в нем в меру, в разговоры встречается редко, аккуратно и по делу. Второй — мрачный здоровяк с очень светлой гривой, с которым Арсаю сразу захотелось побороться из интереса, но, к сожалению, это не время и не место. Третий — явный лидер всей компании, среднего роста, с нахальными глазами и таким же языком; он постоянно что-то рассказывал,

кого-то что-то расспрашивал, иногда приставал ко всяким мелочам и хватался за слова. Старался поддеть и Арсая, доставая расспросами о том, зачем и почему тот идет в Хартланд. Но Арсай — тертый боец, а потому, устав ему отвечать, просто неотрывно смотрел на него, развалившись у дерева, вяло пошевеливая хвостом.

— Чего смотришь? Я тебя спросил!

Арсай молчал и смотрел на него крайне насмешливо, как на некое забавное безобразие. Разговор идет в правильное русло: скоро слова у того закончатся, тот скажет что-то обидное для Арсая, а после этого будет иметь значение только смелость, умение и вес противников. И первого, и второго, и третьего у Арсая в достатке, потому он предвкушал хорошую драку, упустить которую — просто глупость.

— Смотрите на него — сидит, молчит, — показал этот нахал на Арсая, смотря на всех подряд, ища поддержки у друзей.

Арсай покачал головой с усмешкой, очень похожей на оскал.

— Чё молчишь, я же тебя спросил, а?

Здоровяк никак не вмешивался во всё это, равно как и неказистый скромняга. Видимо, первому было интересно, второй жил по принципу «только бы меня не трогали».

Арсай с тихим рыком встал. Ладно, пора.

Но львицы поняли, что самцы сейчас начнут всю выяснять отношения; двое мгновенно бросились на Арсая, одна на нахала. Самое грустное для Арсая, что на нахала бросилась Майнисси — она оказалась его парой. Потому интерес к ней угас.

Для вида перекинувшись парой обидных слов, они успокоились. Арсай не хотел портить себе настроение, ну а тот, скорее всего, весьма струсил, ведь Арсай больше, да и решимости и действия в нем хватит на трех львов.

После этого нахал с Майнисси куда-то удалились, а самая юная львица завела с Арсаем легкий разговор; спустя некоторое время до его головы дошло, что она с ним болтает не просто так, нет — она всячески старается понравиться. Ей, видимо, очень хотелось знать, что это — любовь, лев, томная ночь... Потому очень старалась, ибо это было впервые в жизни — не познала она еще всего этого. Арсай даже на мгновение дрогнул, подумал, что будь Эннаэль чуть старше, то... хм... Чтобы не особо расстраивать ее своим завтрашним уходом, он соврал, мягко намекнув, что у него будто уже есть львица. Но, как ни странно, от этого ее интерес лишь возрос. Потому пришлось с ней разговаривать до глубокой ночи; потом Эннаэль сама предложила пойти «попить». Определенно, она оказалась не робкого десятка. Арсай прикинулся полным дураком и сказал, что пить не хочет, но только спать; пожелав Эннаэль спокойной ночи, уснул.

Встал он необыкновенно рано, вместе с рассветом. Все еще спали. Немного подумав, Арсай решил отправляться немедленно. Будить всех ради своего ухода, конечно, не стоило. Снова немного подумав, он подошел к мирно спящей Эннаэль, мягко дотронулся к ее плечу; она томно проснулась. Лизнув ее в щеку, попросил передать остальным, что ушел в Хартланд; она восприняла его дружеский жест как нечто много большее, потому ничего не говорила и лишь смотрела на него, ожидая, что будет дальше.

— Пока, Эннаэли.

— Пока, — с нескрываемым сожалением молвила она, наблюдая, как Арсай уходит. Он же подумал, что ей еще нужно научиться хорошо сопротивляться, не отдавать себя всю сразу, и главное, умело ловить момент, когда именно сдать. «Мда, самое интересное, что сначала нужно привлечь, а потом сопротивляться. Ну надо же, как неожиданна жизнь...», — выдумывал он нехитрые истины. Потом за-

метил, что начинает развеиваться, меланхолии и тоски вроде нет... Айлиша?.. Нет, это было давно, может, даже в иной жизни, не этой, ведь тут всё проще... Зачем дуть против ветра?..

Вот так, размышляя, Арсай очень быстро добрался к главному прайду Союза, к Хартланду. Заметившие его львы и львицы со слабым любопытством лишь мгновение провожали его взглядом. Арсай расспросил, как попасть на скалу конунга (прайд Хартланд большой, раскинулся на местности — здесь любят жить не в тесноте, но в свободе), потому что подзабыл к ней путь, а скал здесь много. Конечно, ему нужен не сам конунг, а кто-то, кому можно сообщить о своем приходе. Возле скалы конунга встретил львов; они направили Арсая к некоему Дарзарию, который со скучающим видом выслушал, что «Арсай из Регноран прибыл», и зачем-то сказал Арсаю «не забывать о том, что он в Хартланде, и вести себя хорошо», чем неслабо озлил молодого льва.

Немного осмотревшись, глянув на местность с высокой скалы, которую ему посоветовал один местный (было очень красиво), Арсай отправился к тетке. Ему повезло: она не ушла по делам и находилась в прайде.

— Тетя Энтари!

— Арсай!

Она бросила кости, которые не знать для чего тащила во рту, и обняла племянника.

— Как ты вырос!.. Уй, пошли, пошли со мной.

— Львица забыла эти кости...

— Пусть валяются, кто их возьмет, пошли!

Он последовал за ней. Энтари, старшая сестра матери, львица уже в годах, небрежно влачила большие лапы. Все львы и львицы их рода имеют широкие и солидные лапы; такие же имел Арсай.

— А где братья?

У Арсая трое двоюродных братьев.

— Все ушли. Ушли к веларийцам, — недовольно молвила она, хмыкнув.

— Зачем?

— Конунг отправил их яскарл на помощь Велари. Они пошли на южные земли, на земли Сатарины. Там шакал знает что творится, — еще недовольнее сказала Энтари.

Арсай, помня о просьбе Мавату, полюбопытствовал:

— А что там случилось?

— Уй, рассказывали. Там какая-то шайка чужих вовсю бегала, возле Велари. Даже убила льва прайда Юнити со всей семьей, который шел к нам, в Хартланд. Веларийцы вместе с юнианцами пошли разбираться к Сатарине — он ведь отвечает за то, чтобы никто не беспокоил нас с юга. Не знаю, что там было, но там погибла львица Юнити, и прайд Сатарины разбежался. Слышала, что веларийцы... доброй охоты, Салаль... — кивнула она пятерым охотницам, проурчала после «зараза такая...» и продолжила: — Слышала, что веларийцы пришли назад к себе темнее тучи, а юнианцы очень тосковали по своей львице. Тут же сообщили конунгу, он приказал разобраться, дал целый яскарл на подмогу Велари. Вот и всё.

Энтари рассказывала живо, и это резко отличалось от ее внешнего облика: она смотрела в одну точку перед собой, походка была усталой, и глаза тоже, словно Энтари измучилась жить.

— Ого. А что еще?

— Ты что имеешь в виду? — Энтари подарила ему взгляд.

— Ну, новости какие?

— Аааа... Слыхал, что в Иллари? — спросила она так, что Арсай понял, что он должен об этом знать, никак иначе.

Он осторожно молвил:

— Нет.

— Это как нет? — изумилась Энтари, оживла.

— К нам в Регноран новости не доходят. Ахмая что-то там вроде рассказывала...

— Уй... Как так, это ж такое!.. Значит, там зашла в прайд совсем чужая львица, вне Союза. Она оказалась шамани. Тут беды и настигли Иллари. Через несколько дней... одну львицу изгнали. Потом... потом шамани Иллари отравила другую львицу, но сделала всё так, будто отравила та, чужая... Ой, там сложно. Я всего не знаю. Это Ахмая знает всё в точности, как было.

— Ахмая? Ахмаю я как раз расспрашивал! Не знает она толком ничего.

Она заурчала, нетерпеливо кивнула головой.

— Да не твоя Ахмая. Не твоя сестра. У нас своя Ахмая есть, она тоже посылная.

— А, да.

— И вот тебе: одна львица Иллари изгнана, вторая погибла из-за отравы, третья, шамани-ученица, лишила себя жизни, ну а четвертая, главная шамани Иллари, убежала от расправы. В итоге эту, чужую, принял лично конунг в прайд. Теперь она — шамани Иллари.

— Ничего себе! Но как так?! — Арсай смотрел на тетушку большими глазами. Это были действительно необычные новости.

— Ахмаю спроси! Я не вникала.

— А где ее найти?

— Не знаю... Поспрашивай.

Арсай решил не тянуть время.

— Эй, ты куда?

— Пойду ее найду!

— Да стой, стервец! Хоть бы со мной о матери поговорил!

— Обязательно, я потом, потом приду! — прокричал уже на бегу Арсай, притом чуть не сбив львицу с маленькими львятами возле нее. — Извинения львице...

Эту Ахмаю, посылную Хартланда, долго не удавалось найти. Потом выяснилось, что она в пещере конунга, уже долго; Арсаю туда нельзя, потому он пошел гулять по прайду. Познакомился с парочкой молодых львиц, с которыми, впрочем, разговор не завязался, поскольку особо не о чем было говорить. Но они пригласили его на Восточные скалы, где вечером у подножия встречается молодежь. Там заодно и можно посоревноваться в борьбе. Арсай сказал, что непременно будет; если не познакомится с кем-то, так получит пару раз, поскольку «в голове правды нет», как любил шутить он перед боем. В Хартланде есть странная для регноранца, но приятная особенность: здешним львицам вполне разрешается смотреть на соревнования. В прайде Регноран (а еще во Велари) это не приветствуется, львицам, особенно молодым, смотреть нельзя; за этим даже специально следят. Арсай не раз думал, что этот запрет довольно глуп, и вот, наконец, можно будет показать себя во всей красе, да и стимула и куража будет много больше.

Потом, неожиданно для себя, смог поймать Ахмаю. Она спешно спускалась со скалы конунга, и какая-то добрая душа показала, что это и есть та самая Ахмая, которую он ищет. Обратившись с просьбой рассказать о происходящем в прайде Иллари, получил вежливый отказ. Но когда Арсай упомянул, что никто в его прайде ничего об этом не знает, а еще он — брат посылной Регноран (которая тоже зовёт-

ся Ахмая, и которую эта львица отлично знала), то она, мгновение подумав, пригласила Арсая за собой в пещеру. Улегшись у самого входа и опершись на стенку, она в подробности и со знанием рассказала Арсаю всю историю. Иногда Ахмая делала небольшие заминки в повествовании и прикрывала глаза: ее обнимала усталость.

— Вижу, ты измучилась.

— Да. Есть немного...

— И что же, эта Юласси — теперь шамани иллариийцев?

— Именно так.

— Сам конунг пошел принимать ее... Надо же. Ты не находишь это... странным.

— Он очень уважает ее. Эта Юласси — действительно необычная львица, поверь на слово. Я общалась с ней. Я всякое видала, я ведь посыльная. Заметь, что тогда принимать ее пошел не только сам Кигали, но и старая шамани веларийцев Анлиль.

«Ничего себе», — подумал Арсай.

— А в чем ее необычность? — поджал он под себя лапы.

— Ну ты что, не слышал, как она разоблачила ту львицу, которая сбросила Ланшану со скалы?

— Да, слышал, слышал, — поспешил уверить ее Арсай в том, что слушал рассказ внимательно.

— Этого тебе мало? — насмешливо спросила Ахмая, потянувшись.

— Нет, я просто так, спросил...

Ахмая вздохнула, поиграла с пылью на земле.

— Когда с нею общаешься, на нее глядишь.... Точнее, хех, она на тебя... Очень странное ощущение. Сразу впечатление, что... видишь такую шамани, какими они и должны быть. Вот так я бы сказала. Мне вообще-то это знакомо. Я, когда-то давно, немного беседовала с шамани Юнити, Шелли; так вот, было то же самое... Это так, ко слову. Да ты увидишь сам, что говорить.

— Как знать, — вздохнул Арсай. Определенно, Регноран обходят всякие интересные новости и события. — Может, увижу. Может, и нет. В Иллари вроде не собираюсь.

Ахмая тронула его лапой.

— Ты же никуда не уходишь сегодня вечером?

— Нет.

— А она сегодня вечером будет тут, — торжественно объявила она.

— Кто? Юласси? Точно? — недоверчиво спросил он.

Она развеяла недоверие:

— Точно тебе говорю. Ее пригласил конунг.

«Какое... Какое странное совпадение...». Арсай мгновение сидел неподвижно, смотря на трещинку в каменной стенке пещеры.

— А зачем он ее пригласил?

Ахмая оглянулась по сторонам, потом приблизилась к нему; предчувствуя некую тайну, Арсай сделал то же:

— Ходит слух... — шепотом начала она. — Не, не так. Почти точно известно, что... Кигали начал искать новых шамани в прайды Союза. Дескать, некоторые из них — ненастоящие. Он страшно озабочен этим. Потому, я думаю, он лично принял Юласси, и для этого с ним даже старая Анлиль ходила, шамани веларийцев... А особо раздражает конунга то, что у нас, в Хартланде, нету шамани.

— Это как нет? — поинтересовался Арсай. — Были ведь.

— Те, что есть — ненастоящие. А конунг ищет настоящих. Мне это расска...
Ладно, я не могу тебе всего сказать. Только тссс. Никому ни слова.

Арсай закусил правую лапу: буду молчать!

— Слушай, а с ней можно будет немножко поговорить? — с надеждой спросил он. Его не особо интересовали все эти дела. Его интересовала Юласси.

— Тебе зачем? — многозначительно улыбнулась Ахмая.

— Ты ж говорила, что она пришла с Морлая.

— Да. Она видела очень много... Я с ней гов...

Но он перебил ее:

— Мне просто нужно кое-что спросить. Как думаешь, можно будет?

Ахмая со сомнением покачала головой.

— Вряд ли... Ее пригласил лично конунг. Лично сам Кигали. Она устанет после дальней дороги, а завтра, думаю, у нее целый день занят, завтра же и уйдет... Вроде она собиралась потом то ли к веларийцам пойти, то ли в Юнити. Не знаю, как-то так...

— Жаль... — действительно со сожалением произнес Арсай, вздохнув и понурившись.

— А ты что хотел спросить?

— Да так... Такое. Пустяк.

Ему почему-то сразу взбрела в голову идея расспросить ее о северняках, когда он услышал, что Юласси пришла из Морлая. Она ведь была свободной львицей, наверное, много о них знает... «Так, что это я? Зачем тебе знать о северняках? Выкинь этот бред из головы! Вбил себе в голову...».

Но досада была реальной.

Они еще немного пообщались. Посмеялись и удивились совпадению, что у Арсая сестра тоже зовется Ахмая, и она тоже посыльная. Потом она быстро уснула, Арсай остался возле нее. Недалеко была скала конунга, и он не хотел пропустить приход Юласси: неплохо бы на нее взглянуть.

«Вот целая куча новостей для Мавату...», — довольно подумал Арсай. — «Жаль, не смогу спросить эту странную львицу из Морлая... Так! Не о чем жалеть! Не о чем жалеть... Тебе зачем? Правильно, незачем. Жил до этого, горя себе не знал, так зачем беречь душу, утомлять лихмаай... Лихмаай? Так, Арсай, если забывать, так забывать полностью, и это слово тоже. Решено».

Мысли всё больше путались и удивительно переплетались, как оно обычно бывает в дреме. Пели птицы, в полутемной пещере гулял ветер, убаюкивая, кто-то прошел рядом, но тихие и мягкие звуки шагов не разбудили, напротив, были приятны для уха и сна...

— Арсай, вставай, — услышал он негромкий голос Ахмаи.

Он быстро открыл глаза, притворившись, будто совсем не спал; так иногда бывает: притворяешься, словно прикрыл глаза лишь на мгновение, а на самом деле уже сладко уснул, и дико хочется спать.

— Я не спал. Что случилось?

— Вон, смотри. Юласси пришла.

Он глянул. В прыжках тридцати, посреди вытоптанной полянки, сидела львица и разговаривала с какими-то львами.

— Пошли. Чего сидишь? Идем.

Оказалось, что не только им стало интересно. На эту Юласси уставилось много любопытных глаз. Арсай шел за Ахмаей, ведь он чужой здесь, никакого дела к Юласси не имеет, потому следовало вести себя сдержанно.

— Привет, Юласси!

— О, привет для Ахмаи! — та рада ее видеть.

Мимо уха Арсая не прошло незамеченным это странное приветствие; чем-то ее манера говорить напомнила таковую у Айлиши. Он подумал, следует ли ему представиться, и решил, что не надо. Тем более, что вот она уже уходит на скалу конунга; да и шакал с ним, ведь как бы там ни было, не удастся расспросить о северняках, а тем более, об их шамани, хотя так интересно узнать, каковы они...

Арсай провожал ее жадным взглядом. Она проходит мимо него, всего в двух прыжках, хорошо видно три полоски сока хирайи на шее. Она улыбается Ахмае, что-то ей говорит, потом собирается смотреть вперед, прямо, на свой путь, но тут, совсем на мгновение, Юласси переводит взгляд на Арсая; теперь он понимает, что имела в виду Ахмая, когда говорила о некоем чувстве. Арсай всё понял, но ничего не мог выразить словами, разве сказать одно: он действительно видит шамани. Она враз посерьезнела, замедлила шаг, потом остановилась.

— Лев хочет меня спросить?

Арсай молчал, растерявшись; он даже не сразу понял, что Юласси обращается к нему.

— Извини, что? — обратился к Юласси лев, который ее сопровождал. Но она даже не удостоила его взглядом.

— Этот лев имеет ко мне вопрос, — утвердительно сказала Юласси, слегка кивнув, мол, говори же, Арсай.

— Я? А... Нет. То есть, да. Но это очень долго... займет время...

— Эй, ты, хватит приставать к госте, — очень грубо обратился к Арсаю сопровождающий лев, причем настолько неуважительно, что он в другой ситуации дважды не думал, что делать.

Юласси подняла лапу, покачав головой и закрыв глаза, словно умоляя того заткнуться.

— Пошли. Скажешь мне, что должен.

Она первой пошла в сторону. У Арсая не было выбора — он пошел за ней, чувствуя страшную неловкость; в то же время удивился тому, как тонко и быстро Юласси угадала его желание.

— Юласси, нас ждет конунг, — виноватым тоном заметил тот самый лев.

— Я сейчас, — бросила она, осматриваясь вокруг. Недалеко рос баобаб, и вокруг него никого не было.

Они пришли к нему.

— Как тебя зовут?

— Арсай.

— Меня — Юласси, — она приложила лапу к груди.

— Я знаю.

— Что ты хотел меня спросить?

— Я... Я подумал... Хотел спросить, не знает ли львица что-то о северняках.

— Хм... Я встречалась с ними, мне рассказывали о них. Что тебя интересует?

— А... Хотел спросить. Шамани. Шамани северняков. Что они собой представляют?

— Слыхала... Вообще, северняки суровы и жестоки, чужих не любят. Шамани их сильны, имеют большое влияние в прайдах, очень преданны прайдам, что весьма ограничивает их. Они — львицы прайда, львицы-Саргали, ставшие шамани, а не шамани в облике львицы... Натура у них мрачная, они мрачные шамани, сила их весьма темна... Горы — место силы, потому они легче обретают ее, — задумчиво произнесла она. Потом загадочно посмотрела на него: — Зачем тебе? Я ведь знаю, что Союз и Саргали — враги. Не так ли?

— Вот именно. Я из прайда Регноран, мы ближе всех к ним, нам нужно знать о них всё, чтобы быть наготове. Вот, а то если не готов, то будет... Ну, понятно, хорошего не будет... Так ведь, да?.. Знаешь о враге всё — считай, победил. А то мы знаем почти всё, а вот о шамани как-то не знали, и вот я тут, просто спрашиваю... — Арсай начал нести полную ахиною.

— Дай... Дай посмотрю... — сощурилась Юласси.

— Что? — удивился он, как в детстве.

— Не убегай от меня. Дай взглянуть...

— Я...

— Шшшш...

Больше Арсай не смел ни шевелиться, ни думать. Она недолго, лишь несколько ударов сердца, смотрела на него; но казалось, что всю вечность. Потом Юласси сказала, сказала так, как это обычно делают, когда видят нечто очень интересное или странное:

— Да. На тебе ее *ахмар*.

— Ее ахмар? — переспросил он. Арсай не помнил этого слова.

— Она ищет тебя. Ждет. Зовет. Несомненно. У нее сильный ахмар, он весь на тебе.

— Кто? — его глупейший вопрос. Хотя он прекрасно знал, кто. Он чувствовал, что падает, падает вниз с огромной силой и скоростью, хотя твердо стоял на земле.

— Она, она... Она весьма сильна...

— А что... что — ахмар?

— Намерение.

— А лихмаай? — неведомо зачем Арсай спросил и это.

— Душа.

Больше вопросов у него не было.

Юласси выглянула из-за него, как раз вовремя. Ее уже ищут.

— Конунг ведь ждет! — прокричал кто-то недовольным голосом.

— Должна идти... Она ищет тебя... — молвила она на прощание, торопливо глядя то на Арсая, то на тех, кто ее искал.

Она ушла, что-то говорила, но не ему, а другим, но Арсай не слышал — он остался наедине с этими словами, не зная, что с ними делать, как поступать со знанием, которое он получил. Медленно ушел прочь; вспомнив, что водопой в другой стороне, развернулся, хоть и не хотел пить.

И что дальше? Как жить?

«Ее ахмар на мне? Ее ахмар на мне...».

Пошел к Восточным скалам, посидел немного там, в компании. Разговоры оказались пусты и неинтересны, они шли мимо Арсая, он был в одном мире, они — в другом.

Он смотрел на лучи заката, не видя самого солнца. Да, как же... Обманешь самого себя. Всякие «позабыть» и «думать о реальной жизни» спали с него, как шелуха, словно не было их никогда. Он видел и понимал сегодня, вчера и всегда, что мысли эти поверхностны и никчемны, он всегда будет помнить об Айлише, всю жизнь. Но что будет теперь, если пришло знание: она ищет его, она тоже ощущает это, как и он, в ней тоже несбыточное стремление и меланхолия, которая превращается в то, что шамани называют ахмар, и, наверное, весь ее ахмар, всё намерение, уходит в это чувство без следа, как вода в песок. Или... почему же, как вода в песок? Нет-нет.

Ведь теперь Арсай знает, он знает о зове и то, что она думает о нем.

«Пойти спросить совета у Юласси?», — подумал Арсай. Кто-то, пробегая рядом, задел его хвостом. Он глянул: это играли совсем юные лев и львица, устроив погоню. Встал, пошел прочь, прошел немного: две сотни прыжков. Потом прилег под первое попавшееся небольшое дерево. «Но как она узнала... Как узнала Юласси? Как такое возможно?... Ахмая же говорила, что она сильна... Ладно, неважно. Она ищет меня. А я думал, что это игра и пустое... А она ждет меня».

Он враз как-то очень устал, заснул, и снилось очень много чистой, сверкающей воды и ее силуэт, который невозможно поймать.

**

Когда Арсай проснулся, то перво-наперво осмотрелся вокруг; сон как лапой сняло. Да, он в Хартланде, под тем же деревом, и ничего не изменилось. Лишь рассвет над землей и прайдом.

Но что он здесь делает?

Почему еще тут?

— Говорила же: «дурак». Так и есть.

Мгновенно, быстро и точно решился; это стремление было единственным в сознании. Хотя нет: Арсай еще страшно озлился на себя из-за того, что так долго тянул драгоценное время, поскольку жизнь не бесконечна — всем нам отмерено немного.

Он решил пойти в земли Саргали, Большие горы, найти прайд Айлиши, а в нем встретить ее. План безумный и опасный, но Арсай ведь ничего не боится, он всегда знал и знает это; так почему раньше этого не сделал, вот лишь вопрос! А остальное — не вопрос, пустяки, он всё сделает. Да, это опасно, даже слишком, но у Арсая нет иного выхода, кроме как иметь смелость на грани неистовства и безумства, потому что ему надо видеть ее.

Свободный от сомнений, он холодно и четко думал, что и как проделать. Нужно хотя бы знать, как называется ее прайд. Очевидно, что это — ближайший к Регноран, поскольку она частенько бегала туда-сюда. Теперь нужно найти Юласси, пока не ушла. Она может знать! Арсай побежал на скалу конунга, где шамани должна была ночевать.

Он понимал, что ни в коем случае нельзя спрашивать что-то во своем прайде, поскольку такое сразу вызовет подозрения. Хотя именно в нем мог бы взять больше всего ведомостей от старшего поколения или разведчиц, куда и как ему идти...

Арсай быстро вскакивал по крутой тропке. Навстречу ему попался небольшой, худой лев с тощей гривой, который удивленно-недоверчиво наблюдал за ним.

— Эй, погоди, ты куда это? Чего тебе надо на скале конунга?

— Слушай сюда! Дело очень важное. Мне нужна Юласси или советник конунга! Да хоть кто-нибудь, кто знает о северняках, — Арсай имел крайне серьезный и озабоченный вид, потому у льва не возникло никаких сомнений, что дело важное.

— Я советник и помощник Кигали... Но что случилось?

— Мне нужно узнать, как называется ближайший к Регноран прайд северняков.

— Что случилось? — встревожился лев.

Арсай раздраженно посмотрел в сторону.

— Надо!

— Сообщить конунгу?

— Нет, нет! Это дело прайда Регноран. Нам нужно это знать...

— За мной иди...

Они начали дальше карабкаться вверх.

— Что, северняки беспокоят?

— Да, да, — на ходу лгал Арсай.

— Но ты же... ты вчера пришел, я тебя видел.

— Да. Заодно мне сказали и это выяснить. Нам нужно всё знать о них.

— Проклятье, я-то всегда думал, что это к регноранцам нужно идти за сведениями о северняках, — с неприкрытым сарказмом молвил лев.

Он зашел в небольшую пещеру. Арсай понял, что ему нужно быть спокойнее, соорудить хорошую мину при плохой игре, и вообще вести себя тише, по-деловому. Оправдывался и нес околесицу:

— Да мы бы рады, но общая карта и карта окрестностей совсем испортились и размокли: их плохо хранили. Давно и разведки той местности не было, ведь раньше северняки не появлялись, а тут заметили обходящие... пару раз... Дренгир решил: прежде чем высылать разведчиц, собрать побольше сведений.

Хмыкнув, советник вытянул из темноты, из-под сухой травы и листьев, большой, свернутый лист хум.

— Меня Арсай зовут.

Лев положил перед собой лист.

— Варран, — представился он, не глядя на Арсая.

Развернув его лапой, осторожно отложил первый лист. Внутри него и был второй. Это и есть карта на листе хум, начертанная пером с помощью черного сока хирайи, хотя очень простая и без деталей, но на самом деле — очень ценная вещь; такие есть даже в не в каждом из семи прайдов Союза.

— Вот, — Арсай осторожно тыкнул когтем на верхушку карты, узнав в кружке свой прайд. Он — на самом верху, поскольку львы считают восток главным направлением. Возле него — символы, которые и называли прайд, но Арсай их не понимал, как и подавляющее большинство. — Вот, отсюда, со северо-востока, они приходят. Вот, вижу Большие горы начинаются. А где ближайший прайд, хотя бы приблизительно?

— Не тыкай когтем. Проклятье, у вас что, в Регноран не знают, где ближайший прайд? Да они у вас под носом живут! — раздраженно сказал Варран, рассматривая карту.

— Я просто на картах не разбираюсь, хотел узнать для себя...

Варран показал лапой.

— Примерно тут. Вот ущелье, оно даже здесь обозначено. Видишь, эта линия — вроде как путь...

— Как бы направо от ущелья?

— Да. Погоди здесь...

Он аккуратно свернул лист хум, потом завернул его в другой и поставил карту на место, зарыв ее подальше в траву и бубня что-то себе под нос о каких-то жуках, которые всё портят.

— Сейчас приведу тебе кого-то из прайда, кто был в тех местах. Может, смогут что добавить к знаниям регноранцев... хотя вряд ли.

Варран возвратился неожиданно быстро с неким львом, еще не старым, но уже зрелым: такой возраст называют «время силы».

— Шутка со смыслом: регноранцы пришли спрашивать, как найти ближайший к ним прайд северняков.

Лев расхохотался.

— Тише... Конунг услышит, не шуми.

— Я давно был в тех местах, — после паузы начал лев, — это были молодые годы, много лет назад. Чем я могу помочь?

— Может, лев вспомнит нечто важное? Нам надо знать всё, — спокойно сказал Арсай, надеясь на его ответ.

— Да что там вспомнишь...

— Туда путь ведет через ущелье?

Сам Арсай некогда видел, где оно начинается; это — путь в Большие горы, внутрь их. Но видел издалека, и что за ущельем — понятия не имел.

— Ну да.

— А сам прайд там поблизости есть? — не побоялся задать этого глупого вопроса Арсай.

Лев ухмыльнулся, удивляясь, как регноранцы могут быть такими нерасторопными на собственных землях. Это же возле них! Если не молодежь, так старики точно должны помнить, где и как бродить по Большим горам, им приходилось...

— Есть. Только не спрашивай, где именно: прошло много лет. Может, его вообще там нет. Хотя вряд ли... Они за землю умеют держаться. Там, когда перейдешь ущелье, это недолго, начнется нечто вроде... долины. Кстати, красота — невероятная. Справа найдешь маленькую речушку, даже ручеек. Он течет на восток. По нему и идти. Если прайд где-то и живет, то уверен, что возле этой речушки.

Вспоминая, лев смотрел куда-то вверх и вправо, слегка покачивая головой, будто с кем-то соглашаясь.

— А как он называется?

— Хех... Не помню. Откуда мне знать-то? Даже не помню, знал ли. Северняки мне сами не скажут, — засмеялся лев. Потом задумчиво сказал: — Странно, что они проходят такой путь к вам. По ущелью долго идти... Возможно, они идут тропками через горы...

— Спасибо, — Арсай решил прекратить расспросы.

— Да пожалуйста. Будят из-за чепухи.

Лев ушел. Варран молвил:

— Так что сообщить конунгу? Сколько появлялось северняков, когда?

— Тут особо нечего сообщать. Замечали лишь львиц-северняков несколько раз. Беспокоиться не следует. Просто наш дренгир очень предусмотрителен, решил сделать разведку, а перед этим собрать сведения, — втолковывал Арсай Варрану, словно львенку, отчего тот приобрел скучающе-недовольный вид. — Если будет нечто серьезное, он сразу сообщит с посыльной, а не со мной...

— Так и есть. Я понял, понял, — мотнул головой Варран, утратив всякий интерес к этому делу.

— Еще стоит с Юласси поговорить, той шамани, что вчера пришла с Иллари, — задумчиво, как бы невзначай, молвил Арсай.

— Ах, да. Идем.

Арсай, пока шел, только подивился, как много наврал советнику конунга и наболтал ахинеи с важным видом и умной мордой. Но никакого сожаления не было. У него есть цель, и он достигнет ее...

— О нет, она спит. Идем прочь.

— Сейчас разбудим. Дело ведь важное, — сказал Варран и тронул ее за спину. — Юласси?

— А... Да?

Интересно, что после пробуждения она не сразу открыла глаза, а так и сидела, не глядя на мир, но общаясь с ними.

— С тобой хочет поговорить этот лев. Его зовут...

— Знаю. Арсай.

Варран ушел прочь, не желая тратить здесь время зря.

— Юласси, извини, что прервали твой сон...

— Не страшно, — улыбнулась она, потягиваясь. Потом взглянула на мир.

— У меня к тебе еще небольшой вопрос, прости за беспокойство... Ты не знаешь, какие названия прайдов северняков? Если точно, то меня интересует ближайший прайд к Регноран. Может, ты слыхала...

Она дотронулась к нему лапой, резко и быстро:

— Кстати, как увидишь ее, не вздумай говорить «северняки». Только Саргали или саргалы. Но лучше Саргали — так благороднее.

Юласси очень тонко и точно понимала его, переходя сразу к сути. Арсай был поражен до глубины души.

— Я знаю...

— Не помню всех названий их прайдов... — она снова закрыла глаза, продолжая трогать его лапу, чтоб он внимал как можно лучше. — Смотри. У них принято называть любой прайд именем того, кто там правит. Как в Морлае. Но вместе с тем каждый прайд имеет свое имя, точнее, все львы и львицы им зовутся; эти имена очень старые, все они состоят из слов древнего языка... Так, дай вспомню... Как там рассказывала Эльрара... Да, точно. Смотрящий прайд! Прайд, который хранит ущелье, смотрит на него.

— Извини, я не понимаю...

— Сейчас поймешь... Сейчас скажу. По всему получается, что ближайший к вам прайд — Менаи. С древнего это значит «глаза» или «смотреть». Прайд Менаи — тот, кто смотрит, следит.

— За кем?

— Ясно за кем. Львами Союза, как они говорят, львами с равнины. Хм... Как говорила Эльрара, «менаи но ласлари», «смотри и слушай»... Знаешь, если я была невнимательна или не хотела учиться, то она так меня заставляла, этими словами.

Она посмотрела на него. Арсай ничего не понял, но решил не выдавать свои беспомощность и невежество.

— Значит, это львица Менаи-Саргали? — вздохнув, молвила она.

— Наверное... — сказал Арсай, удивляясь тому, что не спросил Айлишу в свое время. Надо ж быть таким невеждой!

— Как ее зовут?

Мгновение он колебался.

— Айлиша.

Она задумчиво посмотрела в сторону, теребя правой лапой левую.

— Красивое имя... В отличие от многих, имеет значение на древнем.

Юласси посмотрела на него, ожидая любопытства. Он замешкался: просто не знал, можно ли спрашивать, но после паузы всё же спросил:

— Какое? Разве бывают имена без значения?

— Бывают, конечно. Вот как мое. «Юласси» значит только одно — Юласси.

— Это плохо?

— Это никак. Ни хорошо, ни плохо. Это просто имя. Оно может нравиться, либо нет.

— Мне нравится, — он сознательно сделал комплимент; имя ей шло, она — симпатичная львица, с мягким характером и харизмой. Она хоть и шамани, но с нею Арсай совсем не чувствовал своеобразной тяжести в общении, как, например, с Нейлой.

— Спасибо.

— «Арсай» тоже ничего не значит?

— Не уверена... Вроде нет.

— Интересно, а другие имена?

Тема была необычной и любопытной, Арсая она взволновала таинственностью обыденного.

— Ну... Так сразу не вспомнить. А какое именно тебя интересует?

— Да какое угодно.

Юласси немножко подумала.

— Слышал имя «Шаана́»? Это шамани из Юнити.

Арсай ответил, что да. Он действительно слышал его от сестры, когда она рассказывала о юнианцах.

— Шаана значит «темная, таинственная, загадочная, печальная». От слова «шаани» — «темно, темный, тьма, сумерки».

— Ничего себе! Ты знаешь удивительные вещи! — восхитился Арсай ее умом.

— Я лишь училась несколько дней у одного учителя, который дал мне пару слов древнего языка, — скромно молвила Юласси. — Здесь нет особого знания.

— Да перестань, это сильно, мне такого еще никто не рассказывал... Так что же значит «Айлиша»?

— «Ли́ша» значит «красивая; нежная; добрая; хорошая молодая мать; хорошая юная львица».

Арсай призадумался, почесав гриву.

— Древние говорили всё это одним словом?

— Да. Они не тратились на слова. Они считали, что лишь поступки имеют значение.

— Это верно. Это верно... А «Ай-» что тогда значит?

— «Очень, сильно, много».

Он не мог сдержать улыбки и почему-то, стукнув лапой по земле, прислонился головой к холодному камню скалы.

— Спасибо еще раз, Юласси.

— Будь осторожен.

Арсай сдержанно кивнул, в благодарность приложил, закрыв глаза, лапу к ее плечу, и тут же, безо всяких предупреждений и церемоний отправился на восток, к своему прайду.

Но ему не следовало заходить домой, о нет. Свой прайд нужно обойти. Арсай прекрасно знал эту местность, потому не проблема обойти прайд со северной стороны, а потом направиться напрямик ко входу в ущелье. Путь к нему он тоже знал, но дальше Арсая ждала неизвестность.

Шел очень быстро, с целью и стремлением, не тратя силы попусту. Страшно не было, сомнений тоже никаких; Арсай знал, что ему суждено это сделать, потому выбора нет для него. Он понятия не имел, что будет делать, когда найдет ее прайд. Не зайдешь же в него, как свой, в самом-то деле! Но это было неважной ерундой, он решит любую проблему, встретится с нею любой ценой, пусть даже самой большой. «Вот она удивится, когда увидит меня», — засмеялся сам для себя. — «Скажет, что совсем умом помешался, и будет права, это точно». Потом подумал о том, что, возможно, не следует путать смелость с безумством; видимо, мертв дух того льва, который считает, что смелость — безумство, и не видит разницы. Потому отогнал от себя мысль о том, что он — безумен. Напротив: безумны те, кто не совершает сильных поступков, полагая, что они — ребячество. «Да, именно так! Только вперед, потому как нету правды в спокойной жизни, которую я чуть было не избрал... И если

мне там суждено умереть, то пусть так будет, шакал с ним, толку с жизни, в которой ничего не происходит...».

Он благополучно добрался ко входу в ущелье, хотя солнце еще даже не полностью зашло. Арсай очень удивился тому, как много он прошел-пробежал всего лишь за один день. Поохотившись, благополучно заснул мертвым сном, четко намереваясь проснуться завтра с первыми лучами солнца.

Ущелье оказалось чащобой из густых кустов, каких-то топей, зажатых склонами пологих гор, которые медленно, но верно превращались в более крутые; кое-где были отвесные скалы. Арсаю было непонятно, как здесь можно вообще нормально ходить, но потом понял — то тут, то там стелились причудливые тропки; следуя им, Арсай пошел значительно быстрее. Но всё равно это заняло время, много времени. Ближе к полдню начал падать мелкий дождик, и Арсай ему порадовался: дождь прячет запах, ухудшает видимость и притупляет слух; он не то что опасался наткнуться на северняка, но уже был на ничейных землях, тут нужна осторожность.

Был соблазн залезть на гору повыше и осмотреться, но Арсай знал, что на это уйдет много сил, а результат может оказаться ничемным. Лучше добираться к долине, если верить словам того льва из Хартланда; да и он сам вспомнил рассказы старейшин прайда о том, что за ущельем есть долина, и именно в таких долинах и на склонах пологих гор живут северняки. Никто из них не живет на крутых, глухих вершинах. «Земли у них большие, поскольку добычи мало и дается она с трудом», — вспомнил Арсай.

Ущелье всё сужалось, а горы всё круче, и Арсай уж было подумал, что забрел не туда, но вскоре он вышел с узкого прохода всего в тридцать-сорок прыжков шириной; путь пошел вниз, но он не видел, что там внизу из-за высокой травы, потому вылез на первый же камень у склона.

Как в снах. Далеко, настолько далеко, аж до сини, уходила земля внизу вдаль; там же, впереди, синели горы. Действительно, здесь долина, и действительно всё красиво, и всё видно, как будто Арсай стал птицей. Он привык жить на равнине, видеть плоский мир, потому долго так сидел без мыслей, но только с чувствами, превратившись в само созерцание. Немного опомнившись, принялся думать. Налево путь явно не имеет смысла — там близкая гряда гор и холмов, которые тянутся куда-то в бесконечность. Ну а направо, как и говорил тот лев в Хартланде, путь свободен, и там тоже синева дали.

Теперь ему туда. Тут уже начинаются совсем незнакомые, совсем чужие земли, места северняков. Ему любопытно: где именно начинаются земли прайда Менаи; возможно, он уже одной лапой ступил на них?

Речку он увидел еще тогда, когда медленно шагал по каменистому склону, осматриваясь. Она брала начало где-то на севере, и протекала именно туда куда нужно Арсаю, направо, на юго-восток. Он, правда, ожидал, что эта речушка будет течь по-другому, отчего-то предварительно нарисовав в уме картину, как это иногда бывает; кроме того, лев из Хартланда явно поскромничал, назвав ее ручейком. Хотя... Сколько лет прошло, да и сейчас сезон дождей.

Он пошел к ней. Это заняло много больше времени, чем он ожидал, к тому же Арсай чуть не угодил в какое-то болото. Вообще же, жизни здесь было полно, казалось, всё зажато этими горами и теснится, даже деревья росли друг к другу ближе, чем обычно — не было равнинной свободы.

Арсай, наконец, вышел к реке. Вода оказалась грязноватой, и это озадачило. Кроме того, судя по всему, в ней вполне себе имелись крокодилы, а Арсай не был к ним особо привычен: в их реке крокодилов очень мало (а когда-то, говорили стари-

ки, вообще не было). В Союзе они только в Большом Мааре встречаются, и то не всегда.

Вспомнил, что опасность может быть рядом, потому вернулся назад к тому болоту, опасаясь шататься по берегу реки и наткнуться на крокодилию пасть.

— Хух... Где я только ни пропадал, так что... хехе... — взбодрил он себя и весь хорошо выкатался в болоте. Это старый-престарый способ, его используют разведчицы; об этом он часто слышал от старых львиц, которые в свою юность успели побывать в настоящей разведке. Это убивает запах, ты начинаешь пахнуть не львом, но грязью, тиной; когда грязь высохнет на шерсти, то станешь весь серый и незаметный, да и когда грязь мокрая, то выглядишь чем угодно, но только не львом. В грязи желательно валяться почаще, но быть осторожным со следами, которые отлично остаются у болот и песков. Львам особенно полезен этот способ, поскольку пахнут они сильнее львиц. Вообще же, старые львицы говорили, что способ при должном подходе просто отличный, но пользоваться им нужно с умом и толком, поскольку возможность всё испортить тут велика: то следы грязью оставишь, то слишком заметен становишься на светлой траве.

Арсай осмотрел себя. «Да уж, красавец. Она меня не узнает. Вот шакал. Что называется, Арсай идет ко львице, встречайте! Детям можно будет рассказывать», — посмеялся он, и, прижимаясь к матери-земле, быстро пошел вдоль реки.

Он шел и шел, следуя ее извилистому пути. Вдруг в нос ударил запах, неожиданно резкий и чужой. Он принялся. Точно! Метка!

Немного подумав, быстро пошел назад. Нужно найти место, чтоб осмотреться. Нужно карабкаться по склону, но это будет слишком заметным. Вот, еще одна метка, послабее, уже старая.

Вечереет...

«Вот шакал. О ночевке нужно думать... Ночью бродить смысла нет».

Рискнув, вылез по склону, где было побольше теней, деревьев и кустов. Так, так... Река заворачивает куда-то влево, и ничего не видно, что дальше. Склон напротив весьма пологий по здешним меркам, очень большой; Арсай напряг зрение: там, очень далеко, вроде бы львы... Или ему кажется... Нет, не кажется... Он так сидел долго и никак не мог решить, кажется ли ему или нет, а тем временем точки вдалеке вовсе пропали. Он вздохнул. Прайд может быть за тем далеким склоном, но перейти такое большое расстояние на открытой местности незамеченным можно лишь по везению, а он не хотел попасться, как глупая кроткая тварь по собственной ошибке. Здесь граница их территории, но куда дальше следует идти, он не понимал.

Так... Так! Шорох, треск, откуда-то справа и сзади. В кусты, в тень, благо уже вечерееет, теней много... Арсай понял, что он всё же слишком высоко; наверное, его не увидит только слепой. Ниже спуститься, вон к тому камню... Чудно, еще под него. «Так, всё, хватит!», — подсказал ему инстинкт, нужно остановиться: сейчас здесь кто-то будет.

Безо всякого особого шума на открытую местность, возле того самого камня, вышли четыре львицы; в каждой из них Арсай узнал Айлишу, но среди них ее не было; просто она была похожа на них: тот же окрас, тот же длинный хвост. И вообще, они красивы, отметил сразу же Арсай, недаром кто-то из старейшин говорил по большому секрету, что... так, раздумья потом.

— Нэ, сестра, у него будет злость.

— У меня нет интереса к этому, и нет страха перед ним. Я устала только.

— Это твои слова сейчас. Потом...

— Слушать не хочу.

Львицы, очевидно, о чем-то ругались. Арсай не шевелился и страшно беспокоился, что его заметят; казалось, весь мир на него смотрит. Вот, они остановились... Чего они остановились? Он мысленно ругнулся. Это ж всё около реки, здесь голая земля, даже видно несколько нечетких его следов.

— Будем идти без?.. — робко спросила третья. Четвертая пока молчала.

— Нет.

— Да!

Это охотницы, догадался Арсай. Одна из них заметила его след возле себя, он вцепился когтями в землю, но она вообще не придала следу значения, а потом с раздражением истерла его, думая о своем.

— Идем, сестры мои. К закату наше возвращение, — снова робко предложила третья.

— Не стоит спешить, пусть арша́х уснет к нашему приходу, — молвила вторая.

— Будто завтра он другим будет, — ответила первая.

А четвертая всё молчала, рассматривая мир вокруг.

«Без сомнения, это львицы из ее прайда», — подумал Арсай. Этот говор и акцент нельзя ни с чем спутать.

Арсай крайне удивился следующей перемене настроения. Она была разительной: вторая львица вдруг беззаботно улыбнулась во все зубы, равнодушно махнув лапой.

— Сестры, благодарность вам. Мы сделали всё, потому на нас нет упрека.

— Не знаю, что будет с тобой, Манэ, — и так же робко молвила третья. Видимо, таков был ее способ говорить: тихо и осторожно.

— Со мной не будет ничего, но я буду.

Они снова немного помолчали. Потом эта Манэ сказала лишь одно маленькое слово:

— На.

И они все, повинувшись ему, быстро ушли прочь, стелясь по земле.

Арсай рискнул и даже вылез на камень, чтобы проследить, куда они ушли. Выяснилось, что их путь пролегал вдоль реки — они не пошли к огромному холму. Отлично... Теперь он знает, где примерно находится прайд. Уже стало темно, потому следовало на что-то решаться. Немного подумав, решил, что притаится неподалеку до рассвета; потом, подумав еще раз, решил вообще найти водопой и ждать всю ночь у него. К водопою все приходят утром, так у него появится небольшой шанс; он уже понял, что на этой огромной территории вряд ли сможет случайно встретить Айлишу — для этого нужно крупное везение.

Вопреки ожиданиям, водопой нашелся очень быстро; Арсай понял, что он значительно ближе к прайду, чем считал прежде. Оставалось надеяться, что это главный водопой, и утром он увидит Айлишу. А если она будет в большой компании, и к ней не подойти? Арсай не знал, что тогда... У водопою опасно. Но выбора нет. Местности он не знал, а бегать по ней — и того хуже для себя.

Водопой оказался местом у реки со спокойной водой. Один берег был ровным, песчаным; другой — обрывистым, полным речной растительности, с вислыми деревьями; кроме того, этот другой берег примыкал ко склону, потому здесь никто не бродил. В этой-то сырости Арсай и спрятался, предварительно снова вывалявшись в грязи, чтобы снова убить запах. Это страшно раздражало, вот так сидеть, грязным и липким, и пялиться без дела в ночное небо. Потом он немного вздремнул, содрогаясь от каждого ночного шороха.

Под утро страшно захотелось спать. Но вот! Две львицы... Арсай отметил, что здесь весьма рано встают. Потом еще две. Потом лев. Потом три льва. Какие-то львята. Потом Арсай заметил то, что его весьма встревожило: молодой лев-подросток подбежал к двум старшим, что-то обеспокоенно говорил и кивал головой в ту сторону реки, против течения, откуда пришел Арсай; львы бросили разговор и спешно побежали за ним. «Дела...», — подумал он.

Потом снова львята, вместе с ними львица, и... Да! Точно! Айлиша. Они идут вместе, о чем-то говорят. Львята ведут себя чинно и спокойно, пьют воду. Незнакомая львица кивает им, они тут же уходят. «Проклятье, сейчас уйдет вместе с ней... Что же делать?». Но знакомая львица ушла, Айлиша осталась пить. Она часто делала паузы, осматривая всё вокруг, поводя ушами. «Крокодилы, наверное...», — подумал Арсай.

Он начал красться к самому обрывистому берегу, не упуская ее с виду. Айлиша никуда не уходит, а просто себе смотрит в воду; Арсай заметил, что она иногда поворачивала голову то так, то эдак. Видимо, смотрела на саму себя, стараясь понять — красива ли...

— Айлиша!

Ее и его разделяет вода, всего лишь два десятка прыжков!

— Айлиша! — снова громким шепотом позвал ее Арсай; подумал уж, не зарычать ли тихо: она тогда точно услышит. Но нет, она наострила уши!

— Я тут, Айл... — подобрался он к самому берегу; мокрая мягкая земля крутого берега обвалилась под ним, и он, занятый совсем другим, плюхнулся в воду, подняв невообразимо много брызг и шума. Вода глубокая, пришлось плыть. Айлиша с изумлением смотрела, как из воды вылезает нечто большое, мокрое и очень грязное. Оно вылезло из воды и подошло к ней. В удивлении она застыла со слегка поднятой лапой.

— Айлиша, это я. Арсай.

— Арсай? — с придыханием спросила она, дотронувшись к его мокрой гриве.

— Я пришел к тебе. Я не мог без тебя.

Айлиша смотрела на него со смешанным чувством, и его было так много, что Арсай не решился даже думать о всех его смыслах; но теперь он точно знал, что не ошибся.

— Я тут немного грязный... Не могу тебя обнять...

Но Айлиша сама согрела его шею и сердце. А потом снова эта резкая смена чувств:

— Совсем ум потерял! — прижала она уши. — Опасно это! Арсай, цанна! Ум потерял совсем...

— Я не мог без тебя, — снова сказал он правду.

Она вздохнула, с оскалом снова прижав уши. Торопливо осмотрелась по сторонам, словно ища совета в окружающем мире.

— Идем. Идем! — требовательно молвила она, дотронувшись к нему хвостом.

— Куда идем?

— Айлиша должна увести те... бя... — она застыла на месте, Арсай тоже, потому как была причина. Перед ними, в прыжках десяти, сидел львенок в траве и с любопытством рассматривал обоих.

— Чужой. Это чужой. Кто он, Айлиша-маасси?

Она смолчала, но потом нашлась:

— Он не чужой. Он просто пришел ко мне.

Но из травы уже вышла львица; без всяких предисловий заметив Арсяя, она сделала шаг назад и зарычала:

— Цанна, цанна! Чужой, чужой!

Арсай почесал гриву; на лапе осталась грязь, он ее небрежно оттряхнул в сторону. «Неохота помирать так вот, совсем грязным», — то ли в шутку, то ли всерьез подумал он, осматривая себя.

Саргали сбегались на шум неожиданно бойко и быстро; Арсай же не сходил с места. Вскоре на Арсяя смотрел добрый десяток пар глаз, холодных и любопытных, весьма спокойных, потому как рядом с ним мирно стояла Айлиша.

— Спокойно, братья-сестры мои, спокойно. Он пришел ко мне. Ко мне пришел.

— А кто он? — требовательно спросил грозного вида лев, тяжело дышавший от бега; судя по уверенному голосу, явно старший среди всех присутствующих.

Арсай вдруг страшно испугался того, что его хорошую Айлишу накажут за общение с ним. «Ну зачем она сказала, что я пришел к ней?!». О, проклятье. Об этом нужно было подумать раньше.

— Свободный лев он, — поторопилась ответить Айлиша, опережая возможный ответ Арсяя.

— Зачем без спроса пришел на наши земли?

— Не знал он нашего порядка, — с извинением молвила шамани.

— Маасси, будешь говорить за этого льва, или у него есть рот? — язвительно молвил лев.

Арсай спокойно ответил:

— Я хотел увидеть ее. Думал, просто так меня не пустят.

Отовсюду — презрительные и веселые смешки.

— Кто он для тебя? — спросил грозный лев Айлишу. Она, слегка поклонившись, ответила:

— Я узнала его, когда назад шла от равнинных львов.

Тот почесал гриву и изрек:

— К аршаху его. Пусть решает, что с ним делать.

Айлиша тревожно посмотрела на Арсяя; она прошептала ему, умоляя всем видом не делать глупостей:

— Спокойно.

К нему двинулись четыре льва, с решимостью глядя на него, ожидая сопротивления. Но Арсай двигался нарочито медленно и спокойно, чтобы они не тревожились.

— Я не хотел причинить никому вреда...

— Хвост, — сказал один из них.

Он сразу понял, чего тот требует, и ухмыльнулся.

— А больше ничего не нужно? — с издевкой спросил Арсай. Чтобы его держали за хвост? Лучше издохнуть немедля и тут же.

Лев зарычал, остальные оскалились.

— Послушай их, отпора не давай, — просила Айлиша, испуганно смотря на него.

— Нет, меня за хвост не поведут. Я так пойду. Или умру тут.

Айлиша закрыла глаза лапой, чтобы не видеть его смелого безумия. Потом, на всякий случай, сделала несколько шажков к нему.

— И отлично, закончим здесь... — молвил один из молодых львов, которому не терпелось перейти к драке и азарту боя.

— Назад, нэ. Это воин. У льва есть смелость. Пусть идет так, — молвил самый старший лев. — Воины не дают хвоста.

Один пошел сзади Арсяя, двое — с боков, четвертый — впереди.

Его вели. Он ни о чем особо не думал. Разве что было жаль Айлишу; видимо, это предоставит ей много неудобств... Ладно... Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть. Он играл и проиграл. Поймали, потому что сам дурак. Он уже не думал о том, будет ли жить; в таких ситуациях эти мысли могут подвести: ты можешь превратить самого себя из льва в кроткую тварь, цепляясь за сон в летнюю ночь, который называют «жизнью», потому лучше думать о предстоящей темноте.

— Айлиша, — окликнул он ее, даже весело.

— Молчи, молчи, тебе нельзя говорить, — тихо молвила она, с тревогой глядя на него. Она шла рядом, справа; они могли быть ближе, но им мешал лев.

Арсай хотел сказать «я тебя люблю», очень хотел, но потом передумал, поскольку неизвестно, что ей за это будет.

На чужака смотрели с недоверием и интересом; Айлишу кто-то позвал из сопровождающей толпы, видимо, для расспросов: «Кто он? Зачем? Почему тут?».

Они вскоре подошли к большим и красивым скалам, которые были круты и отвесны; лазать по ним невозможно, нужно карабкаться с другой стороны, если хочешь свысока увидеть мир. По мере их хода отовсюду собирались Саргали: посмотреть, кто такой и зачем пожаловал к ним.

Арсай сразу узнал аршаха, который стоял возле самой большой пещеры и с кем-то беседовал; заметив огромную компанию, он прекратил разговор и лишь смотрел на Арсяя.

Поймав момент, Айлиша прошла мимо Арсяя так, чтобы это было не слишком заметно:

— Это брат аршаха, который тебя приказал вести... А это сам арша́х, Ар-Нама́р. Вежливым будь, прошу. Безумный... — тихо сказала она, и Арсай действительно почувствовал себя полным дураком, хотя в это «безумный» было вложено столько любви, сколько вообще в нем может поместиться.

И шамани стала рядом с ним, с левой стороны.

Арсай видел, как этот самый брат подошел к аршаху и говорил что-то лишь для его ушей. Вместе с тем вышел один из сторожей Арсяя, и, сев, глубоко кивнул Ар-Намару, прижав правую лапу к сердцу. Он заговорил громко, чтобы все слышали суть дела:

— Этого чужого поймали мы возле водопоя. С Айлишей-маасси он был там; она говорит, что пришел к ней. Входить на земли ему никто не разрешал, а тем более внутрь прайда.

На этом лев посчитал свою речь вполне законченной. «Ничего лишнего», — подумал Арсай. Тишина была мертвенная, лишь пели птицы и гудел ветер.

Аршах, уже старый лев со вконец потрепанной гривой, долго думал, и никто ему не мешал.

— Кто он? — наконец, обратился к Айлише.

Она учтиво заговорила, в знак кротости слегка склонив голову и смотря аршаху под лапы:

— Я знаю этого льва. Когда амарах послала меня к союзным львам, то на пути назад узнала я его. Теперь он пришел ко мне.

— Ты звала его сюда? — то ли удивился, то ли разозлился Ар-Намар. Где-то прошли смешок и фырканье.

— Да, — не мешкая, ответила она.

— Нет, — тут же громко молвил Арсай. — Не звала она меня, я сам пришел.

— Цанна! — это вызвало бурю негодования у его стражей; со злобой они пошли на него, он напрягся и приготовился.

Из пещеры, тем временем, зевая, вышла старая, весьма крупная и грузная львица, которая свободно села возле Ар-Намара. По всему, это была его пара, его львица. Она со слабым интересом посмотрела на происходящее; очевидно, ее разбудил шум. Как ни в чем ни бывало, начала умываться.

— Тебе никто слова не давал, чужой, — презрительно смотря на него, сказал Ар-Намар. Потом махнул лапой: — Отойдите... Он позже умрет, не здесь.

— Айлиша просит моего господина не убивать его, — истинно взмолилась шамани.

— Тебе не решать, маасси, — кратко и жестко ответил Ар-Намар. Впрочем, было видно, что к Айлише он питает хорошее отношение. — Зачем привела сюда его?

— Никто меня не приводил, — Арсай не обращал внимания на любые запреты, он говорил, когда хотел. — Я сам пришел. Она понятия не имела, что я приду. Так что оставьте ее.

От такой наглости все аж притихли. Арсай осмотрелся вокруг: ему понравилось, какое это произвело впечатление.

— Ты смелый лев. Потому я сделаю тебе подарок. Ты умрешь, как воин: в поединке. Против трех, — сказал ему Ар-Намар.

— Прекрасно.

Аршах немного помолчал, потом подошел ближе, рассматривая большого черногривого чужака.

— Так зачем пришел к нам?

— Я к ней пришел.

— Зачем пришел к ней?

— Без нее не могу.

Это вызвало смех у нескольких молодых львов; их веселье подхватили и остальные. Саргали оказались веселыми: они не упустили любой, даже самой странной, возможности посмеяться.

Айлиша смотрела то на Арсая, то на Ар-Намара. Она растерялась, и наступили именно те мгновения, когда эта шамани действительно не знала, что делать.

— Кто ты?

— Арсай... Арсай.

Он было чуть не сказал «Арсай из Регноран», но вовремя схватил себя на этой мысли. Отказаться от своего рода — большой позор. Но придется это сделать, потому что Айлише будет плохо, если узнают, что она общалась... и не только... с регноранцем.

Брат аршаха что-то прошептал на ухо Ар-Намару, кивая на Айлишу, а потом они засмеялись.

— Если б твой приход был открытым, без утайки, то мы, возможно, даже приняли тебя, как гостя. Хоть ты... и не Саргали, вижу я. Может даже, если хочешь нашу шамани-маасси, — Ар-Намар лапой устало указал на Айлишу, — я разрешил бы тебе побыть среди Менаи, а потом и стать одним из нас. Ты воин, а воины нам нужны. Но тебя поймали, ты скрывался. Неизвестно, где твоя суть и зачем ты пришел. Потому умрешь.

Арсай только кивнул. Умирать, так умирать. Со всеми будет.

— Он, наверное, из Таллалу, его они прислали! Чего слушать болтовню! — прозвучал очень сильный и наглый голос зрелой львицы

— Не из Таллалу он. Просто свободный лев. Законов он не мог знать! — сделала еще одну попытку Айлиша.

— Знают такое даже львята, Айлиша-маасси. Прекрасно знал он, на что идет. Хотя, — Ар-Намар изменился в морде, даже как-то подобрел, — ты можешь просить пощады. Чем лучше ты попросишь, тем дольше я подумаю... что можно сделать.

Брат аршаха брезгливо улыбался и делал какие-то странные жесты, словно подначивая Арсая сделать это. Попроситься. И так улыбался не только он — все вокруг как будто чего-то ждали. Айлиша смотрела на Арсая большими глазами, сидя совсем неподвижно; ему показалось, что они влажны, но он не мог рассмотреть по-лучше. Арсай понял, что это некоего рода ловушка и забава для них; но ему было плевать. В прямом смысле. И он вот что сказал и сделал: сначала будто задумался над этим весьма заманчивым и разумным предложением, для вида приложив лапу к подбородку; потом молвил, словно удивившись:

— Пощады?

Через мгновение, рассудительно:

— Хм... Пощады.

«Сын Регноран просит пощады? Пфф. Кучка дураков», — подумал Арсай.

А потом очень насмешливо, со смехом:

— Пощады?..

И плюнул на землю без всяких церемоний.

— Не к вам я пришел. К Айлише я пришел.

Айлиша испуганно, со вздохом, посмотрела на него. Казалось, она плачет, но Арсай не уверен — он перестал замечать такие детали в это время; но увидел, нежели услышал, как она тихо молвила:

— Нет... Нет... Безумный...

А у львов Саргали его поведение вызвало настоящую ярость. Аршах оскандился, как и его брат и львица. Арсай не видел, что происходило с боков, но уже почувствовал когти на своей спине, готовые его крепко держать. Вся эта ярость уже готова была обрушиться на страшного наглеца, как тут прозвучал голос, очень странного, волнующего тембра и оттенка, который хотелось слушать и которому хотелось внимать:

— Покой! Должна я посмотреть... на этого чужого.

Все разом притихли, мгновенно, когти убрались со спины Арсая. Все посмотрели в сторону, откуда он раздался; Арсай тоже.

Старая худая львица, которая прежде несла в зубах непонятно что, бросила ношу себе под лапы; молвив эти слова, она переступила через нее и пошла навстречу львам и львицам. Она привлекла внимание Арсая: он не мог сказать, сколько точно ей лет, поскольку движения ее были необычно легки для этого возраста; львица смотрела на мир и его существ слегка склонив голову вниз, отчего взгляд приобрел решимость и пронизательность; эти глаза, которые отражают больше света, чем видят, и странная черная полоска на левой стороне шеи. Ну конечно. Арсай понял: это шамани. Это амарах Айлиши; правда, он забыл ее имя — у него всегда была неважная память на имена.

Влияние у главной шамани Менаи было куда большим, нежели Арсай мог себе раньше вообразить. Все немедленно расступились, когда та подходила к Айлише и Арсаю, а правитель прайда никак не противился происходящему, просто сидел в ожидании. Амарах же, в свою очередь, даже не посмотрела в его сторону, лишь шла по некоему своему замысловатому пути, не прямо, а словно описывая полукруг воз-

ле Арсая, глядя на него; хвост ее ходил из стороны в сторону. Он враз как-то внутренне присмирел, даже почувствовал свою беспомощность.

Амарах уже возле него. Арсай мельком бросил взгляд на Айлишу, ему стало не по себе — она была взволнована, и... он уловил ее чувство полной безнадежности. Амарах же посмотрела на ученицу, потом плавно перевела взгляд на него, потом снова на нее. Вдруг несильно, но ударила Айлишу лапой по щеке. Та не противилась наказанию, лишь отвернулась.

Арсай несмело попросил, переживая за свою любовь:

— Пусть львица не бьет ее... Пожалуйста...

Амарах спокойно глянула на него, наострив уши. Странно, но Арсай услышал ее дыхание, — то ли это было так тихо, то ли она так шумно дышала, то ли... Оно неким образом сразу привлекло внимание; оно жило в сознании, как навязчивая мысль, закрывая собой всё остальное. Его сознание как-то спуталось, сбилось, Арсай забыл о самом себе, и его понесло на многословие:

— Я знаю львицу, Айлиша рассказывала... Айлиша ни в чем не виновна... Рад знакомству...

Она молчала, и он утих, не смея избегать ее взгляда, от которого некуда спрятаться. Арсай был готов к любому испытанию, любой драке, но это — выше сил; он чувствовал, как воля поддается, уходит, хоть раньше была всегда послушна.

— Как ты зовешься?

— Арсай.

Мгновение тишины.

— Зачем пришел к нам?

— Пришел к Айлише... Люблю ее.

Он почему-то ожидал, что амарах рассмеется, либо же разозлится, отреагирует плохо на эти слова. Но этого не случилось.

— Это трудно — любить шамани. Подумай же хорошо, Арсай, — молвила она, качая головой. Мысли его прояснились, он снова стал собой; видимо, она рассмотрела его сущность и отпустила.

— Я не боюсь трудностей. Вообще ничего не боюсь.

Амарах хмыкнула, словно не доверяя; вместе с тем приобрела задумчивый вид, уставившись в сторону. Так продолжалось весьма долго, Арсай даже подумал, что она смотрит на нечто важное и интересное, но повернуть голову в ту сторону не решался, ровно как и шевелиться.

— Айлиша́, — прикрыв глаза, амарах повернулась и негромко обратилась к ученице, совсем не так, как остальные: ударяя и выделяя последнее «а» ее имени; та сразу же оживилась, наострила уши (Арсай видел, с какой смесью страха и надежды она впиалась взглядом в наставницу), — ты отведешь его на запад, к Трем Зубцам. После этого пусть уходит в мир, куда желает. Потом возвращайся ко мне.

Ее речь была необычной и мягкой, во время нее она смотрела вниз и в сторону, но в конце подарила ученице короткий, но много значащий взгляд.

Все остальные так же наострили уши, стараясь услышать, что же говорит их главная шамани.

— Да, Найса́ра-амарах, — склонила голову Айлиша. Подняла не сразу; она глубоко вздохнула, потом посмотрела на Арсая. Тот слегка улыбнулся, но перестал, когда увидел ее глубокое переживание и тонкие следы слез, которые она мгновенно утерла, будто умывшись лапой; только теперь он понял, что Айлише пришлось пережить нечто ужасное, некое страшное волнение. Он сразу это ощутил. И снова желание спрятать ее в гриве, чтобы его любовь обрела покой, желание до озноба, но нельзя...

Теперь амарах говорила для всех, уже в другом, более громком и обычном тоне:

— Таковы мои слова: этот лев пришел безо всякого зла сюда, пришел к Айлише, которая решила испытать на нем силу; потому за ним нет вины. Он обычный свободный лев, у которого есть дух и смелость. Я вижу. Нет смысла в его смерти, пусть идет. Но аршах решает.

И просто начала уходить.

— Принять ли его в прайд? — неожиданно спросил Ар-Намар. Ему понравился этот лев, такие нужны Менаи. Теперь можно использовать слова шамани, чтобы принять его, ибо, по закону, его следовало убить, но если шамани говорит отпустить, то мало кто осмелится перечить Найсару.

— Нет! — сразу же обернулась Найсара. — Брать его не следует. Пусть уходит.

— Так и будет, — сразу же принял решение аршах, следуя словам шамани, которой верил безгранично. Потом важно объявил: — Шамани даровала тебе жизнь. Уходи.

Арсай растерянно осмотрелся по сторонам, кивнул аршаху в знак... всё ж таки благодарности; насмешливые глаза смотрели отовсюду, кучка львят показывали на него и катались по земле от веселья. Он не понимал, но Саргали снова веселились, хотя вроде и не было ничего забавного. «Странные они», — подумал он. — «Попробуй пойми...».

Айлиша же кротко и тихо молвила ему, легко тронув его лапу кисточкой длинного хвоста:

— Идем.

И они пошли. Все враз начали расходиться, словно ничего не произошло. Айлиша шла впереди, Арсай позади. Он вздохнул. «Ну и денек...».

Они проходили мимо трех молодых львов. Слева донеслось:

— Драку пропустили... Вот дрянь... Хорошая кровь могла быть! — с подлинным разочарованием молвил один из них.

Айлиша мигом превратилась в истинную ярость, чуть не набросившись на обидчика; Арсай хорошо помнил ее в ярости, помнил, как она, прижав уши, стелилась к земле с силой охотницы, и невольно залюбовался ею, вместо того, чтобы вмешаться (всё ж не должна львица заступаться за льва, даже в такой ситуации!).

— Арртахмай, пусть твой рот молчит! Грррр, — зарычала молодая шамани.

— Ладно, ладно... Извинение для Айлиши... — неожиданно легко спасовали те. Видимо, к шамани здесь совершенно особое отношение.

Она подарила им еще оскал, потом продолжила путь.

Путь их пролегал вверх, по пологому холму; дул свежий ветер, а погода была чудной: ни холодно, ни жарко, очень приятно. Полдень. Айлиша шла молча, сосредоточившись на пути; Арсай же хотел с нею заговорить, но всё как-то не решался, ибо чувствовал за собой вину.

— Айлиша... Я пришел к тебе, — начал он вот так, потому что не знал, как начать, — и ты не подумай... Я просто без тебя не мог. Наверное, тебя накажут за то, что я пришел к тебе... Ну, без спроса. Я ж не думал, что поймают! Просто я думал о тебе день и ночь... Мне всё равно, я б лучше умер, но увидел тебя прежде. Я болен тобой, вот что.

Она смолчала на его слова, лишь посмотрела в сторону, наострив уши. Арсай от этого почувствовал себя еще хуже.

— Вот так. Мне еще сказали... в Хартланде... ладно, это неважно. Знаешь, я тобой бредил, и если бы не пришел, то сошел с ума... Ты прости, что наделал не-

приятностей. Кстати, ты тогда сказала, что я к тебе пришел, что ты приглашала меня... Спасибо, но не надо на себя такое брать! Ты что! Не поймут, накажут ведь... Твоя амарах... интересно, почему она сказала, что я свободный лев? Она солгала или действительно так подумала?.. Ладно, спасибо и ей. Ну, я вижу, ты со мной... не говоришь... извини. Я из любви, и только из нее.

Айлиша продолжала смотреть куда-то в сторону, где были ее сестры по прайду. «Так и есть, она злится на меня. Вот дурак... О чем ты думал?». Но вот Арсайд и Айлиша скрылись за холмом, они скрылись ото всех из виду, вот большой маленький горный баобаб, возле которого Арсайд и Айлиша идут, и их никто не видит.

Арсайд думал, чего бы еще такого сказать, как вдруг Айлиша, прижав уши, взволнованно сказала:

— Ах, ты!

И кинулась к нему. Арсайд в то мгновение не знал, из любви или ненависти она сделала это, но очень быстро всё понял. Всё произошло, как и прежде: она на него бросилась, будто изо всех сил, но на самом деле хотела поддаться; на этот раз чувств в ней было даже больше, чем много, потому они вместе перекатились по земле три раза, и Арсайд чуть не ударился о корень.

— Пришел ты! Ты пришел! — она яркой радостью смотрела на него.

— Да, — ему стало так легко и хорошо, что он вмиг позабыл всё остальное.

— Я ж говорю — ум потерял... — с восторгом смотрела Айлиша на Арсайд.

— Из-за тебя.

— Из-за меня? — будто очень удивившись, спросила она.

Арсайд кивнул:

— Из-за тебя.

Слова кончились, он поцеловал ее; какое это удивительное чувство — ощущать, что она только этого и ждала, когда слова иссякнут... И снова, как и тогда, она легко укусила его за шею, совсем легко, а потом поцеловала, словно извиняясь за свою страсть.

— И почему ты... Арсайд, не боялся ты?

— Неа, — тут же, без сомнения, ответил он.

Айлиша вздохнула от восхищения. Она боялась, что он это сделает, он придет, но и очень хотела этого.

— Ммм... Точно, безумный...

— Это из-за тебя. Я тебя люблю больше жизни.

Она, закрыв глаза, внимательно слушала всё, что он говорил.

— Я и так слишком долго шел...

— Еще... — Айлиша требовала слов: ей нравилось.

— Не было ничего лучшего в моей жизни, чем ты.

Она, как всегда, вцепилась когтями ему в плечо. Еще.

— Теперь всё позади... Айлиши, пошли со мной. Не иди назад в прайд. Побудь со мной, иначе случится со мной ужасное, я просто не смогу больше. Я так люблю тебя.

— Тогда Айлиша отдает тебе всю любовь.

— Не бойся, амарах тебя не накажет. Она поймет.

— Не накажет? — словно совсем маленькая, спросила она удивленным тоном.

— Нет, нет.

Совсем-совсем близко к его уху, лишь только для него, она тепло молвила сердцем:

— Айлиша пойдет. Айлиша за тобой...

**

Есть нечто восхитительное в любви с шамани. Она — необыкновенно чуткая, живая, любой штрих мысли или чувства она не упустит, в ней много эмоций и чувства; любовь, которую он давал ей, она тут же возвращала, но не только много больше, чем он мог представить, но и эта любовь приобретала краски: то яростные, то очень нежные. Иногда она вдруг убегала от него, чтобы не думать, что всё так просто и легко; и когда он ловил ее, то не отдавалась без отпора, о нет; а иногда Айлиша была так нежна и покорна, что ему всё казалось странным, очень живым сном, который никак не может отпустить, потому что так не бывает, ведь Арсай знает, что в жизни всё проще и глупее. Он даже поделился этой мыслью с нею, а она ответила, мурлыча на гриве:

— Арсая, жизнь и есть сон, не различай их; будь уверен в словах твоей шамани.

Он долго еще мысленно вслушивался в эхо слов «...твоей шамани», улавливая все оттенки чувства, что таилось в них; Айлиша поняла это, потому как умела понимать его лучше всех в мире, и еще раз сказала:

— Твоя шамани...

...чтобы любое сомнение в нем умерло. Он еще раз удивился ее чуткости и погладил по шерстке, чтобы отдать долг нежности, который не кончится никогда. Потом они вместе смотрели в звездную ночь наверху; шуршал дождь в листьях, который вдруг решил упасть за землю, но не сильно, а легко и тихо, словно знал, что здесь будут Арсай и Айлиша.

— Я видел, как они к тебе относились: с огромным уважением. О твоей ама-рах и говорить нечего, — вспомнил Арсай, как с ней общались остальные Саргали.

— Это потому, что у нас шамани прайду служат. Хотя знание и уводит нас в сторону, требует свободы, но мы приносим прайду клятву и не можем от нее отступить.

И она выдохнула ему на шею и внимательно глянула, чтобы он всерьез воспринял сказанное.

— Это может быть... неприятным... мучительным?

— Может, — кратко ответила Айлиша, лизнув его щеку.

— У нас тоже шамани служат прайду...

— Нет, они не так, как мы. Ваши могут уйти. Мы не можем. Мы — до конца.

— Почему?

— Так... — молвила она и еще раз лизнула его в щеку. Арсай раньше бы никогда не понял, но теперь он научился, и знал, что она просто не хочет об этом много говорить. — Таковы вещи.

Но всё же он решил задать последний вопрос:

— А разве нельзя стать первой, кто уйдет?

Он просто хотел знать о ней. Просто потому, что любит.

— Это невозможно, Арсая-намаи. Тогда ты будешь ненастоящей шамани, которая не держит слов. У такой шамани пропадет *ахмар*. А это самое плохое, что может быть.

— Айлиши, а что значит «намаи»? Я когда хочу тебя приласкать, то зову тебя «Айлиши». А это твой способ?

— Да. Это значит «близкий», «любимый», «мой».

— С древнего языка? — сразу же догадался Арсай. Он уже понял, что шамани любят древний язык.

— Да-да. Именно так, мой Арсай-намаи.

— А почему шамани так любят древний язык? Ой...

Ему просто попала капля дождя на нос. Айлиша тихонько засмеялась и слизнула ее.

— Ах, это просто, Арсая... Айлиша скажет тебе, что в одном слове кроется много значений, потому одним словом можно сказать всё, что желает твой лихмаай; в этом есть красота и смысл, ведь в мире всё так и есть — многозначно и неопределенно; потому он нам нравится.

— Отлично... Ты прекрасно всё объясняешь. Быть тебе, наверное, великой амарах.

— Не смущай Айлишу... — молвила она, мурлыча.

— А еще Айлиша до безумия красива, я просто влюбился в ее красоту и лихмаай...

Она молча слушала, легко кивая и слегка шевеля кончиком хвоста, сплетая его со своим хвостом, потому как каждой львице нужно нежное слово и комплимент.

— Вот... Потому шамани часто любят говорить разные слова на древнем. Арсай-намай, расскажи мне о себе. Просто, чтобы Айлиша знала.

Арсай иронично улыбнулся, будто его жизнь была совершенно недостойной всякого рассказа; пригладив шерстку ее шеи, молвил:

— А что рассказать? Лев прайда Регноран. У меня есть сестра и мама; отца я не знаю, мать о нем не любит говорить и всегда бросается, если я вздумаю завести разговор о нем. А так... У нас жизнь вполне обычная, ничем не примечательна... Наверное, судьба любит меня, ведь я встретил тебя тогда, там, у Гремящих скал.

— Ты рад этому? — она хотела услышать от него нежность.

Арсай улыбнулся

— Спрашиваешь... Это был мой момент. Момент всей жизни.

И лизнул ее нос, встретил поцелуй, чтобы она знала, какой это был момент.

— И чего вражда между Саргали и львами Союза? — спросил Арсай сам себя.

— Не знаю... Так повелось. Но мне всё равно. Айлиша отдаст тебе любовь, несмотря ни на что. А тем более на это. Мне неважно. Ведь лихмаай шамани...

— ...как небо в ночи, — продолжил Арсай, совсем не задумываясь.

Она изумилась, даже освободилась от его объятий, чтобы посмотреть в глаза, словно желая убедиться, что это он произнес.

— Как угадал ты? — блестели ее глаза.

— Не знаю... Так, сорвалось. Почувствовал, что ты хочешь мне сказать, — правдиво, безо всякой хитрости, ответил Арсай.

Она долго смотрела на него; он снова ощутил то же самое, как и много дней назад, будто земля уходит их под лап, а его самого куда-то уносит... Айлиша улыбнулась, потерлась щекой о его щеку, а потом снова легла на гриву.

— Вот как...

— Да, вот так.

— Значит, чувствуешь меня?

— Потому, что люблю...

Их диалог был странным и необычным, но лишь только потому, что они разговаривали не как обычно, но сердцем; слова теплом вливались в их уши, и не было никаких сомнений в смыслах и значении этих слов.

— Айлиши?

— Да?

— Почему твоя амарах решила спасти меня?

— Не знаю... Точнее, нет. Догадываюсь. Она знала всё обо мне. Потому сразу поняла, кто ты и зачем пришел. Она не хотела, чтобы я страдала, а тем более, чтобы ты погиб.

— Она узнала, что ты тогда со мной была?

— Да. Она сильна. Легко ей.

— Она ругала тебя?

— Нет. Лишь спросила, что это было.

— А ты что ответила?

— «Я люблю его».

— А она что?

— Ничего. Чувствую, ей это не к сердцу, весьма не нравится, хоть амахах знает, что не каждый может полюбить шамани. Редкость это.

— Но почему? — искренне изумился Арсай.

— Не ведает Айлиша. Таковы вещи.

— Если б эта природа вещей знала, что такое настоящая шамани в любви, она бы изменила мнение.

Айлиша громко засмеялась, от удовольствия и нежности лизнув его ухо. Еще она медленно-медленно вытягивала когти лапы, которая покоилась на его плече, а потом втягивала назад. Вообще, она умела делать много маленьких нежностей, которые, впрочем, были невероятно важны. Арсай всю старался подражать ей в этом.

— Айлиши, а кого ты тогда видела на Гремящих скалах?

— Не совсем понимаю... — посмотрела она в сторонку глазами, полными невинности.

— Ну, тогда, когда мы... в третий раз встретились. Я тебя повел на скалы. Кого ты там видела?

Он непроста задал этот вопрос. В прайде он тщательно всех расспрашивал, кто тогда был на Гремящих, но, по всему выходило, что никто; это страшно озаботило, потому что кто-то еще мог узнать об их тайне, кроме Матенрая, частично сестры и, возможно... Нейлы. Но Матенрай — лев и не предаст своего слова, сестра ничего толком не знает, а Нейла... хм... Нейла. А шамани Регноран не выдаст, тем более, что она тоже ничего особого не знает... наверное... «Проклятье...», — это Арсай впервые (что его самого невообразимо удивило!) за всё это время вспомнил о своем прайде и том, как будет оправдываться за отсутствие.

— Видела... — с явной неохотой ответила его любовь. — Видела.

— А кого, можешь сказать?

— Хвост чей-то. Не уверена. Не помню. Не знаю, — она чуть сильнее вытянула когти на его плече, чем обычно, и Арсай понял, что лучше не настаивать; а еще он чуть отвернулся, чтобы не заметила этого внезапного, кристально ясного понимания того, что тогда никого и не было на Гремящих, это были ее хитрость и обман от любви. «Теперь я всё понял», — довольно подумал он. От радости Арсай взял, обнял ее передними лапами да перекатил через себя и триумфально возвысился над нею (снова Айлиша внизу, а Арсай сверху — как тогда!), отчего Айлиша капризно и томно пожаловалась ему, что он был чуть слишком резок:

— Ай.

— Расскажи, как Найсара тебя учит, — из чистого любопытства спросил Арсай.

Она словно не решалась; Арсай уж думал, что ему знать этого нельзя, потому было решил поговорить о другом. Но внезапно она лишь на маленькое мгновение,

но опередила его, рассказывая серьезно и степенно, нисколько не пытаясь освободиться от объятий:

— Моя амарах не любит слов, давать объяснения тоже. Когда я стала ученицей, то у меня даже еще пятна не сошли. Она взяла меня в путешествие, тогда казалось оно мне... очень длинным, как жизнь. Мы пришли к роднику. Амарах велела мне попить воды из него, а потом сказать, что я чувствую. Я сказала, что ничего. Она велела еще раз, закрыв глаза; весь вид ее показывал, что родник этот особый. Я испила еще раз. Вода как вода. Амарах уже смотрела строго, она дала мне страх! Думала я, что это есть испытание, а я его пройти не могу! Честно ответила, что ничего не чувствую, потому как боялась дать ей ложь. Она велела еще раз попить. В меня прокрался ужас. В третий раз я со слезами ответила амарах, что это обычная вода, и укрылась от мира лапами, потому что была ни на что не годна...

— Ого, — только и молвил Арсай. — Но потом ты, наверное, почувствовала?

— А что Айлиша должна была почувствовать?

Он повел ушами и беспомощно уронил лапу на землю.

— Не знаю... Твоя же амарах говорила, что он особенный. Ну, я не пил из таких родников. Я же не шамани.

— Амарах не говорила, что он особенный, — строго молвила Айлиша, очень серьезно смотря на него.

Арсай запутался.

— Амарах подошла ко мне и обняла, дав мне слова: «Не ищи странного там, где его нет, и верь своим глазам, ушам и чувству, но не чужой болтовне, которая хочет повлиять на тебя. Ты должна отличать настоящее от лживого. Тогда ты будешь хорошей шамани. И уж тем более, что ты теперь знаешь, что не должна лгать амарах, потому как ее трудно обмануть, а смысла нет никакого», — Айлиша говорила эту речь с предельной четкостью, закрыв глаза и ни разу не запнувшись на слове; видимо, слова хорошо хранились в ее памяти.

— И что это было?

— Так амарах начала учить меня!

— Мда, с меня бы получился гнусный ученик. Я бы наврал такого, что она б опешила от моей наглости.

Вдруг она нечто вспомнила, да так, что забыла обо всём:

— Айлиша глупа. Айлиша глупа!

Она с досадой фыркнула.

— Что такое? — насторожился он.

— Нужно было тебе показать водопад На́хмэ-валáру! Нужно было туда идти, — она закрыла лапой глаза от досады.

— Что за... водопад?

— Ты никогда не смотрел на водопад?

— Нет.

— Оооо! — она еще раз закрыла лапой глаза. — Надо же... Это особый. Он — водопад для шамани, в нем только очень чистые души; говорят, после смерти душа шамани летит туда, чтобы сиять в лунном свете.

Арсай мало что понял, но образ был красивым.

— Так пойдем в следующий раз, — молвил он, внимательно смотря на ее, чтобы поймать понимание этих слов. Арсай боялся, что Айлиша снова скажет, что это их последняя встреча. Он очень боялся.

— Конечно пойдем! Вспомнишь за меня! Чтобы Айлиша не забыла, как в этот раз...

Вздых облегчения. Арсай даже закрыл глаза от удовольствия.

— А в нем действительно души шамани?

— Это зависит от твоего лихмаая. Как он хочет, так и будет. Никто не знает, каков мир на самом деле, и что ждет нас потом.

— Я думал, шамани знают.

— Нет-нет. Лишь познаешь этот мир и другие миры, но понимания всё меньше, а ощущение тайны — больше.

«Ох...», — подумал он. Такие вещи поражали.

— Айлиши, ты хотела пойти туда со мной?

— Да, хотела пойти... Но... Не расспрашивай! — она укусила его за ухо. Потом с деланной гордостью и даже обидой посмотрела в сторону, нервно теребя хвостом; Арсаю невообразимо нравилась эта ее игра.

— Хорошо... — сразу же согласился он.

Но в ней не удержались слова:

— Я хотела туда с тобой пойти. Много дней и ночей хотела.

— А, так ты раньше это придумала, — удивленно и весело заметил он.

— Молчи! Да. Айлиша мечтала об этом. Всё. Айлиша больше ничего тебе не скажет.

— А если Арсай будет настойчив?

— Тогда Арсай будет искусан.

Его очень насмешил этот диалог.

— Арсай-намаи, мне пора...

— Тебе уже пора домой?

Она поцеловала его.

— Да. Только ты меня снова не будешь отпускать.

— Не буду.

— Но я буду проситься.

— Хорошо.

— Ах, ты! Нэ, он только ждет! Ждет он только, чтобы Айлиша просилась! Так она не будет! — и Айлиша укусила его в шею, а потом этот укус плавно перетек в поцелуй.

Арсай только и подумал, что понять душу львицы, а уж тем более шамани — непосильная задача. Но от этой загадки и непредсказуемости он только больше любит ее.

— Надеюсь, амарах тебя наказывать не станет... или правитель прайда...

— Не волнуйся об этом. Но Айлише всё равно пора...

И Арсай, научившись ее ощущать, таки понял, что пора, и освободил от плена. Так они и сели друг против друга.

— Айлиши...

— Да?

— Закрой глаза.

Она доверчиво сделала это, и Арсай поцеловал ее, проводя правой лапой от ушей до ее плеча; от этого Айлиша утратила силу, вся сдалась и спряталась у него в гриве, а хвост пал к его левой лапе.

— Но мы очень скоро увидимся.

— Намаи, Айлиша будет ждать.

— Тогда нам нужно выяснить, когда встретимся в следующий раз, — Арсай, как лев, сразу перешел к делу.

— Да, должны мы условиться, где и как.

— Давай через... три дня возле входа в ущелье. Ты знаешь где вход в ущелье?

— Знает Айлиша. Но нет возможности, через три дня точно нет, будет она позже немного...

— Пять...

— Десять, Арсая. Это чтобы уверенность иметь. Ты... придешь?

— Приду. Что бы ни случилось — приду. Пусть мир погибнет — я приду.

Она мурлыкнула.

— Это будут ужасные десять дней, — вздохнул он.

— И для меня. Но не поделаться ничего: я должна быть в прайде. Но приду тоже. Это моя клятва крови для тебя, — она вдруг быстрым и уверенным движением, когтями правой лапы расцарапала себе левую, и ею провела по его щеке.

Арсай от этих слов на мгновение закрыл глаза, но потом тут же открыл, чтобы не думать об... этом: «...Я должна быть в прайде». Клятву же он принял без удивления — он привык к ее повадкам, которые нравились ему, как ничто в мире.

Потом он взял ее лапу, словно свою собственную, властно и уверенно (что ей втайне очень понравилось — она снова замурлыккала), и они начали вместе считать, как именно нужно понимать «десять дней». С этим днем или без? Это важно, ошибки в один день они не перенесут. Айлиша вытянула когти, Арсай считал их «один, два, три...», отмечая каждый день; наконец, они достигли понимания и согласия, когда именно: завтрашний день будет первым, а вечером десятого они встречаются у входа в ущелье. Айлиша встрепенулась и спросила, с какой стороны; Арсай ответил, что, естественно, со стороны Саргали, так как ей будет ближе; она было хотела возразить, мол, знает местность лучше, но он пресек эту попытку, и она с удовольствием покорилась в этой мелочи.

— Иду, Арсай. Пора мне. Мне пора... — наконец, она ускользнула, и снова тот самый странный жест, тот странный любящий оскал, и взгляд, а потом она исчезла в траве.

Арсай немного постоял, а потом пошел прочь, домой. Прошел сотню прыжков, понял, что страшно устал, потому залез в ближайшие кусты и там уснул.

**

По пути назад Арсай продумывал, что же будет говорить в прайде, если будут вопросы, но на самом деле это не слишком заботило. «Ничего. Вряд ли кто-то будет знать, что я ушел из Хартланда много раньше», — утешал он себя, справедливо полагая, что никто не будет обращать на это пристальное внимание. Был где-то — ну и ладно... Скажет, что ходил гулять. Ходил в прайд Иллари, к примеру. Ведь отец дренгира просил сделать это!

Так что домой подходил с радостью и истомой от дальнего путешествия, без всяких хмурых мыслей. Загодя прибыл по западной тропе, а не со стороны Гремящих скал, чтобы не вызывать подозрений и ненужных вопросов.

Но в прайде ждал неприятный сюрприз.

Первые же братья по прайду, которые попались по дороге, сразу направили его к дренгиру, который, оказывается, ждет его не дожидаясь. «Не к добру», — сжал зубы Арсай. Он не знал, да и не мог знать, что советник конунга после разговора с Арсаем немедленно сообщил самому конунгу, что, дескать, возле прайда Регноран всю бродят северняки, и оттуда даже специально пришел лев, чтобы разузнать побольше сведений перед разведкой их прайдов в горах. Видимо, регноранцы создают лишь видимость спокойствия, не желая тревожить конунга, но на самом деле там что-то происходит. Конунг Кигали знал, что Регноран — прайд, в котором без

приключений и сезона не пройдет, потому взволновался и немедля к регноранцам отправилась посыльная с вопросами.

В Регноран очень удивились, когда узнали, что от них приходил лев с именем Арсай («Да, такой у нас есть», — настороженно ответил дренгир Нгайллаар) с расспросами о том, где находится ближайший прайд северняков, как туда добраться, какие имена носят их прайды и такое прочее (Нгайллаар лишь обескуражено чесал подбородок), потому что возле Регноран крутятся северняки (Нгайллаар уже обеспокоился), посему, спрашивает конунг, не надо ли славному прайду Союза какой-либо помощи; заодно просьба к дренгиру Регноран докладывать любые сведения подобного рода как можно скорее, а не тянуть время. В ответ на всё это Нгайллаар лишь беспомощно открыл рот и теребил хвостом. Объяснить ситуацию попытался отец Нгайллара, который сказал, что велел Арсаю разузнать побольше новостей в Хартланде и, по возможности, в других прайдах; видимо, тот делает это чересчур рьяно, спрашивая о чем ни попадя. Возможно, на этом всё бы кончилось, если...

...если бы не Матенрай, который лишь волею глупой случайности почти полностью слышал этот вполне открытый разговор, неподалеку ожидая ярла Драмингарра (Матенрай должен был показать множество следов большой стаи шакалов на южной границе, и на них Драмингарр хотел взглянуть лично). Сначала он слушал без особого интереса, потом навострил уши, а потом не на шутку встревожился.

— Мой дренгир, я должен что-то сказать!

— Говори же.

— Догадываюсь, куда ушел Арсай...

Матенрай рассказал Нгайллаару о странной связи своего друга со севернякой. Матенрай хотел сохранить верность слову, но истинная ненависть к севернякам перевесила — слишком много мести в нем таилось за свой род. Заметив странное в Арсае, Матенрай еще тогда питал смутные подозрения и мысли, но опасался их, отгоняя прочь; теперь же они проявили себя всюю.

Матенрай был убедителен. Дренгира и его отца это обеспокоило; теперь Арсая ждали с большим нетерпением.

Никто не мешает их разговору, они наедине. Нгайллаар смотрит на молодого черногривого льва своего прайда, который спокоен и слегка мрачен, как и подобает серьезному льву. Лишь следы усталости и далекой дороги покрыли его. Он сидит в пещере дренгира, закинув лапу за лапу, и в его глазах нет страха. Нгайллаар усомнился... Но всё же!

— Арсай, где ты был?

— В Хартланде, — с достоинством ответил Арсай. — Где же еще, мой дренгир?

— В Хартланде?

— Да.

— А потом где?

— Что мой дренгир имеет в виду?

Нгайллаар прошелся туда-сюда по пещере.

— Куда ты потом пошел? Ты не был в Хартланде все эти дни. Так ведь?

— В прайд Иллари, — времени придумывать не было, и Арсай сказал то, что пришло в голову во время путешествия домой.

— Зачем?

— Отец моего дренгира просил узнать побольше новостей, зайти в другие прайды по возможности. Я, кстати, принес новости.

— Это потом. Видишь, есть сомнения, Арсай. Ты говоришь правду?

Небольшой миг, полный непонимания.

— Вполне, — уверенно молвил молодой лев, говоря очевиднейшую вещь.

— Будь тут.

Дренгир вышел из пещеры и распорядился:

— Посыльную ко мне...

Пришла Ахмая; но Ахмаю отправили назад, так как она — сестра Арсяя и не сможет выполнить этого задания. С тревогой посмотрев на брата, она удалилась. Пришла Ашасси́, вторая посыльная, которую дренгир отправил с важным поручением в прайд Иллари, чтобы узнать: был ли у них лев Арсай из Регноран в эти дни?

— Что ж, хорошо, Арсай. Если желаешь, можешь идти.

Он понял, что это всё, конец лжи; посомневавшись («Рассказать всё, как есть? Наврать? Оправдываться?»), решил твердо идти до конца, с поднятой головой навстречу всему. Что будет дальше? Арсай не знал.

— В чем меня подозревают? Я должен знать.

— Матенрай сообщил мне, что у тебя была связь со львицей из Больших гор. Теперь же стало известно, что ты расспрашивал о северняках в Хартланде, притом утверждая, что тебя послали именно за этим...

— Я...

— Не перебивать! Потом ты куда-то пропал из Хартланда. У меня появились опасения. Я сказал что-то не так? Что-то не верно? Поправь меня, — махнул лапой дренгир и сел.

Арсай вздохнул, тронул в задумчивости каменную стенку пещеры, провел по ней когтями, желая оставить след.

— Да, я видел львицу. Я просто отпустил ее, не желая убивать, когда встретил на границе. Вот и всё.

— Матенрай сказал, что ты восторгался ею и был не в себе.

Арсай ухмыльнулся.

— Он неправильно меня понял. Вообще... Вообще, почему Матенрай об этом вспомнил? Я уж давно забыл. Это было десять... пятнадцать... двадцать дней назад!

— Но потом ты постоянно обходил по собственному желанию Гремящие, вопреки запрету Драмингарра на внеочередные обходы. Мне сказали об этом.

— Я проиграл спор Мазару, — нашелся Арсай.

— Зачем ты спрашивал о северняках в Хартланде? Ты этим даже конунга обеспокоил! Это роняет честь нашего прайда! Это лишнее беспокойство, к нам даже посыльная приходила.

— Хотел узнать обо всём, — невозмутимо молвил Арсай. — Ведь я же поймал ту севернячку. Это что-то да значит. Решил всё разузнать, вдруг... пригодится.

Нгайлар посмотрел на него с недоверием, повел ушами.

— Почему не сообщил ярлу? Почему не сообщил мне?

У Арсяя не было ответа.

— Не знаю.

— Хорошо. Ты сын Регноран, Арсай, и я должен верить тебе. Но также должен проверить. Завтра утром мы узнаем ответ Иллари.

В подтверждение своих слов глава прайда властно уронил лапу на холодный камень пещеры, словно вынося вердикт. Это расставит всё по местам. Он внимательно смотрел на Арсяя, ожидая беспокойства... Но такого не было. «А может, все подозрения глупы?», — подумал дренгир.

— Дренгир хочет услышать новости? — неожиданно предложил тот.

— Да, — кивнул Нгайлар.

И Арсай спокойно рассказал всё, что узнал в Хартланде, будто ничего не произошло, не роняя духа, но предчувствуя обреченность.

**

Арсай не успел хорошо всё обдумать после разговора с дренгиром, как его позвали назад.

Отец дренгира, Мавату, настоял на том, чтобы шамани прайда поговорила с Арсаем; Нгайлар сначала не хотел этого, потому как не особо доверял шамани, считая, что они полезны лишь как целители, а всё остальное — заносчивая чепуха и сказки для львят. Он не верил шамани; кроме того, Нейла ему не нравилась, он не любил ее. Будь его полная воля, он бы вообще изгнал эту странную львицу из прайда. Но сделать это Нгайлар не мог, потому приходилось терпеть ее, благо, это было нетрудно, потому как та вообще не вмешивалась в дела дренгира, не предлагая ни своей помощи, ни совета — жила своим. Но отец упорно настаивал. И сын уступил, не желая перечить, решив, что нужно потакать причудам родителей.

Пришла Нейла, вместе с нею пришли ученицы — Юмлаани и Силлази. Мавату без предисловий, тыкнув в Арсая лапой, молвил:

— Он, значит, говорит, что был в Иллари и не имел никаких связей со северняками. Нейла, что можешь сказать?

«Она увидит... Она поймет. Нейла, хорошая! Выручи... Я не враг своему прайду, никогда. Я лишь люблю ее. Лишь люблю, больше ничего».

Шамани без эмоций посмотрела на Арсая, словно тот был камнем или деревом, и спросила, не отрывая взгляда:

— А что мне следует сказать?

— Ну... значит, не врет ли он, — молвил Мавату, слегка недоумевая.

— Я не могу этого знать.

— Это, значит, почему же?

— Не вижу.

— Отец... — скучно протянул Нгайлар. — Брось ты это...

— Нет, просто Нейла всегда мне так помогала, всегда, а тут, значит... — словно оправдывался Мавату.

«Нейла, я тебя расцелую...», — облегчение теплом разлилось по груди Арсая. — «Проклятье, она всё поняла; не знаю, что именно поняла... но... всё поняла!».

— Но почему не видишь?

— Не вижу, не могу ничего. Старая стала, — раздраженно сказала шамани, прижав уши. — Идите!

Это она бросила ученицам, и они спешно ушли.

— Что ж... Нейла... Не можешь ничего сказать?

— Нет.

— Хорошо, нет так нет, — поспешил со словами дренгир. — Но всё равно спасибо.

— Пожалуйста.

Когда Нейла ушла, Нгайлар молвил:

— Ладно, извини, Арсай. Завтра мы убедимся, что ты был в Иллари, и всё станет на свое место. Кажется, я погорячился.

Арсай скорчил гримасу недовольства и его отпустили с миром. Конечно, завтра посыльная придет с новостью, что Арсая в Иллари не было; но он не слишком

боялся этого, так как приготовил отговорку: его просто не заметили или забыли, вот и всё. Он верил, что всё уладится.

А с Матенраем они встретились у водооя вечером.

— Тенрай, а Тенрай. Всё нормально?

— А всё чудесно, — лев перестал пить и с вызовом смотрел на Арсая. Вода щедро текла у него по подбородку и гриве.

— Зачем?..

Между ними была Лассиши. Она всю делала вид, что лишь пьет, и не слушает разговор самцов, но на самом деле ухо держала востро.

— Ты хочешь сказать, что и у тебя всё нормально, да? Ничего не мешает вот здесь, — Матенрай постучал по груди, — нет?

— Ты нарушил слово.

— А тебе на свой прайд, значит, можно плюнуть?

— Когда я такое сделал? — разозлился Арсай.

— Арсай, ты сам прекрасно всё знаешь. Давай, скажи, что это не так, ну!

— Я уже ничего не скажу, потому что у тебя нет слова.

— Ага. Уж я не буду говорить о твоих поступках.

— О каких поступках? — Арсай сделал шаг вперед.

Матенрай глянул на Лассиши, словно сомневаясь, говорить при ней или нет.

— Арсай, ты знаешь, и я знаю, что завтра скажет посыльная. Ты не был в Иллари.

— А где я был, по-твоему? — Арсай решил идти во лжи до конца.

— У них. У нее. Ты был там. Ты ступил на их грязную землю и еще не знаю чего там делал, но ты уже весь в их грязи! И это мой друг и сын Регноран! — вошел в кураж Матенрай, причем истинный, не деланный. Его искренняя ненависть к севернякам была безграничной.

Арсай был более-менее спокоен, но это добило его терпение.

— Ой-ой, погодите, горячие головы, постойте, — Лассиши знала, что делать, потому попросту бросилась на Арсая и повисла на нем.

— Это почему ты так уверен, что я делал?!

— Да я видел, что ты сам не свой ходил в те дни! Знаю, о чем спрашивал в Хартланде. Я помню, как ты рассказывал об этой...

— Только попробуй криво сказать о ней!

— Ага, вот оно!

— Тихо-тихо, всё хорошо, — Лассиши не давала ступить шагу и торопливо говорила Арсаю: — Всё хорошо, всё отлично, не надо ругаться.

Они постояли, рыча, а потом разошлись в разные стороны.

— Матенрай меня сдал... зачем он меня сдал... мы же были лучшие друзья... — жаловался сестре Арсай, не в состоянии уснуть. — Как так?

Ахмая дождалась, когда брат выговорится, а потом с готовностью положила лапу на его.

— Ты не понимаешь. Я тебе не хотела говорить... Но это уже все знают. Матенрай всегда ревновал Замири, всегда хотел ее. Потому теперь и делает тебе подлости! Я всё знаю! Мне уже рассказали. Раскрыл свою пасть дренгиру, мол, ты не был в Иллари, а пошел к севернякам! Что ты связался с ними, с какой-то львицей оттуда! Бред какой! В него никто не поверит, не переживай...

Но Арсай ведь знал, что подозрения имеют под собой почву. Потому чувствовал себя в странном и неловком положении.

— Я даже не о том. Я по секрету поведал ему кое-что, и это кое-что он не должен был рассказывать. Потому что дал слово.

— А что именно? Ты сестре не веришь, а вон ему — веришь... — Ахмая действительно обиделась, много сильнее, чем прежде.

Брат с любовью посмотрел на нее. Он дрогнул... Может, всё рассказать? Но нет... Нет. В ней не удержится. Она проговорится. Матери — точно. Мама будет переживать. Нет. Нельзя...

— Понимаешь... Я действительно тогда встретил севернячку на границе, но не убил ее, а отпустил. Об этом не доложил Дrame и Нгайллари, а лишь рассказал Матенраю, просто так, ради интереса, и просил его молчать, потому как меня не поглядят по гриве за то, что отпустил врага. Короче, дело было пустяковое, пустяк... — его голос дрогнул. — А вот теперь он всё рассказал дренгиру и придумал... мол, я пошел к севернякам... Завтра вернется посыльная и может сказать, что я не был в Иллари. Да я там был всего день! Может, их дренгиру забыли доложить обо мне? Может, обо мне вообще забыли, как я звался? Да мало ли! А тут скажут, что...

Арсай чувствовал себя отвратительно, поскольку вынужден был стать скользким, как змея, извиваться подобно ей. Лев — это прямота и твердое слово, а не ложь и выдумки. Но выхода другого он не видел.

— Мы за тебя станем, Арсай! Вообще это ни в какую пасть не лезет! Чтобы ты, чтобы тебя?! — горячо убеждала его сестра. — Он тебе завидует, ревнует Замири. Она ведь любит тебя, а когда ты ушел, так вообще не могла себе места найти... Не думала, что Матенрай на такое способен!

Арсай скребнул когтями землю, перевел дыхание. Задумался, осмотрелся вокруг: слева Главные скалы, справа — в зарослях силуэты львиц, и всё это освещено вечерним солнцем, пробившимся сквозь тучи. Сейчас упадет дождь. «Снова мокнуть», — подумал он.

— Кстати... где Замири? Я ее не видел.

— Ушла на длинную охоту. На юг, — Ахмая отошла от праведной ярости за брата и продолжила вылизывать лапу. Все львицы любят чистоту, но у Ахмаи она возведена в абсолют: умыться и привести себя в порядок сестра может очень долго, никогда не оставаясь довольной результатом.

— С кем? — удивился он.

— Сама. Их пятеро пошло. Кстати, шерсть у меня взъерошена на спине?

— Нет, — быстро ответил он. — Говоришь, пошла на длинную...

— Да. Мазару тоже пошел. Замири сказала: «Как Арсай придет из Хартланда, так пусть и приходит к нам». Так и сказала! — посмотрела на него сестра, выразительно поблескивая глазами, мол, вот тебе добыча, хватай ее.

— Аааа...

— Знаешь, Арсай, иди к ним, — продолжив вылизывать лапу, молвила сестра.

— А куда именно они ушли?

— Говорю же, на юг. К угодьям Делванни. Как раз сезон для зебр, а там их малая тропа. Уж повезло делваннийцам! Добыча сама в рот прыгает! И я всегда...

Ахмая, прервав себя на полуслове, обеспокоенно посмотрела на него, заметив неладное; это часто бывает со сестрами и матерями.

— Ты исхудал... Тебя что, не кормили в этом Хартланде? Вот жадные-то, а ты ведь гостем был! Так. На длинную охоту тебе обязательно надо пойти.

— Кормили меня, кормили... — безразлично молвил Арсай.

— Так пойдешь? Завтра же иди!

— Пойду... Дней на... семь-восемь, — посчитал он в уме. Ведь десятый день нельзя упустить, тогда он снова станет жить. Айлиша...

Он уснул, думая о ней и о своей лжи.

**

Поутру Арсай сразу же, спросонья, узнал новости от Ахмаи:

— Вставай! Тебя дренгир вызывает. Вот видишь, говорила я тебе! — улыбалась сестра. — Илларицы не забыли тебя.

— То есть? — уставился он, застыв.

— Пришла Ашасси на рассвете. Видишь, как спешила. Я себе представляю, в Иллари и назад за полдня и ночь... Спит, наверное, без лап. Зря только гнали!

— А... что... что ей там сказали?

Она в шутку потеряла ему нос, отчего Арсай чихнул.

— Не сказали. Принесла она сообщение. В нем такое: «Такой лев был, узнавал новости, общался с новой шамани прайда. Тамалу, прайд Иллари». Сама видела. Дренгир Иллари любит краткость, — засмеялась Ахмая.

Он мгновение смотрел на сестру безумными глазами, а потом сорвался и начал ходить кругами.

— Ну чего ты... Пошли к Нгайллари, ну!

— Ага. Ага...

Так и есть. По приходу Арсай принял многочисленные извинения от дренгира и его отца, увидел то самое сообщение, начертанное на листе хум черным соком хирайи (понимать знаки Арсай не умел, но всё равно взглянул); он не мог скрыть изумления, которое остальные приняли за выражение несправедливо униженного достоинства, потому дренгир еще раз заверил его, что совершил глупость.

— С моей стороны, Арсай, было крайне глупо думать о тебе плохо...

— Честь, мой дренгир. Я нисколько не обижен, — бесцветно молвил Арсай, думая о другом.

— Честь, Арсай. Ах, да, погоди. Можешь отправляться на длинную охоту возле Делванни хоть сейчас. Мне сообщили, что тебя там ждут, — взмахнув хвостом, Нгайллар особо выделил это «ждут».

— Хорошо, мой дренгир.

«Как? Как?! Я не был в Иллари! Духу там моего не было! Так, так. Думай. Вот как получается: «...узнавал новости, общался с новой шамани...». Но этого ведь не было! Но...».

— Аааа... Ха... Мда... — внезапно Арсай остановился, всё ясно понял, абсолютно ясно и полно. Это работа Юласси. Это она помогла, неведомо каким способом убедив дренгира Иллари, но помогла. И это «...общался с новой шамани прайда...» было там не случайно, нет-нет, Арсай догадался, уловил это. Это был ее знак для него, чтоб Арсай понял, почему и как судьба улыбнулась ему. Это был жест, добрая воля Юласси, которая еще тогда, там, в Хартланде, решила помочь ему; а Арсай уже знал, что шамани принимают ответственность за решения и идут в стремлениях до конца, каким бы он ни был.

Всё было почти так, как и думал Арсай. Правда, на самом деле, Юласси не пришлось прибегать к некоей хитрости или долгим упрашиваниям. Нет, вовсе нет. Она была на очень короткой лапе с Тамалу, он верил ей безгранично и, по правде сказать, находился под ее сильным влиянием. Умная Юласси сразу поняла, что к чему, хорошо запомнив Арсая, и легко убедила дренгира Иллари солгать в сообщении. Она совершенно случайно узнала, по какому делу пришла Ашасси из Регноран, оказавшись в нужное время в нужном месте. В этом у Юласси был талант.

— Ты думаешь, следует это сделать? — спросил ее Тамалу.

Юласси уверенно кивнула.

— Несомненно.

— Но почему?

— Иначе у этого льва из Регноран будут огромные неприятности. На самом деле он — пленник обстоятельств. Я знаю его, мы общались в Хартланде.

— Сообщить, что он у нас был?

— Да. Это очень ему поможет.

— Хорошо, — Тамалу без особых раздумий сделал, как советовали. Он знал, что с Юласси он не промахнется в любом решении, каким бы оно глупым ни казалось.

«Какие удивительные вещи могут случаться на этом свете...», — Арсай улыбался во все зубы. Он решил немедля идти на юг, на длинную охоту, и отправился уладить кой-какие дела и сказать всем, кому сможет, «До свидания!».

— Арсай! — раздался голос Матенрая.

Он обернулся. Друг подошел к нему и заговорил:

— Прости, друг. Я уже слышал о сообщении. Я не знаю, что на меня нашло. Пойми, я просто...

— Ладно, забыли, — широкая душа Арсая легко теряла в себе обиды. — Я сейчас иду на длинную охоту, возле Делванни.

Друг был очень рад, что всё так легко и быстро уладилось, и очень оживился.

— О! Отлично. Нгайлар разрешил?

— Да, он сказал мне идти.

— Ого... Знаю, что Замири туда пошла сама.

Матенрай это не просто знал, а знал очень хорошо. Потому как тайком предложил ей свою компанию; в этом было нечто унижительное: это львы приглашают львиц пойти, но не иначе. А так получалось, что Матенрай навязывается Замири. Она отказалась, пошла без пары пятой в небольшой группе, рассчитывая, что Арсай придет позже. Его доброе безразличие лишь дразнило; ею овладел азарт. То, что она ушла в одиночестве, было более чем явным знаком, предназначенным для Арсая, и только для него. Это граничило даже с глупостью и самоунижением, так говорили подруги («Возьми кого-то! Он заревнует!»); но она пошла на это, втайне надеясь, что Арсай поймет, оценит и придет. Ахмая — подруга Замири, и, конечно, она попросила сестру Арсая как-то напомнить ему по возвращении, что нелишне бы сходить на постой возле Делванни, а тем более, там Замири, совсем одна, и ей, верно, грустно самой...

— Да.

— Удачи тебе там, — пожелал Матенрай, дотронувшись к его плечу. Он никак не выдал чувств.

Арсай обнял друга.

— На самом деле, Генрай, всё не так просто. Всё сложнее... Когда пройдет время, я тебе расскажу, как было, и ты будешь смеяться... — молвил ему на ухо.

Отстранившись, увидел ожидаемое легкое недоумение.

— Ладно. Когда вернусь, устроим хороший бой. Давно я не был в деле.

— Договорились. Ну, держись, — Матенрай не стал тянуть слова за хвост и расспрашивать. — Доброй охоты.

— Давай.

Когда Арсай уже был в пути, то подумал, что нужно было отправить Матенрая. Ведь ему лично Замири неинтересна. Зачем ее зря мучить? Арсай идет просто развеяться, не желая сидеть в прайде. Развеяться, обдумать всё... Но если Замири неинтересна, то как тогда? Что в будущем? Как будет с Айлишей?

«Неважно. Всё равно. Как-нибудь да будет. Не может быть так, чтоб никак не было. Надо убеждать ее... Нужно убедить ее уйти от Менаи, хотя это будет очень

больно... Имею ли право? Не знаю... ей решать. Пусть решает, имею ли право забрать ее. Вот, даже спрошу следующий раз. И, если да, то приведу ее в прайд! Будь что будет! Скажем, что она — свободная львица-шамани. Прямо как та Юласси из Морлая. Похожа на львицу из Больших гор? Папа был таким. Или мать. Что-нибудь придумается... Правда, Айлиша твердила, что верна прайду, что нет для нее иной судьбы... И Юласси так говорила. Ничего. Я попробую. Не ошибается и не терпит неудачу тот, кто ничего не делает».

Сильный порыв ветра всколыхнул травы саванны и его гриву, в ноздри ударил старый запах шакалов. Видимо, это те самые, что начали здесь сновать. Арсай прервал свои размышления и оперся передними лапами о дерево, чтобы получше всё рассмотреть.

Потом он подумал о том, что можно и убежать вдвоем в Большой мир, но сразу осекся, и мысль угасла; ведь Арсай знал наперед — такого никогда не случится; слишком уж трудной будет жизнь для них и... их детей... Нет-нет. Забрать ее в прайд, к себе. Будет больно, но любовь и боль ходят рядом, потому нет выбора для них, если они желают взять одну судьбу.

Арсай не без труда нашел своих, как раз тогда, когда они предавались дневной дреме, греясь в мягких лучах солнца сезона дождей. Здесь, на постое, были: Мазару и Лассиши, Санжай и Линаль, одинокая Замири. Замири была удивлена, весьма удивлена, когда он пришел, причем приятно. Не питая особых надежд на приход Арсая, она всё равно ждала его, как ждут тихого чуда.

Жизнь здесь простая и легкая: много добычи и много безделья. Для Арсая сейчас это то, что нужно. Никаких забот, никакого прайда, только он и мысли — отличный способ скоротать долгие дни до встречи с Айлишей.

Но всё оказалось сложнее. От самого начала Арсай заметил, что Замири иная, не такая, как в прайде; он это предполагал, но не ожидал именно такой, весьма сильной перемены. Теперь не было никакой легкой обыденной интриги и флирта, обычных для нее укоров и неважного настроения, странных обид. Она стала более степенной, мягкой и податливой, всем видом демонстрируя Арсаю, что она — легкая добыча и покорная львица, которая может стать славной парой. Замири совсем нечаянно дотрагивалась к лапе Арсая, а хвостом — к его плечу; бросала взгляды, легкие улыбки; даже кормила во время совместной трапезы; оказывалась там, где был он; ходила с ним попить. И почти всегда на ней отображались истинные недоумение и досада, потому что Арсай был обычен, весьма холоден, просто вежлив, словно не пришел к ней, а просто так, прогуляться. Не понимая происходящего, она всё же терпеливо продолжала попытки привлечь его, хотя гордость львицы рычала вовсю, что границы нарушены, и с нее хватит.

Но Арсай ей нужен, потому что ее время пришло — она должна быть вместе со львом, и он ей нравился; да и выбора, как ни крути хвостом, особо-то и нет. Замири понимала, что всё шло к этому, просто раньше она показывала строптивость и характер; но не могла уловить, почему этой очевидности не может понять Арсай, почему он так странно безразличен. Ему и самому было неудобно и неловко, ведь его приход всё-таки да что-то значил, хотя он действительно пришел лишь отдохнуть. Замири не была неприятна, он питал к ней то особое доброе чувство, какое питаешь к любой душе, которую любил. Но ее старания для него были несвоевременны. Арсай сводил всё к шутке и обыденности.

На третий день Замири, закрыв глаза, вылизывала лапу рядом с ним, делая это много более томно и медленно, чем обычно. Стоял душный облачный полдень; Арсай думал о том, что им нужно уйти в другое место, так как под их деревьями слишком много муравьев. Перед этим Замири мило болтала с ним; он почти не за-

помнил этой беседы, хотя в ней и прошло всё утро. Говорила преимущественно она, что-то об охоте и некоей новой склоке между дренгиром и хозяйками охоты; он слушал краешком уха, иногда кивал и поддакивал; она же, стараясь думать о лучшем, посчитала, что Арсай просто умеет хорошо слушать, не перебивая.

Она вдруг перестала вылизывать лапу, потянулась, перевернулась, оказавшись почти что у его лап. Сама. Безо всякого труда с его стороны.

— Арсай... Пойдем на прогулку, — мурлыкнула Замири, даже не спрашивая, а предлагая. Видимо, ей пришлось убить гордость, как зебру.

И очень игриво и легко дотронулась к его плечу.

Арсаю в этот раз сыграть безразличного дурака было труднее; он испытал смесь стыда за себя и нежности с ней. Всё же она полагает, что он пришел к ней, что они станут парой, как и должно быть, дадут клятву, и у них будут дети; и если бы не Айлиша в его жизни, то так и было бы... Почему нет. Замири хороша.

— Спасибо, давай потом. Я спать пойду.

На этот раз истинная обида пронзила ее. Она больше так не могла.

— Я что, добиваться тебя должна? — с обидой спросила она.

— Почему... Нет.

— А ты вообще мной не интересуешься! — Замири говорит уже громче, в глазах — истинное непонимание.

— Замири... — он старался примириться с нею, не желая этого разговора.

— Тогда зачем пришел? Что тут делаешь?

— Честно? Совсем честно? Я просто в прайде не хотел сидеть.

Замири встала, повернулась в нему хвостом. Потом проделала небольшой круг.

— Кто у тебя? Кто она? — внимательно смотрела она на Арсяя. — Откуда она?

— Ты ее не знаешь.

— Ах, вот как... Ну, так откуда она?

Арсай покачал головой и отвернулся.

— Не могу сказать.

— Ах, вот как! Ах... вот так... Тогда... уходи! Зачем пришел?

— Я ж говорил.

— Врешь ты всё, никого у тебя нет!

— Пусть будет так.

— Она не из нашего прайда, — утвердительно молвила Замири, поедая его глазами. — Хартланд? Иллари?

— Замири, ты ее не знаешь, я не могу тебе сказать.

— Она свободная? Чужая кровь? — смешливо спросила она вместе с глубокой обидой; он променял ее, львицу Регноран, львицу хорошей крови, на никому не известную чужую.

— Нет.

— Тогда кто она? — Замири уже готова выцарапать этой незнакомке глаза и невольно сорвалась на рык.

— Может, ты увидишь ее... в свое время. Поклянись, что не будешь причинять ей вреда.

— Ха, поклянись! Нужна она мне! Очень нужна! Значит, чужая?!

Он не ответил. Замири перевела дыхание, потом обессилено села. Арсай ждал всего, но не ждал услышать ее робкого вопроса:

— Чем я не понравилась тебе?..

Попытался к ней притронуться, успокоить, но Замири отбила его лапу, да больно.

— Да с тобой всё хорошо, просто...

— Я думала, что ты и я... Всё же! Ведь я знаю, что ты одиночкой быть не хочешь. Думала, мы с тобой будем вместе. Ведь пора уже думать, задуматься. Я думала, ты будешь...

— Замири...

— Я думала, ты меня захочешь. Ведь ты любил меня. Любил ведь?

Арсай сидел с робостью, не находя речи; ее взгляд был полон разрушенной надежды.

— Да, любил, но мы были малы. Просто всё изменилось. Произошло очень многое, — еще раз оправдался он.

Она сказала с медленностью ожесточения:

— Ведь это... ну должно случиться! Я и ты, в одном прайде, хорошей крови, никто не против, все довольны, всё отлично, всё подходит!

Арсай впервые и вполне почувствовал вину и глупость того, что пошел сюда.

— Нужно было идти Матенраю, я ему говорил, — задумчиво и печально протянул он.

Замири вспыхнула истинной злобой:

— А что мне Матенрай, толку с него! Не хочу я его! Он глупец и лев без гордости, терпеть не могу таких! — она нервно забила хвостом и прижала уши. Уж точно он ей не нравился.

— Это почему же? — Арсай был уязвлен за друга.

— А ты послушай: приходит ко мне: «Замири, я слышал, ты идешь в длинную охоту сама, может, пойти с тобой?», — тоненьким голоском передразнивала Замири его слова. — И это за хвостом лучшего друга — тебя, пока ты в Хартланде! Фу!

«Да, можно вынести ненависть и ревность львицы... Но презрение львицы — убийственная вещь», — подумал Арсай.

Вдруг она легла, спряталась от мира лапой и так успокоилась. Арсай думал, что всё как-нибудь, да кончено, но заметил ее неровное дыхание. Он подошел вплотную — так и было: она плакала от обиды, искренне, без фальши и игры, которая уже была ни к чему. Это была слабость Арсая: он с детства слабел, таял перед грустью и слезами любой львицы, ему немедленно хотелось всячески утешить и успокоить.

— Замири...

— Уходи! — оттолкнула его лапой.

— Послушай меня.

— Не буду! — еще раз оттолкнула.

Лег возле нее и начал говорить на ухо:

— Очень много изменилось, Замири. Ты пойми: я сделал большую ошибку, что пришел сюда. Я не думал, что всё так... Прости.

— Прощаю. Иди, — и сейчас Замири знала, как придать словам противоположный смысл.

— Нет, нет... Видишь...

— Да хватит лгать. Не нравлюсь я тебе. Тебе нравится она. Видимо, она лучше.

— Я просто люблю ее.

Они долго молчали, тишина лишь прерывалась ее беззвучными и тяжелыми всхлипываниями.

— А что мне делать?.. Это же всё, Арсай. Я останусь сама, — вдруг сказала она; это не было действием на жалость — Замири на самом деле испугалась такой грустной жизни.

— Почему сама? Как так — сама?

— А что ты думал... На облаках живем? В прайде больше никого нет. Все заняты или не подходят. Лишь твой Матенрай остался. Но я лучше умру, чем буду с ним. Придется быть вот такой, ничьей... сам понимаешь... И никто не спросит тебя, чьи твои дети, потому как всем всё понятно.

Она вдруг посмотрела на него, мордочка ее была вся мокрая от слез.

— А может, тоже найти себе свободного? — сказала с напускной истеричной веселостью. Сказано — сделано: Замири встала и выскочила на старый пенёк неподалеку.

— Эй, львы! Все, кто хотите! Я здесь!

— Да тише ты... Уймись.

— Не тебе меня останавливать! Тебе всё равно! — зарычала на него. Потом снова обратилась к горизонту: — Отдамся в добрые ла...

Он подскочил к ней и бесцеремонно сгреб, чуть не задушив в больших лапах. Сопротивления не было, напротив, Замири была податливой, мягкой и слабой. Сердце дрогнуло, стало очень жаль ее, жалость и нежность смешались в нем. В чем-то судьба весьма жестока с нею... Хотелось приласкать ее, но Арсай знал, что от жалости не стоит это делать, лишь от любви и страсти.

— Прости, что пришел... Прости. Я знаю, что для тебя это был знак. Я глупец. Но пойми меня. В моей жизни появилась такая любовь, что я... я не знаю, как тебе рассказать... Это сильнее меня, много сильнее. Я абсолютно слепо люблю, брежу ею, понимаешь?.. Я отдал ей свой лихмаай, без остатка, я в плену у нее, обожаю этот плен... Не стоило тебе говорить. Прости. Наверное, ты возненавидишь меня. Любовь и ненависть — они рядом.

— Что-что отдал? — тихо спросила она и вдруг чихнула от слез.

— Ну... Так...

Замири мгновение покоилась в его объятиях, потом отстранилась, не резко, но с той силой и решимостью, что стало ясно — она сделала это не для того, чтобы ее еще раз поймали, а для того, чтобы уйти. Отряхнулась, умылась, еще раз отряхнулась. Подобрав хвост под себя, молвила:

— По крайней мере, ты честен. Буду ненавидеть тебя всю жизнь. И уважать.

Какая-то птичка, всполошившись, шумно вылетела из ближайших кустов. Арсай и Замири проводили ее взглядом, а потом львица, не дав ему сказать слова на прощание, затрусила прочь, влача хвост по траве.

— Проклятье. Глупо вышло... — тихо молвил он для себя.

Вечером Замири не пришла. Арсай взволновался, даже хотел отправиться на поиски, но Линаль не без укора сообщила ему, что та ушла назад, в прайд. Он, немного подумав, остался, хотя никакого удовольствия от пребывания здесь не испытывал. С Мазару и Санжаем они переговорили уже всё, что только можно, развлечений, кроме сна и охоты, не было никаких. Но Арсай предпочел остаться, так как в прайде будет еще хуже. Пусть Замири не видит его и успокоится. Время излечит ее. Он не может ей врать. А тем более, не может обманывать Айлишу: она увидит.

Ведь его Айлиша — шамани.

**

Эти сны... Арсаю уже третью ночь снились живые, реальные, наполненные некоей странной одержимостью сны. В них он что-то искал, терял, находил, потом снова терял и бросался в поиски, куда-то стремился и чего-то хотел; картины быстро сменяли друг друга, но всегда были наполнены красотой, безбрежностью и размахом эмоций; Арсай по пробуждении не помнил содержания, но помнил отдельные картины: вершины нереально высоких гор на фоне нереального неба; вода, бескрайние озера воды, иногда чистая, иногда черная, темнее ночи; и снова то самое томное чувство полета. Сны были пугающе реальны, он никогда бы не поверил в такую странную реальность сна, но так было; приходилось лишь ошалело оглядываться после пробуждения, чтобы убедиться: ты снова Арсай, и снова спишь на южных угодьях недалеко от прайда Делванни.

Днем лишь удивлялся, как мало знает о мире и его силах.

Айлиши во снах не было, но Арсай неглуп, он чувствует, что это связано с нею. Нужно будет спросить.

Этим утром встал, потянулся, потом еще раз слег, заметив, что все спят. Он посмотрел на Мазару. «Вот спит, прям без задних лап», — подумал Арсай. Тот всегда спал, плотно свернувшись и уткнув морду под лапы. Это из детства: его совершенно случайно нашли львицы, которые шли нарвать листьев дерева хум для прайда; нашли его продрогшим от дождя, страха и тоски. Невероятно удивившись жестокости неизвестной матери, львицы забрали его. Мать Мазару не помнил, запомнил лишь, что она хромала на переднюю лапу; иногда безо всякого смущения рассказывал о чувстве безумного одиночества, которое тогда испытал и страшно злился, если его перебивали в этом рассказе, хотя злиться и раздражаться вообще не в его характере — он добрый, слегка бестолковый и непутевый, но покладистый.

Арсай глядел на него и думал о своем, как вдруг Мазару открыл глаз и посмотрел на него, словно совсем не спал.

— Ты что, не спал? — спросил Арсай.

— Неа. Так, дремал.

— А я думал, что спал.

— Поспишь тут. Сел и таращится.

— Да я говорю: думал, что ты спал...

— Как я могу уснуть, если ты сидишь и смотришь? — начал говорить настолько громко, насколько позволял сон Лассиши, которая мирно отдыхала подле него.

Мазару кем-то создан для Лассиши. С ней никто другой бы просто не ужился, никто не вытерпел. Эта молодая львица — склочная, злобная, склонная к зависти и интригам, своекорыстная и болезненно эгоистичная. Так же эгоистично и рьяно она полюбила Мазару, который безмятежно сносил все ее недостатки.

— Ай, ты надоел, — Арсай закончил бесполезный разговор.

— Сам такой.

Мазару засмеялся первым.

— С добрым утром, называется.

— Доброе утро.

— Что делать-то будем сегодня? — зевнул Мазару и получил бесцеремонный толчок в бок — это Лассиши так просила не шуметь.

— Не знаю... Я пойду домой, — молвил Арсай, совершенно неожиданно для себя, словно вместо него слова сказал кто иной.

— Почему? Ты хотел завтра или послезавтра уйти.

Это был шестой по счету день для Арсая, который пройдет, потом следующий, потом еще один, и еще, а потом наступит тот, которого он так ждет. Потому у него есть в запасе несколько дней. Арсай вообще намеревался не заходить в прайд, а прямо отсюда отправиться ко входу в ущелье, на встречу со своей душой и смыслом.

— Как почему? — глухо заговорила Лассиши, не открывая глаз. — Самому ему скучно. Мышинные у тебя мозги.

Мазару вообще не обратил внимания на грубость.

— Я уже пойду, — одержимость, та самая, как из сна, вдруг овладела Арсаем. Он захотел домой.

В ответ было возражение Мазару:

— Ну ты даешь! Давай хоть поедим сначала.

— Нет-нет. Нужно идти... Привет Санжаю и Линаль... Увидимся.

И безо всяких послесловий пошел прочь, домой, к прайду Регноран. Уши обратились назад, и он уловил бормотание Лассиши:

— Я тебе говорила, что этот Арсай полный...

Но Арсай не расслышал, какой же он «полный...», потому что шел быстрой и торопливой трусцой. «Наверное, дома мама ждет. Я с ней нормально и не виделся, как пришел от Саргали... Сестрица как там поживает?.. Чего тут прохлаждаться? А яскарл? А бои? Жизнь прайда мимо проходит, плохо... Нельзя так бросать его, в самом-то деле», — подумал Арсай, ужаснувшись, что действительно как-то отстал от всего, что в нем происходит. Ведь он регноранец! Нужно быть ближе к своим.

Он трусил сквозь зеленую, сочную траву сезона дождей и мелкие разлогие деревца, которые иногда неприятно хлестали ветками о бок. Потом Арсай перешел на бег, отчего-то подумав, что неплохо бы пробежаться, а то станешь толстым и неуклюжим. «Айлиша тогда будет смеяться надо мной и меня не захочет», — весело подумал он.

Вот Арсай на южном пологом холме, откуда видны скалы его прайда. Быстро... Лишь полдень, а уже дома.

Нашел маму; она соскучилась и не могла нарадоваться его прибытию.

— Пропадаешь и пропадаешь... — говорила Машани.

— Да, мам. Пропадаю. Это верно, — меланхолично согласился он.

Потом пошел к дренгиру, сообщить о своем приходе. Его на обычных местах — пещере, скалах прайда — не оказалось. Арсаю захотелось во что бы то ни стало найти его. Вдруг у дроматиевой рощи, рядом со скалами, заметил компанию из двух почтенных старых львиц. «Пойду, спрошу...».

— Доброго здоровья львицам, — слегка поклонился, как следовало.

— И ты не болей, — вздохнула Ашилаль, львица известного в Союзе рода Эйланов.

Вторая лишь кивнула, более занятая мухой, которая назойливо пыталась сесть ей на нос.

— Эмм... Смею спросить, а где дренгир?

— Как где. Не знаешь, что ли?

— Да откуда ему знать-то, — лениво протянула вторая львица. — Верно, лишь пришел с долгой охоты... Этих мух расплодилось! Берутся-то откуда? Да раньше их было-то раз два и обчелся, а теперь жить не дают! — львица собралась и таки пришлепнула ее лапой.

Арсай почтительно выслушал проклятия мухам, потом спросил:

— Львицы скажут, что случилось?

— Северянку поймали где-то у Гремящих. Дренгир пошел на нее смотреть. Молодой-то еще. Я на них насмотрелась в свое время, по горло насмотрелась. Вот так!

И она провела лапой по горлу.

— Да уж, — согласилась вторая. — Вон, какие теперь времена... Все на одну северянку побежали глазеть, как на зебру без полос. Много чести! Расспросил, убил и все дела. От молодежь некрепкая-то, еще думает, что с ней делать. Черной Кости на них нет...

Энар Черная Кость был одним из самых известных предводителей северняков, который истинно ненавидел Союз. Эти львицы еще помнили войну со северняками и застали закат жизни Энара, будучи разведчицами.

— Да-да, времена бывали когда-то... — с ностальгией по прожитой жизни молвила Ашилалъ, качая головой.

Он сидел ни жив, ни мертв. Пустота в груди, холод и тяжесть. Такой темный и глубокий страх испытывают в детстве, когда мир странен и непонятен, и нечем укрыться от сил, что в нем играют. Не желание увидеть мать или сестру его вело сюда, не желание жить жизнью прайда, нет, на самом деле это зов Айлиши, потому как ее ахмар на нем. А он? «А что ты?..». Арсай с трудным вздохом опустил голову, вдруг осознав свою глухоту к ней и самому себе; ведь он, несмотря на всё, обыденно-уверенно «знал», что силы шамани — сказка и игра случайностей, хотя видел их и ощущал, будучи с нею, как ничто в мире. Он не вник, не понял... Был бы рядом, так защитил, хоть даже земля и небо вместе пошли против них. Но его рядом нет...

Но Вперед. Действовать... Вперед, быстро и с яростью, пока не слишком поздно.

«Это трудно — любить шамани», — он ярко вспомнил слова Найсары, летя над землей сквозь траву и маленькие драматии на север, к Гремящим скалам.

Ему навстречу кто-то неспешно идет, Арсай слабо разбирает, кто это и сколько их, лишь видя перед собой Хланнатей, молодого льва прайда, чем-то очень довольного; наглые желтые глаза смотрят на Арсая с весельем.

— Где ее поймали?! Где она?!

Он с готовностью показывает в сторону Гремящих, остальные тоже машут лапами в этом направлении. Арсай плохо слышит, но улавливает:

— Возле скального озера... лежит... держат... посмеялись...

Свидетели этого случая потом долго рассказывали о нем, каждый — по своему. Кто-то сказал, что Хланнатей отлетел от Арсая на три прыжка, другие — на пять, да еще кувырнулся. Арсай слушал его, всё больше обретая странный и пугающий вид, а потом лапой просто толкнул в бок, отшвырнул, как мелкий сор из под лап, даже не ударил, а именно отшвырнул и быстро унесся дальше по освобожденному пути.

Этих небольших луж и озерца под скалами много, потому Арсай верно решил: взобраться на сами Гремящие, а оттуда всё увидит. Он ловко стелился по камням, словно выслеживая добычу, зорко и внимательно осматривая заросли внизу. Так... Стой. Запах оттуда, шум, чей-то громкий окрик «Кто?!». Вот та самая тропка, по которой он шел тогда...

Это злая и странная судьба, но она снова там, внизу, возле того же каменного уступа и маленького озера в скале. Только теперь ему хорошо, отлично видно, что с Айлишей случилось страшное и плохое: она не сидит, обвинив себя длинным хвостом, тихо ожидая, когда придет Арсай, но лежит на земле, на шерсти — кровь, а сверху ее держит какая-то сволочь, уж Арсай не разобрал кто, на это времени нет, потому что нужно быстрее вниз. Вниз, к ней!

Его появление было внезапным и пугающим. Все (а здесь было голов пятнадцать из прайда) попятись назад, когда увидели большого льва, прыгнувшего со скалы, и не сразу признали в нем своего Арсая; некоторые от испуга зарычали, и дренгир тоже.

Теперь Арсай прыгнул ловко и точно, без ошибки и неуклюжести — на них не было времени.

— Ты... от нее отойди!

Это был Амсан; он небрежно держал Айлишу левой лапой за шею, хотя это и не требовалось — она не шевелилась вовсе. Взятый врасплох, уставился на Арсая, как львенок на строгого отца.

— Пошел, я сказал!

Тот пугливо и растерянно повиновался.

«Неужели... всё?!». Но, ах, нет, нет-нет... Айлиша услышала его голос и хотела встать, но лишь смогла приподнять голову, взглянуть на мгновение, и снова бессильно растянулась по земле.

— Айлиша! Айлиша! — подбежал он к ней. — Ты... что это с тобой?..

Глубокие и кровавые следы чужих когтей были на ее лапах и плече, много, даже слишком; но Арсая ужаснуло не это. На шее сбоку — рана; верно, тоже от когтя, но она намного более опасна, чем другие, вместе взятые — из нее утекло много крови, пугающе много, так, что уже не хватило места на шерсти и кровь даже на земле.

— Кто?! Зачем?! — осмотрелся он вокруг, сгорая от ненависти изнутри.

— Арсай?.. Арсай! Что происходит? — первым очнулся Драмингарр.

Он ощутил слабое прикосновение к лапе и вмиг забыл об остальных. Айлиша была в сознании, но плохом, и глядела словно сквозь туман. Чтобы ей не было одиноко и так больно, Арсай лег возле нее, прихватив безвольную лапу.

— Айлиша... — тихо заговорил он. — Но как... Десять дней...

— Пришла к тебе. Был страх, что тебя не будет, что... не увижу...

Она даже пробовала улыбаться, и у нее вышло:

— Ты пришел...

— Но это ж... Не могу. Как так?..

— Неожиданность хотела для тебя сделать... Чтобы рад ты...

Слабость схватила ее, Айлиша утихла.

— Но... проклятье, нет, я опоздал... но зачем... Зачем вы ее так?! Да вы что?!

— Арсай, может, объяснишь, а? — требовательно молвил дренгир, который решил восстановить порядок.

— Сейчас я вам объясню, всё объясню, получите от меня об... Назад, сволочь!

Это Амсан пробовал приблизиться.

— Ты что, с ума сошел?

— Только попробуйте подойти!

— Кто она?! — прорычал дренгир. — Что происходит?!

— Это ты мне скажи, зачем ее так изранили! — безо всяких церемоний заорал Арсай на него. — Она же ко мне пришла!

— Это северянка, Арсай. Северянка пришла к тебе? Ее поймал обход, опомнись!

Молчание.

— Она чуть меня глаза не лишила, — сказал Халлара́. — Мы ее решили спросить, кто такая, а она как набросится!

— Арсай! Это та самая?

Он с ненавистью посмотрел на Матенрая и ничего не ответил.

— Это та львица, о которой были эти разговоры? И ты — с ней?! Это ж разведчица! Ты что, больной что ли?

— Да пошел ты. А ну пошел отсюда!

— Сам пошел!

Арсай бросил эти пустые разговоры и обратился назад, к Айлише. Он не знал, что делать и как помочь. Она шумно вдыхала и выдыхала; из раны на шее кровь уже не текла, но ему стало страшно, что вся вытечет, и тогда всему конец. Поднес было лапу, но одернул — она ведь грязная, в пыли. Потому началлизывать раны, но она оскалилась и простонала — больно. Арсай прекратил, а потом услышал ее тихие слова:

— Намай, мне холодно...

— Нейлу позовите... Позовите ее, быстро!

Никто не ответил на просьбу; вместо ответа кто смотрел на зрелище, кто обсуждал происходящее.

— И это та, ради которой ты отказался от меня? — с презрением и насмешкой прозвучал хорошо знакомый голос.

Арсай поднял голову, обернулся. Это Замири.

— И это то, ради чего ты... Фу! Фых, — она фыркнула. — Пффф. Матенрай! Пошли отсюда! Идем. Пусть с ней тут сидит, с этой вот... — она вовсе не скрывала странного смеха, в котором даже звучали оттенки довольной мести и злорадства.

И Арсай увидел, как Замири удалилась, гордо ступая по земле, а за ней, немного погодя, затрусил Матенрай. Потом он снова припал к Айлише.

— Скажи мне, что делать. Ты должна знать. Не уходи, будь тут, говори со мной.

Но Айлиша плохо понимала происходящее, хотя и очень старалась удержать сознание.

— Скажи... Крооовь. Много ушло?..

— Нет. То есть, да. Тут, на шее. И повсюду следы от когтей... Что они с тобой сделали, Айлиши, что они делали?!

— Поймали. Держали, спрашивали... Ты смотри... чтоб не текла.

— Тихонько, я сейчас позову шамани, они должны придти.

Он снова оторвался от нее, чтобы взглянуть, не пришли ли каким-то чудом шамани прайда. Но нет, хотя голов стало много больше. И тут его мать. А вот и Ахмая. Мама смотрит на него большими глазами и не может слова сказать.

— Мам...

— Кто это? — без упрёка и без удивления спросила Машани, совсем бесцветно и блекло.

— Мам, это Айлиша, — он нашел только эти слова.

Машани слабо кивнула, будто ей всё стало понятно, и как-то вся сникла, смотрела куда-то вниз и в сторону.

Сестра подошла вплотную к брату, рассматривая его, словно после долгой разлуки. Потом посмотрела на Айлишу.

— Ахмаи, позови Нейлу. Прошу тебя.

— Ее нету в прайде, она ушла со Силлази по какие-то коренья. Юмлаани осталась.

— Так пусть придет... Ахмая, я должен ее спасти, я должен уберечь.

— Это — она?

Вопрос был странным, но и брат, и сестра понимали, о чем речь.

— Да.

Ахмая подошла к Айлише, и нахмурилась, слегка покачав головой.

— Ахмая, отойди от нее! — приказал дренгир, оторвавшись от разговора. Львы кучкой собрались вокруг него, обсуждая происходящее и решая, что делать. На скалах, наверху, уже сидели дозорные, ожидая возможных незваных гостей с Больших гор.

Но сестра Арсая не обратила на это никакого внимания.

— Юмлаани уже идет... Вроде. Вот... Вот она! — Ахмая наострила уши и посмотрела направо.

Арсай начал звать ее, но этого и не надо — она сама спешит к ним. Снова ощутив мягкое, почти невесомое прикосновение, он тут же обратился к Айлише, наострив чувства.

— Что происходит? Арсай? — спешно подошла Юмлаани. — Кто эта льви... шамани? Это львица-шамани.

Она сразу смогла распознать, кто такая Айлиша.

— Я знаю, знаю. Она Саргали. Помоги, ее ранили. Юмлаани, сделай что-то.

— Кто ее так? Зачем?.. — молвила она, торопливо рассматривая Айлишу. — Как ее зовут, знаешь?

— Айлиша.

Юмлаани обратилась к ней по имени, но та уже потеряла сознание.

— О-хо-хо, ай-яй, — Юмлаани не обратила внимания на следы когтей, но пристально рассматривала ее шею.

— Что? Что такое?

— Плохо, Арсай.

— Что плохо?! — будто не зная, спросил Арсай.

— Всё.

Он молчал.

— Много крови ушло.

Тревога Арсая враз передалась Юмлаани — она озаботилась судьбой этой неизвестной львицы, которую прежде никогда не знала; она своим носом дотронулась к ее — тот был холоднее, чем у живых и здоровых.

— Ох, Арсай... Я сейчас приду. Ее раны нельзя так оставить.

— Не помогай ей! — Нгайлар, наконец, обратил внимание на усилия юной шамани Регноран.

С другой стороны на нее умоляюще смотрел Арсай; он никогда, никого и ничего так не просил.

— Юмлаани, она твоя сестра по пути. У нее не было плохих намерений, она лишь пришла ко мне, клянусь, — тихо и быстро молвил он, испугавшись, что она уйдет.

— Не верь ему! Она разведчица и смогла переманить его!

Молодая львица растерялась, прижала уши и смотрела то на дренгира, то на Арсая.

— Это ложь.

— Это ты, Арсай, лгал всем нам! — разозлился Драмингарр.

— Только не дай ей уйти... Она — моя душа, — Арсай уже не внимал своим братьям и сестрам по прайду, вообще не слушал их и не желал видеть.

Остро почувствовав Арсая и ее уходящую жизнь, Юмлаани решилась.

— Я сделаю, что можно. Но я не уверена, что она выживет до утра, — тихо и торопливо молвила она, опасаясь этих слов, боясь, что Арсай накажет ее за них. Но правду нельзя скрыть.

**

Прошло время, и все с ровной душой разошлись. Мама и Ахмая не подходили к Арсаю, равно как друзья, и все остальные. Он остался наедине с Айлишей, страхом за нее и неистовой ненавистью к тем, кто причинил такой вред его любви. Не было понимания, почему так случилось, у кого было столько ненависти; казалось, что ее пытались измучить, но не убить. Арсай со стыдом вспомнил, как с ним обошлись Саргали, хотя он вел себя несравненно хуже и наглее. Айлише же стоило лишь ступить на его земли, лишь на границу, на обход. Верно, их было много, это не один обходящий, нет-нет.

Но не зная подробностей, оставалось лишь строить туманные догадки.

Айлише было плохо. Она лежала без движения, и Арсай не знал, что с ней делать и как помочь. Юмлаани всё не приходила; Арсай подумал, что в ней не нашлось сострадания, как вдруг она пришла аж в ранних сумерках, принеся кой-какие новости:

— Еле прорвалась... Дренгир запретил подходить к тебе, на Гремящих много наших, — молвила она, перед этим поставив какой-то корень на землю.

— Кто в обходах?

Юмлаани ответила тихо, пугливо:

— Не знаю. Много. Где-то половина яскарла.

— Полярскала?!

— Да.

— Ради чего?!

— Дренгир боится северняков. Думает, что они придут за нею. Или задумали нападение, — молвила она, оборачиваясь по сторонам.

— Чей яскарл?

— Шейларра. Арсай...

— Что?

— Они убьют тебя.

— Кто? — насмешливо спросил он. Экая невидаль, ему что, положено испугаться? Ну так он их встретит; подходите по одному!

— Северняки.

Он вздохнул, подумав, что Юмлаани говорила о регноранцах.

— Неважно. Давай лучше ей поможем.

— Арсай, а вдруг она разведчица? — опасливо спросила она, всё ж не уверенная в нем, в этой незнакомке и в своем порыве помочь.

— Поверь мне, нет. Нет времени рассказывать историю. И согласишься, шамани редко бывают разведчицами, а разведчицы не бродят поодиночке, — воззвал он к опыту и рассудку. — Она просто пришла ко мне...

Подумав, Юмлаани согласно кивнула

— А Нейла когда придет? — озабоченно спросил Арсай, храня надежду.

— Завтра вечером. Нету ее.

— Что она так долго эти корни собирает? — раздраженно и зло спросил Арсай, но не со зла, а от тоски и тревоги.

Юмлаани закрыла глаза и топнула лапой.

— Она Силлази пошла учить... Ладно, молчи. Дай я гляну.

Уже темно, это доставляет неудобство; шамани рассматривала ее так и эдак. Айлиша неподвижно лежала на боку, не шевеля ни хвостом, ни лапой. Юмлаани пыталась ощутить тепло ее тела носом, слушала ее сердце и дыхание, еще спросила:

— Ты позаботился о ее ранах?

— Да.

— Хорошо...

Юмлаани тихо говорила себе под нос, но словно не для Арсая, а больше для самой себя, как это бывает со всяким, кто поглощен раздумьями и делом:

— Смотри, я принесла корень альхамбры... Чтобы прикрыть раны и было не так больно. Здесь есть вода? Да, есть. Хорошо. Сейчас я сделаю. Но...

Она повернулась к нему.

— Большого я сделать не могу. Не потому, что мне жалко. А потому, что нечего больше делать. Кровь она утратила, а это — жизнь. Если выживет, то быстро поправится, она молода.

И тут же ушла к воде, взяв корень в зубы. Арсай проводил ее взглядом, но недолго, лишь чуть, потом склонился обратно к Айлише, без мысли смотря на безвольные лапы и прислушиваясь к дыханию.

— Юмлаани, так она будет жить? — громко спросил он, думая, что шамани еще там, у воды.

В ответ ему было лишь близкое, странное мычание. Он обернулся. Юмлаани была рядом и всю показывала, что говорить не может: у нее рот чем-то наполнен. Она лапой показывала, нахмурившись, мол, обернись, не смотри, нельзя тебе смотреть.

Арсай не смел послушаться. Долго сидел, просто рассматривая умирающие лучи солнца, которые играли на верхушках Гремящих скал. Потом, когда обернулся, то обнаружил, что Юмлаани помогла Айлише: прикрыла раны кашицей из корня, чтобы жизнь не уходила и хранилась в тепле тела.

— Если... жизнь ее не уйдет в эту ночь, то будет. Если не будет сложностей потом, — молвила Юмлаани, морщась. Корень был горьким на вкус, она поспешила к воде.

— Каких? — пытливо смотрел Арсай ей вслед, наострив уши.

— Не хочу загадывать. Но нужно быть готовым ко всему, — ответила Юмлаани, испив воды. Потом тихо добавила: — Не вздумай больше такого спрашивать. Она может услышать.

Арсай кивнул, не желая загадывать тоже. Айлишу надо уберечь, а не загадывать. Он лег возле нее. Мелькнула мысль, что ночь может быть холодной, а из неба польется дождь. И как тогда? Душа его болела, и он спросил, но не для ответа, а так, чтобы отдать упрек злой судьбе:

— Зачем они это сделали?

Немного подумав, Юмлаани приложила лапу к груди и ответила:

— Жаль мне. Не знаю... Спросишь потом, как было.

— Слушай... а это... она сейчас в обмороке или как?

— Не совсем. Она, можно сказать, во сне. Когда кровь уходит, то спать хочешь. Ее можно разбудить... А как ее зовут?

— Айлиша, — сказал он точь-в-точь так, как когда-то говорила ее имя ама-рах Найсара, сам не ведая, отчего. — Ты уже спрашивала.

— Айлишу можно разбудить, но не нужно. Сейчас она карабкается вверх, к жизни, и не нужно мешать. Смотри сюда. Ее нужно унести: здесь земля и скалы, а это не дело. В траву ее положи, в кусты, где нет ветра и тепло...

— Я останусь с нею.

Юмлаани кивнула.

— Да поняла уже давно.

— Тогда помоги мне.

Он с помощью Юмлаани довольно долго взваливал Айлишу себе на спину; это оказалось трудно, поскольку требовалась осторожность, а Айлиша — податлива и бессильна. Старый же способ — один приподнимает за загривок, второй подбирается снизу — здесь был опасен, из-за раны на шее, и Юмлаани боялась, что она откroется снова. Наконец, они смогли перетащить ее в кусты цветущей и густой менгелы, рядом с деревом. Здесь будет лучше и уютнее; правда, Арсай опасался змей, ведь скалы-то рядом. Им обоим показалось мгновение, что Айлиша очнулась и даже осмысленно смотрит на них, но это — показалось. Она была в своем тяжелом сне.

— Пить давай, обязательно. Есть пока не давай, когда сама попросит, а попросит потом, тогда уж... Будь рядом с ней всегда, грей и слушай ее.

— Слушать?

— Да, — почему-то раздражение проступило на Юмлаани. — Слушай. Рядом с ней, чем ближе, тем лучше, и слушай. Это поможет как ничто другое. Всё... я должна идти.

— Постой... Спасибо.

— Не за что. Это мой долг, — казалось, Юмлаани не знает куда деться от некоего смущения.

— Какой? — поинтересовался Арсай. Ведь ее долг — помогать прайду, а не его... врагам.

— Внимать сути вещей, — быстро сказала она, сделав несколько шагов в сторонку: пора уходить, она спешит.

— Скажи, пожалуйста, Ахмае, чтобы пришла. А, да, да... Передай ей, и маме тоже моей... что я не мог по-другому.

— Хорошо. Но знаю, что она ночью придет. Арсай, вот... скажу тебе... Дренгир сказал, что ты предал прайд. И теперь тебе не будет здесь места.

Он помолчал.

— Пусть себе говорит.

Но это не было пустым словом, мелочью. Это значило многое, и Юмлаани сказала еще раз, чтобы он понял сполна, о чем речь:

— Хочу сказать, что в прайде твой поступок восприняли плохо. Дренгир сейчас сбит с толку, еще не решил вопрос с тобой. Но он его решит. Ты понимаешь?

— Да, я понимаю, что это значит, — Арсай на самом деле прекрасно всё понял. Он враз из сына прайда Регноран стал изгоем и предателем. Его изгонят. А за что? За преданность. Злой рок: стать предателем из-за преданности.

— И что ты будешь делать?

— Пусть Айлиша останется жива. Всё остальное — потом. Еще раз спасибо.

Юмлаани посмотрела на прощание на него, потом на нее, скрытно оглянулась вокруг, а потом исчезла в ночи.

А он снова остался с нею, самим собой и ночью. Лег возле нее, ближе, как можно ближе, чтобы ей было тепло; положил лапу на плечо, тут же отдернул, выругав себя за рассеянность и преступную забывчивость — там следы когтей. Кроме того, Арсай испугался, что так ее придушит, ведь сил в ней так мало. Он прислушался к неровному дыханию, попробовал нос. Холодный. Приложил ухо к груди. Сердце бьется, часто и как-то тяжело; но он рад этому звуку.

Арсай боялся тьмы и этих ночных звуков и шорохов, он ненавидел их, потому что знал: мрак может забрать у него Айлишу, тогда он останется сам, совсем сам, и смысла в жизни будет не больше, чем во всплеске воды. Боялся, что ее укусит змея — ведь рядом Гремящие, а там куда ни ступи, то окажется змеиный хвост.

Шорох. Арсай наострил уши, посмотрел направо; но шорох доносится не оттуда. Это Айлиша шевелит лапой, головой и смотрит на него.

— Айлиша, — тихо говорил он, словно боялся спугнуть в ней жизнь.

— Арсая, — она узнала его и даже попыталась улыбнуться. Взгляд ее странно блуждал и движения ее были слабы.

— Ты как? Как ты?

— Хорошо, — ответила она, несмотря на то, что на самом деле весьма плохо.

— Пить... Очень хочу, дай.

— Сейчас, сейчас.

— Кто-то шумит... Убери их...

— Кто шумит? Кого убрать? — насторожился он.

Айлиша лишь шумно выдохнула, прикрыв глаза. Арсай побежал к воде. Эти сорок прыжков — словно вечность. Его не будет лишь несколько мгновений, но вдруг что-то с нею случится, пока он здесь, у воды; он пьет как можно больше, но не глотает. Потом вернулся к ней и начал поить, как мать кормит дитя первой настоящей добычей. Способ старый, как мир.

Вода оживила ее, Айлиша уже не уходила в забытие. Пила она долго, жадно, даже вцепившись когтями ему в лапу, жалуясь, что «ей очень сухо». Он много раз бегал туда-сюда, даже обеспокоился, не слишком ли много она пьет, и поделился беспокойством. Но Айлиша уверила:

— Дай столько, сколько смогу выпить. Так надо.

К ней возвращался рассудок. Она знала, как себя лечить.

Когда она напилась, то он устроился возле дерева, а Айлиша, устроившись поудобнее, спряталась в гриве.

— Намай, на шее — след когтя? — тихо, трудно, но вполне ясно спросила Айлиша. Он прижал ее щеку к своей, чтобы лучше слышать.

— Да.

— Видел ты много крови?

Он повременил, ведь не знал, как сказать, потому она легко тронула носом подбородок намай, чтобы знал: Айлиша не боится любого ответа.

— Да.

— Кто та львица, что дала мне помощь? Шамани?

— Да. Ученица Нейлы.

Он думал, спрашивать ли, что случилось, но всё решилось само собой:

— Я шла к тебе, чтобы увидеть. А кроме того, амарах решила уйти со мной в горы на долгое время; решила я сбежать, чтоб предупредить тебя. Если бы ты пришел на пустое место, и меня не было, то клятва моя ушла бы в пустоту... Амарах знает, она всё знает, она ругала меня, — Айлиша осеклась и начала говорить о другом: — Ахмар был слаб, ты меня не ощутил... Моя вина. Вина моя. Ведь ты чуткий, слышишь хорошо...

Сцепив зубы, он прижал уши. Он не смог ощутить ее и тогда, раньше, пока Юласси не сказала, не повернула голову и ясно не указала, что Айлиша зовет. Но Арсай лучше умрет, чем признается об этом. Это будет вечной тайной.

— Пришла я, и меня выследили. Их было трое.

— Не один? — выдохнул Арсай, прижав уши.

— Нет-нет. Они ждали, были настороже, потому Айлишу легко поймали, — тихо говорила она; по всему, ей хотелось молчания, но сквозь волю Айлиша говорила с ним, чтобы знал всё.

— Вот как. Но кто причинил тебе такие раны? — Арсай взволновался, но усилием ума успокоился; нервы и силу нужно беречь.

— Они. Дралась я с ними.

— Почему не убегала?

— Некуда, прижали к земле; они напали. Спрашивать начали, но не отвечала я. Они поняли, что я — дочь Саргали. Потом некий лев сказал, что знает меня.

— Как так? — изумился Арсай. — Как он мог тебя знать?

— Сказал он: «Я понял! Я знаю, кто она!».

— Как он выглядел?

— Грива в пятнах, редкая и маленькая. Сам он тоже небольшой. Больше не помню.

«Матенрай...», — сдавило душу у Арсяя.

— Двое меня просто быстро свалили и держали. А тот, мелкий, вдруг — когтями по шее. Рычал, что Айлише следует издохнуть. Кажется, те двое не ожидали такого, начали его укорять, и даже ослабили хватку. Вырвалась Айлиша, но ощутила теплое и мокрое на шее. Стало очень больно. Всё поняла я, слегла на землю, прижала лапу к ране и подумала, что уйду в пустоту насовсем; вспомнила о тебе. Мир начал уходить, я ослабла, держать лапу больше не могла. Закрыла глаза, сказала, что мне положено, и приготовилась ко главному в моей тропе, — без страха и дрожи молвила она. — Но кто-то из них прижал лапу вместо меня, а потому кровь перестала течь.

— Кто?..

— Не знает Айлиша. Кто-то из них. Должна я быть благодарна ему. Жаль, не знаю его, даже имени. Потом... а потом собрались львы вокруг меня, что-то спрашивали, но от меня не было ответа, в тумане я была; еще помню, как ты пришел. Всё... Слова утомляют... Намаи, я отдохну немножко и будем дальше... говорить...

Но вместо продолжения мгновенно расслабилась и уснула. Он погладил ее, чтобы ей было нежнее и теплее, и уставился в небо, прислушиваясь к звукам ночи.

«Где сестренка?», — обеспокоился Арсай. Он хотел ее увидеть, хотел всё объяснить, Ахмая всё-всё должна знать, прежде чем... прежде чем что? Что будет дальше? Ясно одно — это переломило его судьбу. Будущее — неясно и мрачно.

Арсай не мог знать, что Ахмая очень хотела к нему, но не удалось: сначала дренгир измучил ее и мать расспросами, потом было собрание прайда, после которого матери стало совсем нехорошо, потому сестре пришлось остаться с ней. Мама ничего не говорила, лишь спросила у дочери:

— Ты знаешь что-то об этом?

Ахмая не знала ничего.

Нгайлар объявил, что к Арсаю подходить запрещено, помогать ему — тем более, ибо неизвестно, что он задумал вместе со северняками. Его уже приняли за предателя, только что и как он предал — никто толком не мог объяснить. Потому Ахмая добиралась к нему окольными путями; сначала хотела договориться с ночным обходом возле Гремящих, но потом передумала. Всё ж не пустят, хоть и родная сестра...

«Так, так... Завтра мы попробуем выйти прочь, за границы прайда... Там видно будет, главное — уйти от земли Регноран. Проклятье. Всё серьезно...».

Он прислушался. Где-то пугливо взлетела птица, небольшой шорох. Арсай насторожился. Звук падающего камня и шлепок лап о землю, будто кто-то прыгнул. Это рядом, в десяти прыжках! Арсяя вместе с Айлишей скрывают заросли, но их запах и запах крови, безусловно, должны выдать. Потому, уложив Айлишу, он встал.

Это тень возле скал. Точнее, их две — другая совсем рядом, прямо возле зарослей, принохивается.

— Цанна, цанна! — львица возле скал заметила Арсяя первой.

Мгновенный дикий оскал от второй. Они рядом, всего в трех прыжках.

— Тихо, спокойно. Вы львицы Менаи? Она со мной, она со мной... — он выбежал из кустов.

Сразу стало понятно, что это Саргали пришли за сестрой. Только странно, ведь Айлиша вроде не сказала им, куда идет... Или, наверно, снова будто отправилась на какое-то «здание».

— С тобой Айлиша?

— Да, она здесь, — кивнул головой, махнув лапой, мол, не теряйте времени, скорее за мной.

Они склонились над своей сестрой.

— Нэ... Вот же...

— Я за Найсарой.

Вторая убежала, первая осталась. Она внимательно осматривала Айлишу, иногда тоскливо вздыхая; разбудить ее, впрочем, не пыталась. Потом смерила взглядом Арсая. В темноте ночи ее черты были мягки и нечетки, голос словно жил сам по себе:

— Манэ узнала тебя. Ты тот лев, что приходил к нам.

— Да.

— Зачем ты к регноранцам пошел с ней? Опасность здесь. Зачем так далеко зашли?

Он медлил с ответом. Медлил. Манэ выжидала, сердито взмахивая хвостом. Да уж. Она полагала, что они вместе сюда забрели, и тут случилась некая трагичная случайность, какая-то стычка со львами Союза.

— Я и есть регноранец.

Истинное изумление вогнало Манэ в недолгое оцепенение; в это время пришла вторая львица вместе с амарах Найсарой. Потом подошли еще две львицы и два льва. Найсара не интересовалась ничем иным, увидев Айлишу. Она, что-то тихо говоря себе под нос, осматривала ее, слушала сердце, пробовала нос, потом разбудила, но Айлиша была очень слабой, сонной и очень плохо воспринимала окружающее. Первым делом Найсара спросила Арсая, поил ли он ее. Тот ответил:

— Да.

Потом Найсара куда-то побежала, но мгновенно вернулась.

Львицы и львы обступили Арсая, без враждебности, но и без всякой приязни.

— Я ее встретил случайно, при обходе. Айлиша приходила ко мне три раза, потом исчезла, и меня съела тоска. Потому я отправился к вам. Ну, вы помните... как меня поймали. Тогда мы договорились, что встретимся через десять дней. Прошло только семь! В жизни бы ее сюда не привел! Я не знал. Я не мог знать!

Все они молчали и не задавали никаких вопросов, пораженные услышанным.

— Уходить нужно. На! Айлишу берите, — взволновалась Найсара.

— Не берите! Вы не знаете... Я сам. Сам. Отойди...

Лев-Саргали разозлился, но амарах жестом успокоила его.

— Арсай. Неважно, кто ты, и ты не бросил ее, — сказала ему Найсара. — Но я...

— Цанна!

Саргали мгновенно насторожились, сжались. Арсай и сам услышал шум сзади, обернулся — там откуда-то взялись его братья по прайду, но подходить пока не решаются. С ними Шейларр.

— Стойте, стойте! Не трогайте их! Они пришли за Айлишей!

Львы-Саргали смело пошли вперед, без всякого страха, даже с веселостью и ухарством, но Арсай рыком остановил их; ведь может начаться бой, в котором Арсаю не будет места: против своих он пойти не готов, а идти против Саргали — так

это бессмысленно. И еще он заметил, как сделали мелкий шагок назад регноранцы, мелкий совсем, но трусливый, осторожный. Это враз сразило и огорчило его.

— И что, как оно — помогать севернякам? — спросил ярл. — А?

— Просто дайте им уйти. Они пришли за ней.

— Да, Арсай, низко ты пал. Ниже некуда.

— Вы не понимаете вообще ничего! Шакал с вами! Вообще ничего!

— Мы всё поняли, не волнуйся ты так, — внезапно засмеялся ярл каким-то веселым, залихватским смехом.

Арсай до этого вполне держался, но после отчаяние и тяжесть овладели им.

— Просто дайте им уйти, — негромко молвил он, смотря на равнодушный серый камень скалы.

Ярл, подумав, ответил:

— Пусть уходят немедля. Ты тоже катись на все четыре.

Саргали молчали. Арсай окинул их, освещенных неяркой луной, взглядом, потом своих братьев по прайду... бывших братьев по прайду. И кивнул Найсаре.

— Нужно уходить.

Она взмахнула хвостом.

— На.

Нужно взять Айлишу. Арсай поспешил это сделать первым; теперь львы Саргали в этом ему не мешали, наоборот, помогли. Стараясь не причинить боли, ни в коем случае не разбередить ее раны, Арсай брал Айлишу на спину очень осторожно, требуя от львов Саргали той же осторожности:

— Легче... Да легче! Лапу сюда... Да не так!

Они ж не понимают, насколько хрупка ее жизнь.

Те, занятые больше мыслями о регноранцах и опасности, не пререкались.

«До конца... До самого что ни на есть конца вместе с нею. А там будь что будет».

Арсай и Саргали без слов ушли в ночь.

— Нет, туда не пойдем. Каньон нужно перейти, но этого не сделать... с ней... — Арсай перевел дыхание. — Нужно обойти.

— Веди, мы не знаем твоей земли, — сказал один из львов. Найсара и остальные шли рядом. Он сам нес Айлишу; она была в странном полусознательном состоянии — она иногда смотрела на окружающее, но не понимала, что творится вокруг; не говорила ничего, лишь раз проскочило отчетливое:

— Больно...

Это Арсай неудачливо оступился. Выругав себя, пошел дальше с большей осторожностью.

Они шли в полном молчании, пока его не нарушила Найсара:

— Айлиша пришла к тебе? — словно желая еще раз убедиться, спросила она.

— Да. Но я не знал, что она придет сегодня... Она вообще не должна была приходить! Я узнал слишком поздно.

— Много крови ушло?

— Прилично. Сначала ей было плохо, потом стало лучше, мы даже говорили, и я давал ей пить...

— Это хорошо.

— Вот. Да. Я давал ей пить, много-много. Она сама так сказала.

Ветка ударила Арсая по глазам, словно стараясь внести свою лепту в беду.

— Хорошо.

— Но теперь, кажется... снова хуже. Точно хуже.

— Давал ты ей сон-траву, ибogu? Что-то еще?

— Нет-нет. Я... в этом, — сказал Арсай, продираясь сквозь густые кусты, — не разбираюсь совсем.

Больше Найсара ничего не спрашивала. Но слышно тихий разговор между Саргали; идет некое бурное, скрытое от Арсая обсуждение. Они обошли каньон с левой стороны, с запада; земли прайда Регноран оканчивались здесь.

Видимо, Найсара дала некий знак, потому как все остановились. Арсай, который смело шел первым, думая лишь о том, чтобы ступать мягче и осторожнее, не увидал, но почувствовал, как сзади прекратили идти.

— Арсай... — негромко окликнула его амарах-шамани.

— Что?

— На землю ее поставь. Осторожней. Помогите ему...

Он послушно это сделал. И действительно — Айлише вреден долгий переход, ей нужны покой и лечение.

— Уходи. Спасибо, что указал путь и был с нею. Но теперь уходи.

Не ожидал он такого. Всего ожидал, но такого... Хотя, с другой стороны, действительно, чего возомнил, что они непременно возьмут его за собой?

Но! Идти до конца. Для него нет путей назад. В это плохое время он не бросит ее, не пойдет сам. Если она узнает — возненавидит, не меньше. Потому что бросать — слабость.

— Нет.

— Уходи к своим, — сказала Манэ. Остальные кивнули, жестко глядя на него.

— Нет. Они изгнали меня.

Мгновение молчания. Арсай заметил, что луна ярче, и даже звезды ей помогают...

— Ты не можешь пойти с нами, — вставил слово лев-Саргали.

— Нет. Я ее не брошу.

— Попрощайся с ней и уходи, — грустно молвила Найсара.

— Я не уйду.

— Нет для вас судьбы, Арсай. Нет. Не позволит никто. Она — шамани Менаи в будущем. Ты не можешь забрать ее. Айлиша — лучшая и единственная, которая будет тогда, когда я уйду. Просто забудь о ней.

«Просто забыть... Ты не знаешь, о чем говоришь...».

— Я пойду с вами в Менаи. Не буду ее никуда забирать.

— Тебе никто не разрешит. Лишь смерть будет тебе уготована.

— Всё равно. Я встречу или любовь, или смерть.

— Тебе что, плевать на ее родной прайд? Это — ее жизнь!

Арсай помедлил с ответом, сомневаясь, солгать или сказать чистую правду.

Выбрал второе:

— Да! И на свой прайд тоже! Я слишком люблю ее, чтобы внимать чему-то. Всё! Нет, не так... Всё, — Арсай прижал уши и приложил лапу к груди, — что нам нужно в этом мире, так быть вместе. А тупая судьба, глупый рок, вся эта ерунда лишь... вот что она с нею сделала!

Он указал лапой на ее рану на шее.

— Ненавижу свой прайд за это. Никогда не прощу.

— Арсая, подойди ко мне, — неожиданно мягким и нежным голосом обратилась Найсара и села, обвинившись хвостом.

Остальные почему-то сделали шагки назад, кто больше, кто мельче, но сделали все до единого. Арсай этого не испугался, он вообще уже ничего не пугался —

будь что будет, но останется верен себе и ей. Он чувствовал некий подвох, коварность или нечто в таком роде, и всё равно сделал то, что попросила Найсара.

Это ночь, темно, но ее глаза сильно, даже слишком, отражают холодный и красивый свет луны. Арсай неглуп, он понимает, что попадаетея ей, как добыча, но всё это слишком сильно, он слишком устал...

— Арсая, говори со мною, говори.

— Что говорить? — измученно спросил он.

— Айлиша устала очень, ты тоже устал очень, почувствуй это. На меня! На меня смотри. В глаз смотри мне, хороший... Лишь истома осталась от тебя, уходи... Ночь и луна уберут твою душу...

Арсай больше не принадлежал себе; одна его часть вовсе бросила всякое сопротивление, а другая уже давно ушла в другой мир. Он забыл, что у него есть тело. Все видели, как большой лев с дикой черной гривой, прикрыв глаза, пошатнулся и рухнул на землю. Найсара попыталась его придержать, но бесполезно — он слишком тяжел для нее. Расправив ему лапы и повернув голову, амарах закончила с ним.

— Ох, нэ, — вздохнул от удивления один из львов. Впрочем, Саргали хорошо знали о силах шамани, потому он не предавался изумлению, а тут же спросил: — Что скажет делать Найсара-амарах? Лишить его жизни?

— Думай, а потом пусть твой рот говорит, — очень зло молвила амарах, блеснув глазами. Тот сразу прижал уши в знак признания оплошности.

— Пффф, Малнут, нет чести в этом — убить спящего, — подошел второй лев к Айлише, которая начала тихо стонать. Найсара тоже наострила уши, беспокоясь за нее.

— Я лишь спрашивал о том, что следует делать... — оправдывался Малнут. — Не знаю ведь я.

— А он... спит? — проявила любопытство Манэ.

— Не время для вопросов. Айлишу берите...

Они ушли в ночь.

**

Вода. Он куда-то плывет... Почему так мокро? Почему вода? А, проклятье! Вода попала в ухо!

Ощущения сначала были робки, неясны; но потом прежний и такой знакомый мир всё увереннее возвращался, снова предьявлял права на Арсая, снова успокоил ярким дневным светом. Первое, что он увидел и что сразу узнал — мутные воды Сааша, которые неспешно текут откуда-то куда-то. Потом... Потом кто это? И зачем она, эта львица, умывает его водой, трет мокрой лапой?..

«Ах да, это же Нейла», — радость узнавания обуяла Арсая. Это словно освободило, и он тут же быстро и легко узнал всё вокруг: вот он лежит на боку, а Нейла растирает его мокрой лапой. Рядом — Юмлаани, Ахмая и мама, а еще — Мазару.

Шамани что-то говорит... Сначала не разобрать, но потом слова медленно, но верно, стали понятны.

— Арсай! Арсая! Ты как?

— Ээээ... всем привет.

— Ну наконец-то, — бросилась к нему мать, а за ней и сестра.

— Ху...

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Так... где я? Что такое?

— Обманули тебя, Арсай. Обманули и использовали, — уверенно начала Нейла, — но теперь не беспокойся. Мы пойдем к дренгиру, и ты всё расскажешь, как было. Прайд готов тебя выслушать. Ты — жертва обмана, не предатель.

— А... Кто обманул? Какой обман? — свет был слишком ярким, он прикрыл глаза лапой.

— Северняки, это они виноваты, — молвила мать и лизнула сына в щеку. Он неуверенно встал, лапы слушались плохо, земля убежала из под них. — Они обманули. Бросили тебя.

Арсай всё вспомнил, память снова стала послушной; он всё осознал и...

«Это не сломит меня, о нет... Ушли без меня! Решили избавиться! Но Айлиша...», — он хорошо помнил, как Найсара взглядом убрала сознание прочь из мира теплой крови, мира живых. Этому он не удивился. У Арсая вообще не было ни желания, ни сил удивляться. Вперед, только вперед, за ней, пусть это даже стоит жизни, пусть...

— Арсай! Ты куда, стой!

Непослушные лапы несли плохо, потому пробежал лишь несколько прыжков и с размаху ткнулся мордой о песок Сааша.

С трудом встал.

— Да уймись ты, наконец! — сестра попыталась подействовать на него злостью и раздражением. — Что там у вас случилось? Рассказывай всё! Что с тобой сделали?!

— А где вы меня нашли? — он не слушал вопросов.

— Да за границей! Лежал без чувств.

— Аааа... Так... А что, я уже не предатель? — иронично спросил он.

Мазару толкнул его лапой.

— Успокойся ты. Всё объясним дренгиру.

Оцепенение овладело им. С какой-то стороны это было разумно... Шанс! Можно всё уладить, изгладить, поправить, вернуться назад в прайд. Но...

Он больше не бежал, а уверенным шагом пошел от солнца прочь, на северо-восток.

— Нет-нет, сынок, не ходи туда, с тобой неладное, никуда не ходи, ты будто заболел, — шла рядом мама, всем видом умоляя остановиться.

Арсай так и сделал.

— Мама, я и есть больной, но мое исцеление — там. Другого просто нет, я должен... Я должен... Я очень люблю ее, понимаешь, очень сильно. Они не хотели, чтобы я с ними шел, но я не сдамся и не брошу... Всё. Ахмая, сестра, иди сюда!

Она прыжком очутилась возле него. Брат поцеловал ее.

— Всё, пока, Ахмай. Не злитесь. Мам, прости. Пока!

И затрусил прочь. Все поняли, что его уже ничем не остановить, и лишь провожали взглядом.

К выходу из ущелья — вот куда его путь. Если ее там не будет, то в прайд Менаи. «Я не брошу всё просто так. Все хотели переубедить меня. Мой прайд хотел отвратить меня. Найсара избавилась от меня. Но я иду до конца... Айлиша. Я иду», — без всякой жалости к себе и стремлением думал он. Перешел каньон; карабкаясь на противоположный склон, ощутил, как ослаб за эти дни. А еще — нешуточный голод: Арсай уж забыл, когда ел в последний раз. Поохотиться бы, но нету времени.

**

Айлиша очнулась под утро, и начала без остановки звать Арсая. Ее уложили на траву, и Найсара объяснила, что Арсай указал им путь и ушел к себе в прайд, так что не о чем беспокоиться и всё позади; ну а еще у них будет очень серьезный разговор, так как шамани не должна быть такой легкомысленной и...

— Где Арсай?! Неправда! Он не мог уйти! — Айлиша и слушать не хотела всю эту ерунду.

Шамани хорошо чувствуют ложь обычных львов и львиц, но не других шамани, а особо наставниц-амарах. Наставники не лгут, не должны лгать, но Айлиша не верила — этого просто не могло случиться.

— Нет, он ушел.

— Ложь это!

Пора отправляться дальше, ведь они еще только в ущелье, среди густых кустов, но не тут-то было. Айлиша никуда идти не хотела; ей и до этого было не очень, но теперь стало действительно плохо. Найсара нашла для нее ибоду, чтобы унять боль, но Айлиша не захотела ее и отказалась. Все начали упрашивать юную шамани продолжить путь, Найсара делала вид, что злится и страшно недовольна ею (на самом деле она превратилась в истинное сострадание к своей Айлише), но без всякого успеха. Айлиша начала ходить сама на слабых лапах; Найсара строго запрещала это делать, но та уже не желала кататься на чужой спине. Все подумали, что она бредит и лихорадит, пытались ее унять. В общем, дела были плохи.

Потом Айлиша вдруг спохватилась:

— К выходу из ущелья нужно! Быстрее, идем!

После сотни прыжков, которые она преодолела сама, всё ж пришлось снова взять ее на спину — Айлиша очень ослабла. Взрыв эмоций и чувств страшно утомил ее, она снова уснула; так ее и понесли.

Когда всё же пришли к выходу из ущелья, то решили остановиться. Земли уже знакомы, потому львицы отправились на охоту, львы тоже. Найсара осталась с Айлишей одна. Беспокойство охватило амарах: она очень боялась огня в крови Айлиши, и судя по горячему носу, это вполне могло начаться. Раны Найсара уже заlechила, они не представляли большой опасности, но это... Амарах легла возле нее, тяжело спящей, и начала «отдавать жизнь», как говорят шамани, делиться жизненной силой, просто неотступно находясь возле нее.

Было за полдень; Айлиша проснулась и спросила, где они. Амарах ответила:

— Возле выхода из ущелья. Видишь?

Айлиша слабо подняла голову.

— Вижу.

Найсара чутко ловила ее состояние, и понимала, что сейчас ей весьма и весьма плохо. Айлиша тоже знала, что происходит.

— Моя амарах.

— Да?

— Плохо мне. Как будто огонь в крови.

Больше слов не требовалось — Найсара и так поняла это. Плохо. Очень-очень плохо.

— Здесь остаться нужно. Возле входа. Арсай придет. Мы с ним условились. Айлиша должна дожидаться.

— Он не придет, он во своем прайде сейчас! Он ушел! — снова и снова повторяла Найсара.

— Оставил меня и ушел? — с улыбкой неверия спросила Айлиша.

— Именно.

— Такого быть не может. Нет... Нет... Он придет.

— Не придет, — четко и ясно объяснила вещи амарах.

— Придет! И я уйду с ним!

— Но ты шамани для нашего прайда. Как ты можешь всё оставить? — очень серьезно спросила Найсара; ей стало немного стыдно, что Айлиша так легко готова всё бросить. Это — неуважение... Ради любви? Но шамани должна справляться с обманами мира, исполняя долг безупречно!

— Я оставлю знание. Не нужно оно мне без него... — Айлиша растянулась по траве, упав во ступор грусти без надежды. Айлише тяжело говорить, она умолкла.

Найсара вдруг ощутила острое сожаление о том, что врет Айлише, хотя амарах не может врать!

— Мы сказали, что он не может идти с нами.

— Зачем?! — зарычала Айлиша с той яростью, которую позволяли силы.

— Наши лишат его жизни.

Она немного подумала. Вдруг возникла отличная идея:

— Верно, ему к нам нельзя. Тогда ждем здесь.

— Айлиша, ждать здесь мы не будем. Нэ! Нам скорее нужно в прайд. А он — не придет!

Айлиша немного помолчала, улавливая смысл безжалостных слов; потом озлилась на свою беспомощность и слабость.

— Тогда ступайте, я останусь... Жаль, нет сил у меня *сновидеть*. Так попыталась бы знать, как он, что он. Моя амарах, — схватила Айлиша когтями ее за лапу, — просьба у меня будет.

— Какая? — на самом деле Найсара была очень стойкой, могла выдержать всё, потому как видела много пугающих и трудных вещей, иные миры. Но это было... немного слишком. Потому, несмотря на всю сильную и прочную волю, которой обладают хорошие шамани, она заплакала, безуспешно стараясь скрыть это за лапой. Слишком она любит Айлишу.

— Если меня не станет, то пусть амарах будет здесь и дождется его. Он должен знать, что я ждала тут. И еще. Пусть моя амарах... ой, что-то так... давит меня всю и очень жарко мне...

— Сейчас принесу тебе ибоги, боли не будет, — быстро уняла чувства Найсара.

— Не надо ибогу. Мне хуже от ибоги. Сон-трава лучше.

— Хорошо.

— Нет, не всё... Пусть Найсара-амарах сновидит этой ночью для меня, попробует найти Арся, потом скажет, что с ним.

— Да откуда он взялся?.. — вздохнула амарах. — Как же это случилось?.. Как узнала ты его?

— Он лучший лев в мире теплой крови. Мы будем ждать здесь... Будем ждать. Он безумный, точно придет, пойдет прямо к нам в прайд, потому... потому здесь ждать его нужно.

Найсара сделала последнюю попытку соврать, хотя уже сама не понимала, зачем это делает, и было стыдно:

— Но ведь он вернулся в свой прайд. Зачем ему идти?

Айлиша улыбнулась, глядя в сторону:

— Пусть амарах не врет. Потому что я знаю намаи. Не пошел бы он никогда лишь потому, что ему... хах... так сказали. Амарах изгнала его сознание, вот что амарах сделала. Он очнется, дождется условленного дня и придет.

Возразить нечего. Всё так и было. Найсара оставила свой обман.

— А когда этот день?

— Через два дня. А может, и не дождется. Может, сразу пойдет.

Так и случилось — Арсай не дождался, пошел сразу. Путь был трудным, обременительным; казалось, всё было против него, даже кусты, которые упрямо цеплялись за шерсть. Он отвечал им злостью и яростью: то упрямо брел сквозь них, то топтал мощной лапой, если они уж слишком надоедали. Погода тоже собиралась отвратная: тяжелые, полные дождя тучи, которые почему-то никак не могли разразиться ни дождем, ни хотя бы каплей; и Арсаю казалось, что они его дразнят, чтобы путь был еще труднее, чтобы он всласть наелся торного пути. Шел он быстро, чтобы не растратить попусту сил в ожидании. Прошел мимо семейства леопардов, которые шипели и рычали, облюбовав некое дерево. Но никакого внимания Арсай им не уделил, так они даже остались в удивлении.

О своем прайде он не думал. Уже всё равно. Мысли лишь о ней, и уверенность, что она ждет. «Приду в их прайд. Нет, не убьют, не посмеют. Слишком смело, потому не убьют», — думал Арсай. — «Какая трудная у нас любовь... Словно мир против нас».

Упал дождь. Отвратительно... А еще Арсай подумал, что сбился с пути, хотя ущелье — меж холмов: иди себе, куда оно ведет, не заблудишься. Но всё равно этого боялся, ибо блуждать сейчас нельзя, нет времени и сил. Но... вот, да, он узнал этот камень странного вида, правильно-округлый; возле него Арсай отдыхал прошлый раз, потому нет ошибки, это выход из ущелья, и — встречай земля Менаи-Саргали льва Арсая! Попробуй не встретить!

Вскарабкался на камень, посмотрел на крутые холмы справа и слева, затянутые пеленой дождя. Они уже настолько круты, что на них не взобраться; ну, или взобраться, но для этого нужно быть Саргали — они знают, как бродить по горам. И когда всё уладится, если всё уладится, то он попросит Айлишу пойти с ним в горы, и она покажет всю красоту.

А она слегла под деревом, не желая никуда уходить, ведь рядом выход из ущелья. Сознание волнами приходило к ней: то станет немного лучше, и она даже шутит, то уйдет в забытие. Пришли львицы, принесли добычу, но Айлишу невозможно покормить — снова спит. Все начали упрашивать Найсару продолжить путь, взять ее спящую, или даже дать сон-травы побольше, чтобы наверняка, без приключений принести в прайд. Найсара сказала всем идти, а остаться лишь Манэ и Шая. Остальные попрощались, пожелали скорейшего возвращения и ушли.

Амарах решила остаться отчасти потому, что Айлиша — явно больна, ей плохо, у нее огонь в крови, потому лучше не тревожить ее переходом.

Воды рядом нет, это знали все. Пришлось пить из луж, благо, начал падать дождь. Уже вечерело, но закат был не виден, переход в ночь сглажен дождем, потому всё лишь сереет, сереет, сереет...

Найсара, укрывшись под деревом, лежала рядом с Айлишей. Манэ и Шая куда-то ушли (они сказали Найсаре куда, но она лишь согласно кивала, вовсе не слушая), и всё не приходили. Листья и ветки хорошо берегли их от дождя, но редкая капля иногда неприятно падала на шерсть. Айлиша спокойно лежит, без движения; Найсара ее не беспокоит — нужен полный покой. Амарах задумалась о том, как быть дальше. От огня в крови нету никакого лекарства, нету вообще ничего, можно лишь унимать боль, но он или пройдет сам, или заберет за собой.

Она корила себя. Ей даже казалось, что нужно было брать Арсая. «Зачем я так сделала? Нет, не было у меня мудрости тогда... Зря, очень зря... Лучше ей станет, много лучше, если он будет рядом. Погибнет она без него...». Но потом Найсара думала еще раз, и убеждалась: всё ж лучше без него; Айлише надо всё забыть — она преемница и не может бросить прайда.

Сновидеть сейчас не удастся: слишком много волнения и мыслей. Но амарах чувствует, что Арсай стремится к ней; амарах хорошо запомнила его, а если шамани кого-то хорошо помнит, то вполне может ощущать его или ее лихмаай на расстоянии. Особенно если это сильная шамани.

Найсара не знала никаких подробностей их отношений — Айлиша не рассказывала ничего, совершенно. Но то, что она увидела, всё больше поражало ее; регноранец и львица-Саргали — вместе; казалось, нет для них никакого пути. Но что это, как не истинная любовь, которая бывает в жизни шамани много реже, нежели в жизни иной обычной львицы? Отчего она хочет оставить свою Айлишу саму, со знанием, но саму? Может случиться, что ее съест знание, она возненавидит его, взятое такой ценой.

Прайд? Шамани для прайда? Преемница?

Но Найсара знает, что это лишь условности, и больше ничего, игры слов, которые не отражают сути вещей; а Арсай и Айлиша — они настоящие. Но... Но! Есть клятва, есть Менаи-Саргали, которых нельзя оставить без преемницы знания. И как быть? И лишь она хотела подумать, лишь только собралась, придет всё ж он, или нет, как тут амарах заметила: лев вскочил на камень возле выхода из ущелья, сто прыжков отсюда; сквозь дождь заметила лишь смутный силуэт, но Найсара знала, что это — он. Невероятно...

Ее глодали сомнения.

«Нужно идти до конца в решении», — подумала амарах.

И Арсай, просидев на камне, ушел дальше, сопровождаемый взглядом Найсары. Ведь место их встречи с Айлишей — не здесь, а дальше, потому стоит ждать там.

**

Найсара знала, что это лишь начало. С каждым мгновением будет хуже. У нее ведь огонь в крови.

Но нет! Айлиша оказалась сильной, и поутру ей стало много лучше. Утром юная львица была в сознании, жар у нее унялся; Айлиша вполне могла встать и ходить, лишь след от когтя на шее очень болел; она была слаба, ведь утратила много крови, но, наконец, у нее появился аппетит. Манэ и Шая сказали, что им двоим не очень-то справиться, да и добычи вокруг не слишком много. Стоит хотя бы ближе подойти к прайду. Амарах же решила, что можно и нужно отправляться домой прямо сейчас.

Первым делом по пробуждении Айлиша бросилась в расспросы:

— Моя амарах Арсая не видела?

Найсара прикрывалась лапой:

— Нет, нет. Не было его. Лучше думай о том, что аршаху говорить будешь.

Айлиша враз как-то потемнела, посерьезнела. Посмотрев в сторону, она молвила:

— Айлиша думает об этом.

Всё более-менее уладилось. Больше она об Арсае не спрашивала.

Они пришли в прайд после полудня; Айлишу несли, хоть она и не хотела; сначала их сопровождал мелкий дождь, тот самый, что надоедал еще вчера, но потом утих. Найсару занимало другое: нельзя допустить, чтобы хоть кто-то, а особенно аршах и приближенные, узнали, с кем была Айлиша и куда ходила. Надо сказать, что, набирая львов и львиц для поиска Айлиши, Найсара взяла лишь тех, на кого можно положиться и кому полностью верила. Потому их она еще раньше, загодя, попросила забыть о всём, что узнают, о всей истории, и никогда больше не вспоминать. Они пообещали.

Ар-Намар зашел в пещеру к шамани. Айлиша спала после трудного для нее перехода; амарах встретила аршаха с панцирем в зубах, который тут же поставила.

— Как наша маасси?

— Хорошо. Быстро она поправится.

Аршах кивнул.

— Это где она пропадала? Нэ! Я уж взволновался. В этом нет ответственности! И кто же ее так изранил? — разглядывал он рану на шее.

— Бывает это с молодыми шамани. У них появляется сила, с которой они не могут управиться. Вот и совершают всякие странности. В путешествии наткнулась на неких львов. Вот, еле смогла уйти.

Найсара спасала преемницу от гнева и наказания.

— Ладно, — подобрел Ар-Намар. — Потом с ней разговор возьму. Надо за нее месть отдать.

Когда тот вышел, амарах вздохнула и осторожно, дотронувшись к лапе, разбудила Айлишу. Та, будто совсем не со сна, мгновенно открыла глаза.

— Ты прекращала внутренний разговор? — удивилась Найсара такому легкому пробуждению.

— Нет. Спала я.

Амарах решила не расспрашивать, хотя поняла, что это неправда.

— Хорошо. Нельзя тебе сейчас ничего делать. Сновидеть тем более. И... для аршаха придумай какой-нибудь рассказ. Сказала я, что ты наткнулась на неких львов. А Манэ, Шая и остальные молчать будут.

— Нэ! Пусть амарах не волнуется. Не рассказывать же правду, в самом деле, — улыбнулась Айлиша, особо выделив слово «правда».

— Верно. Верно.

Айлиша отдыхала и набиралась сил весь день, почти никуда не уходя из уголка. Сестры по прайду поохотились для нее, потому она не была голодна; от сон-травы, предложенной вечером Найсарой, отказалась. Увидев, что Айлиша очень быстро, даже слишком, идет на поправку, Найсара не настаивала.

А на следующее утро пришел Ар-Намар на доверительную беседу с Айлишей. Он любил свою шамани-маасси, которая вскоре должна стать его верной помощницей (а в будущем — помощницей сына), потому хотел всячески разузнать, кто и как причинил ей такой вред. Саргали такого не прощают!

Рядом — Найсара. Вроде как суетится, переворачивая панцири по многу раз (сушит на солнце), делает занятой вид, но на самом деле внимательно прислушивается. Вдруг Айлише потребуется помощь, она о чем-то проговорится, скажет не то. Ей кажется, что она здорова, но на самом-то деле — она сама слабость.

«Повезло же», — села Найсара, смотря на вершины вдаль. — «Чуть глубже коготь бы вонзили — не жила бы. Возможно, это знак».

Айлиша лежала на подстилке из сухой травы; когда вошел аршах, то встала, следуя учтивости.

— Здравья тебе, Айлиша-маасси.

— Сильного дня для Ар-Намара.

Он улегся, приглашая то же сделать и Айлишу. Впрочем, она приглашению не последовала, лишь села.

— Как себя чувствуешь?

— Неплохо.

Вошел сын аршаха, Ниясдан. Высокий, крупный, статный лев, с насмешливым и уверенным взглядом — в нем пел дух рода. Найсара краем глаза проследила за ним. Она знала о его безответной заинтересованности в Айлише; сыну аршаха за львицей бегать не пристало, потому он не делал активных попыток, ощущая холод Айлиши к нему. Кроме того, она — шамани, а такая львица аршаху не совсем подходит — это будет необычно, вопреки традиции. Айлиша же испытывала к нему настоящую неприязнь, какую не скрывала; впрочем, он принимал это за строптивость.

— Рад слышать, — молвил аршах.

— Айлиши, как ты? — спросил Ниясдан, устроившись возле отца. — А мы готовы отомстить за тебя!

— Это вряд ли пройдет, — усмехнулась она.

— Это почему? Кстати, а кто напал на тебя, ты знаешь?

— Знаю.

— Так-так, всё по порядку. Расскажи, куда ты пошла, — сказал Ар-Намар.

— Хорошо.

То, что началось потом, Найсара уже не могла остановить. Лишь застыла, смотря сначала на панцирь, потом на нее. Айлиша рассказывала всё, всю правду: как встретила Арсяя, как его полюбила, упомянула о том, что он регноранец, кто изранил ее...

— ...Амарах ничего я не говорила. Она не знала тогда, и не знала до сих пор, как было на самом деле, — совершенно спокойно говорила Айлиша. Потом она подарила ей взгляд: — Теперь и она знает. И знаете вы все. Он — регноранец.

Повисла полная тишина.

— Говорил, надо было убить его! — первым взревел Ниясдан. — Тогда, когда к нам пришел, как трусливый шакал!

— Айлиша... это... это... — сказать, что аршах был обескуражен и зол, значит ничего не сказать. Как? Его шамани-маасси — с регноранцем?! И свободно ему об этом говорит! И Найсара, она молчала?!

Он повернулся к ней, но вспомнил, увидев ее полные печали и тревоги глаза. Аршах впервые видел Найсару такой беспомощной. Ах, да, точно... Она ведь не знала.

— Найсара, ты разве не могла ощутить этого? — со слабым удивлением спросил он. Спросил это так, для успокоения, чтоб точно знать — от него в прайде тайн нет.

— Шамани много сложнее уловить лихмаай другой шамани, — опередила наставницу Айлиша; а та застыла на полуслове.

— Казнить, — изрек Ар-Намар, развернулся и начал уходить.

— Не казни ее, мой аршах, — сначала спокойно молвила Найсара. Потом с надрывом бросилась ему в лапы: — Не казни ее, тебя прошу!

Ниясдан без лишних слов вышел.

— Я это так не оставлю! — накручивал себя аршах вокруг своей ярости. — Не казнить, так изгнать!

— Не надо меня изгонять! — с честью, даже надменно молвила Айлиша, отчего аршах даже поутих, удивленный таким тоном. — Сама Айлиша уйдет. Прямо

сейчас. Прощание для моего аршаха, в последний раз моего. Айлиша больше не может быть львицей Менаи.

Сделав небольшой поклон, добавила:

— Но мой лихмаай останется с духом Саргали.

Она вышла из пещеры, уверенно, лишь неуловимое выказывало, что Айлиша еще слаба. Она уткнулась в теплую шерсть Найсары, тихо прошептав:

— Пусть моя амарах простит меня. Но не могу иначе. Я не пойду дальше... по этой тропе...

И преданно лизнула ее в щеку. Этого она не хотела, но горячие слезы сами тихо, но сильно хлынули наружу. Здесь была ее жизнь...

Найсара сидела, ни жива, ни мертва. Лишь лапой обняла Айлишу в ответ.

И Айлиша действительно ушла. Она знала, куда отправилась, ведь клялась кровью, что придет туда. По пути встречались братья и сестры по прайду, лъвята, которые тихо, прижав уши, смотрели на нее, печальную, но непреклонную.

Но она лишь всем говорила:

— Прощай, Хази... Прощай, Шая...

Около трех зубцов встретила ей Манэ со лъвятами:

— Прощай, Манэ, славная охотница.

— Куда ты? — испуганно спросила та.

— Навстречу судьбе.

Айлиша небольшим прыжком, на который ушло много сил, перескочила родничок; идти трудно, кружится голова. Всё, здесь кончается прайд, дальше идут охотничьи уголья...

Найсара не сразу бросилась вдогонку, а немного погодя: поддалась растерянности и нерешительности, хоть шамани и не должны ничему поддаваться. Она понимала, что у нее глубокая вина перед Айлишей; она нечто нарушила, перешла некую границу, за которую не вернешься, утратила ореол знания и силы в глазах ученицы. И догадывалась, почему.

— Стой, Айлиша. Стой...

Она обернулась.

— Почему уходишь? Стой, в тебе еще нет сил! Зачем уход...

— Амарах солгала мне. Он не мог просто уйти. Я знаю. Зачем? Зачем?!

— Но для вас нет пути. Вы же... проклятье, его тут убьют! Нет места для него здесь!

— Потому я ухожу. Не могу я быть больше шамани Менаи-Саргали! Потому, что амарах солгала мне! Потому, что он там!

Айлиша сделала еще несколько неуверенных шагов, словно собираясь окончательно уйти; Найсара остановилась — преследовать ее бесполезно. Но потом юная шамани развернулась и села, обняв наставницу лапой.

Она слишком любила Найсару.

— Эта ложь чуть не убила меня. Я даже подумала, что это правда. Но я знаю — не так это. Так ведь, моя амарах? Так? — смотрела Айлиша на наставницу с ожиданием.

— Да. Я убрала его сознание тогда, потому что хотел пойти...

— Но амарах ведь не может лгать... Так учила меня Найсара.

— Не может. Хорошая — не может.

— Но Найсара ж не плохая. Зачем тогда?

— Боялась за тебя. Хотела уберечь.

Они утихли, боясь испортить мгновение прощания ненужным словом.

— Ты готова. Нас не будет с тобой, но знание — будет. Не бросай тропу знания, иначе она тебя бросит... Ее уже невозможно покинуть. Потому ступай. Амарак тебя отпускает.

Найсара провела лапой по ее щеке, незримо оставляя символ — три полоски.

— Иди к нему. Прощание долгим не должно быть.

— Айлиша будет помнить.

— Не преследуй видение, я знаю, ты хочешь его... Придет оно само. И осторожнее иди, не спеши, — бросила Найсара вдогонку, как это обычно бывает со всеми, кто очень хочет позаботиться о всяком уходящем в далекий путь.

Айлиша не оборачивалась, но не потому, что не хотела ее видеть, нет; просто боялась, что решимость тогда иссякнет. Она не сразу исчезла из виду, ведь Найсара находилась на холме, который дал ей последнюю возможность видеть Айлишу; но силуэт становился всё меньше; и она смутно увидела, что ее ученица как будто обернулась, да-да, вон там, возле Трех зубцов, а потом исчезла за ними.

Арсай сначала рвался к Менаи, но потом раздумал. Теперь его точно убьют, ведь Саргали будут знать, кто он. Удача не улыбается дважды! «Не вздумай, не вздумай», — вот так будто шептали на ухо. Потому решил: «Дождусь десятого дня. Потом следующего. Потом следующего. И так... и так буду сидеть». Заснуть долго не мог: тревожился о ней. «Теперь Менаи точно знают, с кем она была. И что будет за это? Может, она тяжело заболела... Ах, да, Матенрай, клянусь, месть моя будет. Обязательно будет. Ты, главное, жди. Если всё будет с ней хорошо. Если ее отпустят... Если она догадается, что я всё еще жду...».

Как много этих «если»!

Утром этого, десятого дня, он подолгу сидел в условленном месте (здесь, возле большого баобаба со странными корнями), боясь упустить ее; иногда вскарабкавался на склон холма неподалеку, желая осмотреть местность получше, но тут же спускался. Вылезал на тот самый камень возле входа в ущелье, подолгу там сидел; как выяснилось, туда-сюда часто сновали по своим делам свободные львы и львицы. Некие три худые львицы страшноватого вида весело спросили у него:

— Чего ждешь, красавчик?

И засмеялись. Он лишь раздраженно посмотрел на них.

День пролетел мимо. Уже вечер. Теплый, мягкий вечер сезона дождей безо всякого дождя. Арсай сидит на камне; камень набрал тепла за день, на нем хорошо; устав смотреть вдаль, на восток, он закрыл глаза и щеку приложил к лапе. Почувствовал страшную усталость, голод и тоску; прежде он крепился и не поддавался ничему, устремляясь вперед без страха, но теперь решительность и смелость иссякли. И красота вечера словно хотела подарить насмешку.

«А когда она придет... Хм. Что будет дальше-то? Я вне прайда, она... Ну, как у нее сложится — посмотрим. Но что дальше? Дальше что? Неужели действительно у нас нету пути вместе, и очень быстро трудности жизни измучают нас? Проклятье, может, я наделал что-то не то? Может, всё не так? Может, зря я тогда, этим утром, ушел из Хартланда, и зря Юласси сказала мне, что... Стой! О, шакал!».

Он открыл глаза, привстал и приложил лапу ко лбу. Потом даже несколько раз ударил.

— Проклятье! Как я раньше об этом не подумал!

Снова щека на лапе, снова закрыл глаза. Теперь у него больше сил, чтобы ее дожидаться. Он знает, что делать. Пустился в грезы, несбыточные и высокие, как сами Большие горы, которые видно уже отсюда — их вершины блестят в солнце, и Арсай запомнил этот блеск, вызывая его теперь перед внутренним взором. «А всё ж красивы земли Айлиши», — подумал он. Повеяло знакомым запахом, очень слабым,

настолько, что Арсай даже не мог определить, что это. «Уж мерещится. От голода, наверное», — подумал он. — «Нужно поймать хоть старого бородавочника, кролика, даже крысу, хоть что...».

Нечто дотронулось к хвосту. «Муха», — безразлично отметил он, недовольно дернув им. Еще мух не хватало. Потом нечто дотронулось к спине, тихо и вкрадчиво, словно боясь спугнуть. И запах, который принес ветер, внезапно поменявший направление...

Он обернулся, резко и сильно, чтобы снять наваждение, если это оно. Но Айлиша там. Она там! Сидит, слабо и устало улыбается ему, и — не может быть! — лишь на мгновение, но тот самый любящий оскал, который Арсай так любил.

— Айлиши!

— Намаи...

Обнимал ее нежно, осторожно, помня о ее шее.

— Ты что, сама пришла?

— Да, — кротко ответила Айлиша.

— Но... как там? Что твои сказали? Как ты себя чувствуешь?

— Подожди... Сейчас... Ай.

Арсай, положив ей лапу на плечо, нечаянно причинил боль.

— Извини, извини.

— Ушла я из прайда. А чувствую себя хорошо. Я же шамани, знаю, как себя лечить, — улыбнулась она и бессильно упала ему на гриву.

— Ушла?.. — Арсаю стало даже страшно, что ради него делают такие поступки.

— Не ушла, так изгнали бы. Такова судьба.

— А что Найсара?

— Отпустила меня на мою тропу. Теперь она едина с твоей.

Она поцеловала его, медленно и мягко.

— Всё. Теперь шамани твоя. И куда теперь наш путь? — спросила Айлиша, смотря вдаль; ей всё равно, куда, главное — с ним.

— Думаю, нам есть куда идти, — радостно и с оптимизмом молвил он, да так, что Айлиша даже отстранилась, с любопытством поглядев на него.

— Куда же?

— Потом, всё потом. Сначала нам нужно отдохнуть и... Сказать, что я есть хочу, значит ничего не сказать.

— Ты так изголодал? — забота охватила ее душу.

Он только махнул лапой, мол, полно говорить о ерунде.

— Айлиша знает хорошее место неподалеку, знает эти места, вместе с Найсарой мы тут много раз бродили.

— Пошли... Завтра мы отправимся. Тебе не больно? — еще раз спросил Арсай, не веря, что так быстро можно поправиться.

— Нет. Я лишь слаба немножко, — ответила Айлиша, приврав. Она чуть не валилась с лап.

— Завтра будет лучше.

— Верно, намаи...

**

Он лишь только что узнал: Айлиша ушла прочь из прайда, причем не отец ее изгнал, а она сама, по доброй воле, оставила прайд Менаи-Саргали. Валяясь на

огромном камне, он наблюдал за яростью отца и думал: «Это — большой стыд, как она могла? Все остальные Саргали покатыются со смеху, если разузнают...».

— Как?! Моя шамани — и с этим?! — ходил кругами Ар-Намар.

Орал он и на Найсару, когда завидел ее рядом:

— Ты как допустила это?!

Но той было всё равно, она никакого внимания не обращала, а потом и вовсе куда-то ушла.

Наконец, Ниясдан кое-что надумал:

— Отец мой, я пойду ее найду, его тоже, и убью.

Ар-Намар немного подумал, осмыслив услышанное; потом в нем вспыхнули ревность за свой прайд и ярость самца.

— Бери кого надо и ступай, — небрежно махнул лапой Аршах. — Как вернешься, то порадуй меня.

Тщательно разузнав, в какую сторону ушла Айлиша, Ниясдан вместе с компанией, а это четыре льва, ушел на запад, к выходу из ущелья.

Шли весело, с шутками, на веселое приключение. Им не впервой, они обошли чуть ли не все Большие горы, не брезговали любой дракой, будь это с чужаками, свободными львами (что неинтересно) или львами из других прайдов Саргали (уж интереснее). Такая у них кровь, это — Большие горы.

— И что, думаешь, найдем? — спросил Ну́ма.

— Нужно попробовать. И так делать нечего, — ответил Ниясдан.

— Хух, охота на регноранца, вот это я понимаю, а то уже надоело сидеть.

Засмеялись.

— Они далеко уйти не могли, где-то спят. Сделаем так...

И он показал, как лапой притопчет регноранца. Все снова засмеялись.

Айлише не спалось, а Арсай спал, словно его убили — после тяжелых дней, переходов и позднего ужина в виде кабана просто не могло быть иначе. Как только они попали в небольшую пещерку, скорее даже нишу в скале, прикрытую густыми кустами и ветками, то он сразу отошел в мир сна; Айлиша хорошо помнила эту пещерку, потому что именно тут они частенько спали с Найсарой, когда ходили в горы.

Беспокойство... Беспокойство... Она чувствовала его, остро чувствовала.

Захотелось пить. Она не пила, и Арсай не пил, только ему это нипочем, но ей захотелось. Айлиша тихонько вышла, мягко улизнув из-под лапы, чтоб не тревожить намаи. Потом вышла. Тут есть родник с озерцом, но он довольно далеко, возле входа в ущелье, прыжков сотни три, или даже больше. Шла неспешно, прислушиваясь к себе и ночи.

«Какая яркая луна... Отсюда тебе привет, сестра», — подумала Айлиша. Посмотрела на лунную дорожку на воде; прислушалась к боли в шее — она всё еще ноет и не дает покоя. «Вот злые регноранцы... Не пожалели. Ну ведь да, Саргали ведь я... И что? Это ж всё глупости и условность. Мир так зыбок вокруг нас; если бы видели они другие миры, то разве были бы так захвачены этим, всерьез принимая в лихмаай его миражи?...». Она улыбнулась.

Попила воды, осмотрелась, попила еще немного. Хватит, можно идти назад, к намаи.

Когда Айлиша шла возле камня, того самого, на котором ждал ее Арсай, то услышала чей-то голос, шаги. Притихла, прижалась к земле, наострила уши.

Звуки показались далекими, но это обман — из-за камня вышло два льва.

Айлиша сразу узнала их: это Ниясдан и Арртахмай. Рванулась было в сторону, но тут же утихла: местность открытая, ее заметят, и далеко она не убежит.

— Нэ, стой, Айлиша!

Как будто она куда убегала.

— Стою я. Чего здесь делаешь?

Они мгновенно подбежали.

— Где он?

Айлиша сделала шаг назад.

— Не знаю я. Домой ступайте. Не вернусь я.

— Где он?! Быстро говори, Айлиша! Как могла ты так поступить! Это твой позор!

— Это моя любовь, дурак.

— Кого ты обозвала дураком, львица?!

— Тебя, дурак.

— Скажи нам, где он, Айлиш, — молвил Арртахмай. — Если он лев, то пусть не боится.

— Не будет этого. Оставьте меня.

— Довольно! — совершенно неожиданно для всех, Ниасдан ударил Айлише по лапам, чтоб свалить. Навалившись сверху, придавил ее шею.

— Слушай сюда! За такое казнят! Позор для Саргали! Думаешь, так просто уйти можно?!

Убрал лапу, чтобы она смогла ответить.

— Где он?!

Она закрыла глаза. Их слишком много, они убьют Арсея, если увидят. Его нельзя звать, нельзя им показывать, где намай, они за ним пришли, это понятно.

— Ты трус и глупец, Ниасдан. Презирала Айлиша тебя всегда, — спокойно ответила она.

— Трус, говоришь?! Да никто не смеет так обо мне!..

Ниасдан начал душить ее изо всех сил. Было нечто до ужаса привлекательное в том, чтобы убивать ту, которая тебе так нравилась. Неверная! Ушла к другим, ушла к другому, пренебрегла! Так получи месть... Она так нравилась ему, он так хотел ее! А отец запрещал, мать тоже. И она не хотела его.

Так вот же, получи месть. Ты будешь ничья.

Айлиша слишком слаба, чтобы дать отпор; мир уходил, она в отчаянии хотела завопить «Арсай!», но не смогла, ведь Ниасдан силен, тяжел, он умеет душить и убивать, и делал это упоенно: ему нравилась власть над жизнью той, которая им пренебрегла. «Ну что теперь ты скажешь? На всё согласна, ведь так?!».

— Ведь скажешь, где он?!

Она лишь помотала головой. Никогда. Нельзя. Намай не справится с ними.

— Ниас, полно тебе, — неуверенно сказал Арртахмай.

— Полно, ты говоришь! А когда некий урод с равнины берет твоих львиц к себе в прайд, это не полно?! А?! Казнь за это нужно требовать, никак иначе! И это наша шамани, наше будущее! А?! А ничего, что я бы взял ее себе, когда стал бы аршахом! А теперь не смогу, потому как вздумал забрать ее регноранец; нэ, где он, сволочь! Как так могло статься, она же была лучшей среди нас! Какое предательство! — неистовый Ниасдан не видел и не слышал ничего вокруг.

— Ниас, нэ-нэ, пусти ее, пусти, она дрожит, — толкнул его Арртахмай.

Немного помедлив, часто дыша, Ниасдан отпустил Айлишу.

Арртахмай припал к ней, но в ней жизни больше не было. Она не дышала больше.

— Ты зачем убил ее? — с истинным недоумением и жалостью молвил он.

Но тот и сам не мог поверить, что совершил такое. Ощувив испуг и кроткое сожаление, которое тут же подавил, он решил идти до конца и продолжать играть эту игру:

— Да! Вот так будет с каждым, кто вздумает предать Менаи-Саргали! Или ты одобряешь?! А?! Нет?! Пусть все знают!

Возразить Артахмаю было, собственно, нечего.

— Пошли к остальным, к месту встречи, — бросил Ниасдан, сын аршаха Ар-Намара.

И развернувшись, ушел.

Артахмай задержался. Пытаясь ощутить в ней жизнь, он слушал ее дыхание, трогал за лапу. Но всё было напрасно, потому всё что он мог сделать для нее, сделал: уложил набок, головой к востоку (так лежать полагалось умершим и павшим) и прошептал:

— Прости...

Ощувив большой стыд и сожаление, он удалился. С этого мгновения его взгляд на вещи мира изменился; никогда он уже не был прежним.

Арсай проснулся ранним утром, с рассветом. С удивлением обнаружил, что рядом никого нет. «Куда подевалась моя Айлиша?», — подумал он, но не с тревогой, а даже с веселостью, уверенный, что она уже отлично поправилась и сама ушла попить воды или еще куда по своим загадочным делам; ведь мало ли какие дела у шамани. Потянулся, зевнул, снова припал головой к земле, подремал. Ее всё не было, потому он сам решил пойти попить воды и заодно разузнать, что к чему... Разузнать...

...Вот и разузнал.

Он стоит возле нее. За ночь ее тело не потревожил ни гриф, ни гиена, ни шакал. Он оборачивался по сторонам: кто?! зачем?! когда?! как?! Но мир был нем и глух, никто не мог дать ему объяснения, что случилось на самом деле; потому Арсай не знал, как действовать и кому мстить.

«Видимо, задушили», — отметил он. — «Наверное, свои же... Но как знать... О, жестокий мир!».

Но ведь всё шло хорошо, наконец они стали свободны, и Арсай хотел пойти вместе с нею в Хартланд, потому что знал: конунгу нужны шамани, он примет их, как принял ту Юласси в прайд Иллари.

«Будь осторожен». Говорила ему Нейла.

Он упал в глубокую пропасть ничем не поправимых тоски и горя. Время шло, а он всё плакал. Куда идти, кому мстить? В нем больше нет сил: ни мстить, ни идти куда-то, ни жить... И некому пожаловаться, некому сказать, что всё не так. Броситься и умереть в битве против Менаи? А они ли? Кто? Кто сделал?!

— Видел бы я того, кто всё так придумал на этом свете, то убил тут же! — рычал он в темном отчаянии. — Кто придумал этот мир?! Выходи, сволочь! Я вызываю тебя! Как так может быть...

Столько пройти... Столько пережить... И что?

А потому остается лишь один путь, решил лев Арсай. Он всегда есть.

Он спрашивал у всех, кого видел, даже у леопардов и деревьев:

— Где Нахмэ-валару? Где водопад? Где здесь водопад?!

Но леопарды в ужасе сбегали, а деревья молчали.

Наконец, некая застигнутая врасплох львица, свободная львица, с тремя совсем маленькими львятами, испуганно указала лапой:

— Там вот... На реке он. Следуй ей, следуй главному руслу, увидишь.

И обняла своих детей.

— Прошу тебя, детей не убивай.

Он уже не слушал ее слова и следовал своей цели. Она проводила его взглядом.

— Уж странных земля носит... — прошептала, испуганно прижав детей ближе.

Арсай шел и шел вслед реке, даже прошел сквозь земли Менаи, не заметив этого, а они не заметили его.

А вот и он, водопад Нахмэ-валару. Арсай залюбовался: не очень большой, но шумный, капли воды играют на солнце. «Это и есть очень чистые души», — подумал он. Посмотрел вниз. Камни, одни камни, вода падает на них, их много, они тверды и острые.

Что ж, отлично. Всё, конечно, должно быть не так. Но нам не выбирать.

Он прыгнул туда, где очень чистые души. И томное чувство полета пронзило его; полет был долгим, даже слишком, а потом вода и камни исчезли.

Арсай рывком проснулся. Первым делом оглянулся и блаженно вздохнул — Айлиша спала возле.

— Фу. Фу... Шакал, мать его...

Он потер гриву лапой, снимая остаток сна.

— Что такое, Арсая? — нежно спросила Айлиша, даже не открыв глаза, ничуть не испугавшись такой тревоги.

— Без сомнения, это был самый дурной сон в моей жизни. Самый дурной.

И он счастливо лизнул ее ушко и шею, держа лапой, чтобы никуда не исчезла.

— А что за сон, намаи? — она потянулась всем телом и перевернулась на другой бок, чтоб лучше его видеть и слышать.

— Что тебя искали твои братья по прайду. Я спал, ты ушла от меня попить воды, и они тебя... в общем, ну его, этот сон... Потом я пошел искать водопад Нахмэ-валару, нашел и прыгнул, но когда падал, то как-то засомневался во всём, потому что падал очень долго, и подумал: «Наверно, это неправда. Сон. Точно сон!»... Приснится, так приснится.

Она не прерывала его долгий поток слов.

— А они ищут Айлишу, это так, — небрежно махнув лапой, Айлиша встала.

— Откуда ты знаешь? — Арсай не удивился, а любопытствовал.

Айлиша отряхнулась, потянулась, как будто собираясь уйти, но сразу же упала ему в объятия и растянулась на нем во всю длину.

— *Сновидела я*, — томно вздохнула шамани.

— Это как? — не понял Арсай.

Айлиша немножко подумала.

— Когда ты знаешь, что сон — это сон, но в нем остаешься, это и есть сновидение.

— Хорошо, но как ты могла узнать? Не пойму.

— У нас два тела, и во сновидении ты вселяешься во второе и можешь делать всё, что желаешь, если тебе хватает силы и ахмара. Я Арсаю потом расскажу...

Она поцеловала его в щеку.

— Мда, уж лучше пусть такое не снится.

— Это оттого, что я сновидела. Вот и тебе передалось. Такое может быть.

— О, проклятье, ну и дела... Может, сновидь так, чтобы мне не передавалось?

— Ну предупреждали Арсая: «Это трудно — любить шамани», — засмеялась она.

— А я уж испугался, всё так реально было...

— Не настолько глупа Айлиша, чтобы бросать Арсая и идти самой, когда ее ищут. Кроме того, научу тебя отличать сон в другом теле от сна повседневности.

— Аааа... Э... — Арся это весьма запутало.

— Когда снится тебе нечто, то посмотри куда вдаль; или пожелай, чтобы всё исчезло. Если спишь, то перенесешься туда, куда смотрел; или всё исчезнет, как ты и хотел.

Звучало странновато и нереально.

— Вот как... Наверное, это трудно... — засомневался он.

— Нет-нет. Немножко силы и ахмара, и тогда получится всё. Это не есть сложно, — весело молвила она, плавно играя кончиком хвоста. — Этому детей учат, а ты говоришь: трудно, трудно.

И еще раз засмеялась; Арсаю передалось это приятное, дивное настроение беззаботности и удовольствия.

— Мы пойдем в Хартланд, Айлиша, — важно изрек он.

— Хартланд? — нахмурилась она. — Главный прайд Союза?

— Да. Прямо к нашему конунгу, — добавил еще важнее.

— Но разве он примет нас? — с недоверием спросила она.

— Думаю, да.

— Я же Саргали. У него будет злость.

— Союзу нужны шамани... Конунгу нужны. И смотри. Если конунг примет нас, то ты снова станешь шамани для прайда. Только другого. Нет-нет, — молвил он, всё еще замечая ее неверие, — поверь мне. Он отнесется хорошо. Я очень на это надеюсь.

— Что ж, пусть будет так, — Айлиша без спора согласилась с ним.

— Айлиш...

— Да?

— А ты не против быть шамани для Хартланда? Если не желаешь, то не пойдем туда.

— У знания нет границ. Без разницы мне, — она снова сладко потянулась. — Куда намай, туда и Айлиша.

— Ведь тебе, наверное, придется помогать конунгу, — осторожно молвил он. — У него вовсе нет шамани, ни одной.

— Это конунг будет думать, что я помогаю ему. На самом деле я лишь бросаю вызов самой себе, — загадочно ответила она. Потом взгрустнула: — Жаль, что не покажет Айлиша Нахмэ-валару для тебя. Водопада не увидишь и чистые души...

— Как знать, — ответил Арсай. — Как знать, моя Сизэ...

— Сизэ? — удивилась Айлиша, ревниво посмотрев на него. — Нэ! Это с кем ты спутал меня?

И укусила его за ухо, чтоб не смел так ошибаться.

— Не спутал... Это долгая история, — Арсай поцеловал ее, потому что любил.

— Расскажи Айлише, иначе искусает.

— Ты моя дикая любовь, — тихо, сердцем, как она учила, молвил Арсай.

Он начал рассказывать, как в детстве слушал стихи о Сизэ и мечтал о том, что встретит свою; она смеялась и внимала рассказу. Теперь Арсай знал: у них есть путь вместе, и даже если в Хартланде конунг их не примет, то это неважно, они пойдут дальше (наверное, в Морлай), куда угодно, хоть на край света, ведь он нашел свою Сизэ, которая уйдет за ним.